

ЕЛЕНА САМАРИНА

ГОДЫ УХОДЯТ, А ВРЕМЕНА ОСТАЮТСЯ

РОССЫПИ ПАМЯТИ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ШТЕРН»
Екатеринбург
2011

Моим внукам и будущим правнукам

На подходе собственного 80-летия у меня в мыслях возникали и параллели с прошлым, и калейдоскоп из настоящей жизни, и даже что-то из будущего. И все хотелось записать на память. И это несмотря на то, что в трех предыдущих книгах я уже освещала разные периоды своей жизни. Но ведь жизнь пока еще идет дальше и дальше! Поэтому процесс воспоминаний и мечтаний не останавливается. И как у Омара Хайяма:

Океан, состоящий из капель, велик.

Из пылинок слагается материк...

Когда мне захотелось в очередной раз всколыхнуть свое прошлое и взглянуть на настоящее, то оказалось, что этого хотят для себя сделать и многие мои друзья. Так и возникла идея включить в эту книгу воспоминания, и разные мысли не только мои и моих родных, но и близких друзей, как я уже делала в книге «Дерево моей жизни». А для тех, кому любопытно узнать, сколько же у меня здесь было соавторов, придется пролистать всю книгу.

Бог властен преобразить будущее.

Но в прошлом он ничего не может изменить. *А. Дюма*

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ СТРАНИЦЫ

Вот как бывает – чем дольше живешь и становишься старше, тем чаще вспоминаются события из все более и более далеких времен. И, видимо, так будет продолжаться до конца, пока живешь. Мне казалось, что я у своей 99-летней мамы уже все расспросила, но нет – вдруг под влиянием разговора или передачи по телевизору возникает параллель с прошлым и она неожиданно вспоминает что-то интересное. Когда недавно показывали, как где-то на поля налетела туча саранчи, то мама вспомнила из своего детства на казачьем хуторе Камышном случай, когда они пришли после налета саранчи на свою бахчу, то увидели сплошь белые арбузы. Оказывается, саранча на всех арбузах объела зеленую корку.

А сейчас мама, когда ложится спать, то перед тем как заснуть вспоминает свое детство на хуторе – большую усадьбу с многочисленными хозяйственными постройками, а также вишневый, терновый и яблоневый сады. Вспоминает, где какая яблоня росла, как собирали сливу «угорку». Рассказывает о своих крестных из того же хутора, особенно запомнился ей крестный с причудливой фамилией - Платон Хряпкин, который ее, маленькую, всегда угощал конфетами-подушечками. В общем, переносится в мыслях на 90 с лишним лет назад.

В 1930 году мама (Мария Васильевна в девичестве Туреева) вышла замуж за Третьякевича Михаила Иосифовича, который был командирован в этот район работать агитпропом, хотя женихов у нее было много, причем богатых. Кто-то из них потом был раскулачен, а некоторые отправлены на Соловки. Мама кончила 4 класса сельской школы, позже курсы кройки и шитья. Умела шить сложные вещи, даже зимние пальто, мужские рубашки и брюки, а также шила нам с сестрой Зиной и себе платья и костюмы. В Луганске недолго работала на овощной базе весовщицей, во время эвакуации в Узбекистане работала сначала в столовой, потом заведующей маленьким сельским магазином в кишлаке им. Усмана Юсупова, где мы жили, в 10 км от Самарканда.

После возвращения в Луганск в связи с переменой работы у отца были переезды то в Паркоммуну, где родился сын Витя в 1944 году, то в Красный Луч, то снова в Луганск, где началась стройка своего дома. Из пригорода Луганска Малой Вергунки, куда в 1938 году перевезли дом из Камышного, (шутя его называли маминым приданым), теперь его снова перевезли, но на этот раз уже в Луганск. Мама была как прораб при его сборке. Получилось большое хозяйство – большой дом, рядом участок: огород, несколько фруктовых деревьев, куры, собака, кошка – и плюс семья. Так мама стала домохозяйкой, хотя хотела бы работать в швейнике, но папа был против, тем более что был маленький Витя.

После окончания института Витя жил с семьей в Донецке и работал там, но хотел жить только в своем доме в Луганске. Поэтому они вскоре переехали в Луганск.

Мама вставала рано – в 5 утра, и целый день крутилась то на кухне, то в огороде, ходила на рынок и по магазинам. Но всегда следила за своей внешностью и выглядела моложе своих лет. После смерти сына Вити в 1997 году, она первое время не хотела переезжать ко мне в Дзержинск – жалко было уезжать из родных мест, но в 2002 году 16 октября, все-таки, я ее увезла в Дзержинск. В свои 99 лет, она неплохо держится – ходим, хотя болит нога, даже понемногу гулять. Правда, неважно видит и слышит, но еще помнит всю родню и ждет с нетерпением приезда внуков и правнуков на каникулы или в отпуск. Вспоминает Луганск, мечтает увидеться с семьей сына – женой Зоей, сыном Мишей и его семьей.

Я жалею, что мы с моим мужем Женей мало обсуждали события из своих жизней. И вообще, почему мы с ним так редко беседовали и говорили, хотя прожили вместе 40 лет? А теперь он часто снится, и всегда что-нибудь говорит мне во сне. Я ночью просыпаюсь и повторяю мысленно свой сон, чтоб не забыть, когда проснусь утром. Бывает, утром пытаешься вспомнить, что приснилось, а не получается, уже забыла.

Интересный сон был во время выборов у нас президента. Я вижу, что Женя сидит за столом и говорит: «Что делать? Я совсем не знаю, за кого мне голосовать». Причем с таким расстроенным видом, как будто бы это большая трагедия. Уже 15 лет Жени нет на земле, и я стала на 12 лет его старше. Часто стоит он перед глазами, когда, пританцовывая, напевает

бардовскую песню «На далекой Амазонке не бывал я никогда». И когда теперь ее слышу по радио или телевизору, то прямо с первых же слов мне эта песня кажется очень – очень грустной.

ПО ЗАКОУЛКАМ ПАМЯТИ

В каждой семье есть свои «далекие годы», которые обычно вспоминают в семейном кругу. У нас с Женей это всего лишь 1953 год, когда я после окончания Менделеевского института попала в город Дзержинск по распределению и начала работать в Отделе «С», будущем НИИПолимеров. Там начал работать и Женя Самарин после окончания Горьковского политехнического института. Так мы и встретились. До 1953 года у нас с ним общего прошлого не было, не считая того, что жили мы с ним в одной стране. Конечно, когда у нас началась совместная жизнь, то каждый из нас рассказывал что-нибудь о своем прошлом, но такие беседы, как мне теперь кажется, были очень редкими.

Женя родился в поселке Растяпино в 1928 году, которое в 1930-м стало городом Дзержинском. Его родители Федор Иванович и Пелагея Ивановна Самарины приехали сюда из села Ичалки Нижегородской области, что на реке Пьяне, и устроились работать на завод.

Его крестили в церкви Черного села рядом с Дзержинском. Крестным был молодой парень, уже комсомолец, во время ритуала крещения он передразнивал хромого попа, когда шел за ним следом, а тот держал на руках маленького Женю. Крестная – сестра матери Матрена Ивановна – при этом умирала со смеху. Она потом рассказывала нам в лицах, как все происходило. Тетя была очень острая на язык, и слушать ее было забавно.

Наверное, поэтому, несмотря на крещение, Женя был атеистом, хотя позже с большим интересом изучил и Библию и даже Коран. А когда снесли эту церковь примерно в 70-х годах прошлого века, он был недоволен и обвинял как виновника сноса бывшего тогда директором завода «Корунд» Петрищева, в районе которого она находилась.

Женя был, как говорят, «человеком из народа» - говорил на горьковское «о», знал много притчей, поговорок и частушек, сказывалось его природное остроумие. При этом друзья отмечали, что при близком общении открывалась его способность правильно и мудро анализировать происходящие события.

Когда я в 1953 году перешла из гостиницы жить в общежитие, где в комнате нас было двое – Лиза Первушина и я, у меня возникла идея образовать кружок молодых специалистов для слушания классической музыки. Для этого у меня был приемник с радиолой «Урал-47», подарок родителей, и 200 пластинок, которые я постепенно приобрела за 5 лет учебы в Москве. Все пластинки я покупала в музыкальном отделе ЦУМа. Вспоминаются на полках магазина бесконечные ряды патефонов.

Приходило человек десять, все садились прямо на кровати, я сначала немного объясняла, а потом ставила пластинки. Программу готовила

заранее. Помню, что были темы 1 и 6 симфонии Чайковского, которые я люблю, «Влтава» Сметаны, был даже концерт по заявкам. На эти встречи приходил и Женя. Однажды во время прослушивания венгерского танца №1 Брамса, при первых звуках мелодии мы с ним почувствовали какое-то внутреннее сближение. Об этом я теперь сразу вспоминаю, когда слышу эти трогательные начальные звуки танца.

Женя любил петь романсы, русские и советские песни, хотя слух у него был неважный, зато голос – низкий и громкий. В нашей компании он был главным запевалой. Причем, к встрече с друзьями готовился заранее, вспоминал тексты песен, чтоб потом не путаться в словах. Тогда и все остальные дружно подпевали, получалось слаженно, как будто так и должно быть.

Но у Жени были и любимые классические произведения. Он очень любил «Рассвет на Москва-реке» Мусоргского, радовался, когда приобрел только что появившиеся долгоиграющие пластинки – и эту вещь, и шестую симфонию Чайковского и даже «Болеро» Равеля. Как это было уже давно! Вспоминается, как кадры старого фильма.

Война для их семьи стала большим испытанием, как и для многих других. Отца – Федора Ивановича – в 1942 году взяли в армию. Сначала он воевал под Ленинградом, потом его перебросили под Сталинград, где он был ранен в бою у станицы Качалинской, и умер от ран на поле боя. Так написали в похоронке. Матери Пелагее Ивановне пришлось одной поднимать на ноги ребят в возрасте 14 и 5 лет.

И Женя, и его брат Толя после 7 класса поступили учиться в техникум. Благодаря тому, что учились хорошо, они попали в те пять процентов студентов, которым по закону разрешалось поступать в институты. Женя потом закончил Горьковский политехнический, а Толя химфак МГУ. Работая в Нииполимеров, Женя в 1971 году защитил кандидатскую диссертацию. Руководителем у него был известный ученый-химик Альфред Анисимович Берлин, который периодически приезжал в наш институт для проведения консультаций. Он был темпераментный человек, эмоции из него так и выплескивались.

Здесь хочется рассказать об одном небольшом эпизоде, который характеризует Берлина не только как ученого. Он был музыкально одаренным человеком – играл на виолончели, фортепиано, органе и клавесине. Его отец Анисим Берлин был не просто известным музыкантом, а первой скрипкой Государственного симфонического оркестра СССР. Так вот, за банкетным столом после Жениной защиты в ресторане «Минск» мы сидели рядом, у нас произошел такой разговор:

-Альфред Анисимович, я знаю Вашего отца, много раз его слушала в Большом зале консерватории на симфонических концертах. И не раз, когда он играл соло.

- Что Вы говорите! В том же оркестре играет и моя сестра! Только она виолончелистка.

- Например, я помню концерт, когда Ваш отец солировал в «Адажио» из «Лебединого озера». Очень здорово. Дирижировал тогда Константин Иванов.

- Я очень тронут, что Вы помните моего отца. Так вот же, посмотрите, они у меня здесь, в паспорте!

Он показывает маленькие фотографии отца и сестры, заложенные в обложку паспорта. И продолжает разговор:

- Я люблю играть на органе, люблю Баха и хожу заниматься в Малый зал консерватории, а недавно даже приобрел клавесин. Моя дочь – Наталья Гутман, виолончелистка, ученица Ростроповича. Мы с ним близко живем, почти соседи. Из-за того, что власти его не пустили с концертами за границу, и она не смогла тогда поехать. А он – вот ведь какой Славка!- после этого рванул на Дальний Восток, и открыл там на свои деньги музыкальную школу! Я восхищаюсь! (Позже я узнала, что Наталья Гутман была падчерицей Берлина).

На его 60-летие с поздравительным адресом от нашего института командировали Женю. Он потом рассказал, что в честь юбиляра состоялся концерт, на котором играла и сама Наталья Гутман. А для меня ее имя связано с образом Рихтера, потому что они были большие друзья и часто вместе играли на «Декабрьских вечерах» в музее изобразительных искусств.

Да, из таких вот мелочей, случаев, кусочков семейной истории и складывается наше Прошлое. Мы в нем время от времени копаемся, и находим каждый раз какое-нибудь зернышко, интересное для себя.

12 октября 2010 года мы вспоминали две семейные даты – 100 лет было бы моему отцу и 15 лет, как не стало Жени. Мы с мамой и мои близкие подруги посидели за столом, вспоминали. Сима училась с Женей в институте в одной группе и рассказывала, как Женя сдавал экзамены – никогда не спешил, не волновался, в последние минуты читал конспекты, шел сдавать и в результате получал пятерку. А я вспомнила, как после первого знакомства с моим отцом, когда мы с Женей приехали в Луганск в отпуск, он сказал: «Твой отец очень умный». Они часто беседовали, сидя на веранде и обсуждая разные житейские и политические вопросы, подружились и высоко оценили друг друга.

Моя внучка Оля тоже задумалась о том, что может скрываться, например, за словами «Это было давно». Она размышляет на страницах своего дневника:

«Какой срок ты имеешь в виду, когда говоришь «Это было давно»? Для ребёнка, которому год, давно – это 3 месяца назад. Для 14-летнего подростка давно – 2 года назад, а 30-летний мужчина будет так говорить о своих четырнадцати. А что может сказать человек, которому за 70?»

Например, я могу сейчас довольно подробно описать последнюю неделю. Но через месяц я не смогу вспомнить всё так детально, как вспоминается сейчас. Мозг стирает ненужную информацию, это нормально.

Но почему-то есть события, для которых срок хранения дольше, чем для всех остальных.

Для каждого события есть три стадии хранения в памяти – отчётливая, размытая, и стадия, когда событие стирается совсем. Только почему-то у событий, имеющих один и тот же срок, бывают разные стадии.

Было бы здорово, если бы перед тем, как что-нибудь совершить, нам указывался срок до того, как мы сможем сказать «это было давно». Срок годности, как на йогурте».

Оля в 2010 году пошла в 11-й класс лицея. Она учится в классе с математическим уклоном. Занимается музыкой на фортепиано дома с преподавателем. Внучка Лена тоже училась играть на пианино. У нее «музыкальные» руки, играла уже хорошо рапсодии Листа, но... на этом остановилась. Она лингвист и уже после окончания института пошла работать.

Внук Алеша уже более двух лет как окончил МИЭМ, а до этого тоже учился музыке по классу кларнета, выступал со школьным оркестром, даже в училище им. Гнесиных. Но это тоже в прошлом. А Оля не только играет, а и сама сочиняет, у нее уже есть несколько собственных произведений. Она хорошо чувствует музыку. Однажды прислала мне краткую СМС-ку: «Ба, я влюбилась во 2-ю прелюдию Баха».

ЭТОГО НЕ ЗАБЫТЬ

В ночь на 22 июня 2010 года я неожиданно проснулась в 4 часа ночи. Удивилась как светло на улице, и вспомнила, что ведь это самый длинный день в году. И что именно в 4 часа утра в этот день 69 лет назад началась война. Мы тогда 22 июня 1941 года в Ворошиловграде об этом узнали только в 12 часов дня, когда всей семьей – папа, мама и десятилетняя я – шли из кинотеатра после фильма «Линия Маннергейма» о финской войне, и увидели толпу людей возле репродуктора. Все слушали речь В.М. Молотова о том, что началась война. Глядя на тревогу родителей, я тоже почувствовала, что случилось что-то серьезное.

Теперь уже известно, что в этой войне наших людей погибло 26,6 миллионов – космическая цифра! И среди них из нашей родни:

Виктор Третьякевич, младший брат отца, комиссар «Молодой гвардии», казненный фашистами в Краснодоне 15 января 1943 г;

Федор Иванович Самарин, мой свекор, раненый под Сталинградом и погибший от потери крови на поле боя 10 декабря 1942 г;

Альфред Юрьевич Кнорин, свекор дочери, погиб в январе 1943 г, в ополчении под Ленинградом;

Александр Радаев, родной дядя мужа, погиб в первые дни войны в 1941г, когда разбомбили состав, в котором находилась его часть;

Володя Матвеев, двоюродный брат мужа, погиб на фронте 19-летним в 1942 г;

Алексей Голодный, сводный брат мамы, прошедший финскую войну и погибший в Отечественной войне под Курском в 1943 г;

Время от времени просматриваю книгу «Самый памятный день войны», которую мне недавно подарила ответственный ее исполнитель д.ист.н. Нина Константиновна Петрова. Книга включает письма-исповеди участников и свидетелей войны из архива газеты «Комсомольская правда».

Каждое письмо – это кусочек из фронтовой жизни, их названия и то о многом говорят: «Кто спас меня – не знаю», «Из 200 человек нас осталось двое», «Сутки в бою под Сталинградом. Бились до последнего», «Двадцать восемь «тигров» против одной батареи»...

294 письма, включенные в книгу, – это настоящая история войны.

О первом дне войны в своей семье рассказала Галина Алексеевна Дружинина. С нею и ее дочерью Аленой мы давно уже знакомы. В рассказе Галина Алексеевна затронула и историю своей семьи. Это жизненная история, подобных ей было немало.

Воспоминания о воспоминаниях

Параллели с прошлым: как легко их провести – и, вместе с тем, как трудно! Тропинки к нашему прошлому – воспоминания. Но я напишу воспоминания о воспоминаниях.

«Моя мама родилась в 1910 году. Назвали ее Нюсей, то есть Анной. Ее отец, Лев, работал путевым обходчиком, а мама, Евдокия, управлялась по дому, растила четверых детей: двух девочек и двух мальчиков.

Умерла Евдокия, когда Нюсе было 14 лет – и всё легло на её ещё детские плечики: и работа по дому, и забота о младших братьях: Феде и Янеке и тревога за старшую сестру Юлю, которая после смерти матери «пустилась во все тяжкие». Отец в скором времени женился, но у Аксиньи было своих четверо, и Нюсе с мальчиками она стала настоящей мачехой.

Не знаю, была ли Нюся красива в то время, фотографий не сохранилось, знаю лишь, что у неё были русые, до колен косы. Вот этими-то косами она и «обвила», завлекла своего будущего мужа – Трофима Павловича. Пишу отчество, потому что было ему 36 лет, а Нюсе – лишь 16.

Трофим Павлович был военным, часто приходилось менять место службы – жениться-то и не успел. Или просто не встретил свою суженую. Пока не увидел Нюсю. Увидев её, выпрыгивающую из окна, с волной плавно летящих волос, Трофим Павлович сказал себе: «Только она будет моей женой».

Так и случилось. Думаю, что у Нюси не было любви с первого взгляда. Вероятно, немалую роль сначала сыграло и то, что надо было растить мальчишек, хотелось уйти от мачехи, но через некоторое время она поняла, что уже не представляет себе жизни без этого заботливого, весёлого человека. Трофим Павлович перевёз Анюту (так он её стал называть) вместе

с мальчишками в город Челябинск. Почти всё время с ними жила и дочь старшей сестры Юлии.

А годы не шли – летели... Его перевели служить в Минск. Жили в небольшом домике, появились новые друзья. 21 июня 1941 года собрались дружной компанией у Анюты с Трофимом Павловичем, был тёплый субботний вечер, Засиделись до поздней ночи, спорили о том, будет ли война, танцевали, пели песни. Несколько раз повторяли одну, любимую всеми:

Любимый город может спать спокойно,
И видеть сны,
И зеленеть среди весны...

Проводили друзей, но спать ещё не ложились, сидели некоторое время молча, обнявшись. Вдруг послышался гул самолётов. Только гул, но Трофим Павлович вскочил на ноги: «Анюта, неужели... Я звоню в штаб».

Он побежал в дом, а Анюта осталась во дворе, повторяя про себя, как молитву: «Нет, это не война, это просто учения...» Но, повторяя это, она уже понимала весь ужас происходящего, ведь недаром была женой военного столько лет.

Трофим Павлович выбежал из дома, уже успев переодеться и собраться: «Анюта, война... Я в полк. Прошу, сбереги себя. Отсюда уходи сейчас же. Не бери ничего, только продукты на первое время. Пробирайся в наш город (Челябинск). Я буду писать тебе туда. Жди, я обязательно вернусь!».

Что в ответ ему говорила Анюта – она не помнила. Она вообще ничего не помнила, а пришла в себя на дороге, в толпе женщин и детей. Она не любила вспоминать, как они бежали, как их, беззащитных, бомбили, и с каждым разом редела толпа беженцев, как сумела добраться через полстраны туда, куда ОН должен был написать. Анюта гнала от себя страшные мысли. «Он обещал, он обязательно вернётся!»

Она получила от мужа единственное письмо. В следующем была похоронка: «Уважаемая Анна Львовна! Ваш муж погиб смертью храбрых...» И её фотография, залитая ЕГО кровью...

В этот день она стала Анной.

Из статьи Вершинина Г.Г., бывшего корреспондента армейской газеты «На врага» Северо-Западного фронта:

«... Вместе с бойцами наступают и командир полка майор Антон Иосифович Грицкевич, а также комиссар Трофим Павлович Рудаков.

Бойцы прочесывают каждую улицу, каждый переулок. Поселок очищен. Освобожден и город. На площади в южной части города комиссар водрузил Красное знамя. Жители вышли на улицу встречать освободителей. Спрашивают: «Как же Москва?», «Что с Москвой?», «Москва-то наша или уже у немцев?». Именно эти вопросы больше всего волновали тверичан, истосковавшихся по свободе, ибо с Москвой они связали и судьбу всей нашей Родины. А бойцы на ходу им отвечали:

- Наша, наша Москва. Теперь живите спокойно.

Когда же полк вернулся в боевой порядок дивизии, занял новую исходную позицию для наступления на Старицу, в районе селения Мозжарино, комиссар полка Рудаков рассказывал бойцам, которым не довелось побывать в городе:

- Мы ужаснулись тому, что увидели: город лежал в руинах, сгорело много домов и текстильный комбинат, разрушены заводы и дороги. Нашему сердцу старинные здания, построенные еще в XVIII веке великими русскими зодчими К. Росси, М. Казаковым, П. Никитиным. На улицах виселицы... Все, что увидели бойцы нашего легендарного полка, придало еще больше им силы и ненависти к врагу. Так вперед же, братцы! Теперь на пути – Старица! За четыре дня боев полк потерял 13 человек убитыми и 43 получили ранение. Нашими же бойцами было уничтожено 867 вражеских солдат и офицеров.

Командующий Калининским фронтом генерал-полковник И.С. Конев объявил всему личному составу полка благодарность и его героические действия в тылу врага поставил в пример всем частям фронта. 25 бойцов и командиров были награждены орденами. А. И. Грицкевич и Т. П. Рудаков удостоены орденов Ленина.

10 января 1942 года боевой комиссар погиб. Погиб нелепо. Как рассказывал начальник политотдела дивизии А.Ф. Китаев, произошло это так: «Перед дивизией была поставлена задача наступать ночью. Мы с комдивом генерал-майором П. А. Степаненко вывели командиров и комиссаров частей на рекогносцировку. Рудаков сел к дереву спиной и шальная пуля попала ему прямо в сердце, так что он даже и звука не издал». Похоронили его под деревней Богоявление, впоследствии останки погибших воинов были перенесены в братскую могилу в деревне Мартьяново, где и покоится душевный человек, любимец бойцов и командиров комиссар Рудаков.

И вспомнился мне один декабрьский день 1941 года. Над картой склонились А. И. Грицкевич и комиссар Т. П. Рудаков. Советовались, как лучше выполнить поставленную задачу. Потом сели обедать и как-то незаметно перешел разговор на тему о дружбе. Грицкевич, похлопав по спине Трофима Павловича, с большой теплотой сказал ему: «Хоть крови мы не родной, но души одной». Командир и комиссар были душой своего родного полка. За свои боевые дела полк по праву называли «героическим».

Всю жизнь Анна помнила Трофима Павловича. Несмотря на то, что после войны вышла замуж, она всегда помнила его. Она не только оставила себе его фамилию, но и мне, своей дочери, дала её.

И никогда не могла без слёз слушать эту песню:

Любимый город может спать спокойно,
И видеть сны,
И зеленеть среди весны...»

Первые дни войны – это и героизм защитников Брестской крепости. Интересно прочитать о ней рассказ моей землячки историка-архивиста Ирины Иоффе, с которой мы учились 60 лет назад в одной школе в Луганске.

Брестская крепость – легенда продолжается

«Для людей моего поколения еще есть слова-символы, которые хранятся в глубинах памяти и сохраняют годы и годы свое огромное значение и влияние: «Брестская крепость», «Молодая гвардия», «Сталинград», «Победа»... Вроде бы многое и позабылось, но какой-то толчок извне и память послушно выдает то, что в них хранилось. Вот со мной совсем недавно так и произошло. Когда по телевизору рекламировали новый фильм «Брестская крепость», это событие меня очень взволновало, хотя я его не смотрела, – просто вспомнилось то, что несколько лет занимало в моей жизни немалое место...

В 1954 году я окончила исторический факультет Ленинградского университета и получила распределение в областной краеведческий музей в город Брест. Что я о нем знала? Почти ничего - областной центр, небольшой город на западной границе, железнодорожный узел, что связывает нашу страну с Европой. Да, еще в этих краях было мощное партизанское движение, и есть крепость, мужественно оборонявшаяся в первые дни войны. Но ее громкая слава была еще впереди!

Итак, в августе 1954 года я прибыла к месту назначения, поселилась в единственной здесь гостинице. Когда на следующий день шла, волнуясь, на встречу к начальству, мне встретила оживленно беседующая группа людей. Осталось смутное впечатление, что лица некоторых из них мне показались знакомыми.

Вскоре я узнала от коллег и из газеты «Заря» («Зара» по-белорусски), кто это был - в город прибыли поэт и писатель К.Симонов, актриса Валентина Серова, журналист и писатель, занимающийся военной тематикой, С.С. Смирнов, а также научный сотрудник центрального музея Советской армии Т.Никонова и геройский защитник Брестской крепости в 1941 году инженер-геолог из Армении Самвел Матевосян.

Так в их творческой биографии совпало, что всем пятерым именно в это время необходимо было побывать в Бресте. Константин Симонов задумал сценарий кинофильма о Брестской крепости, в котором, естественно, одну из женских ролей должна исполнить Валентина Серова. Сергей Сергеевич Смирнов, уже немало собравший материала о защитниках крепости, приехал лично побеседовать со свидетелями и участниками, живущими в Бресте и области и Татьяне Никоновой, как работнику музея, нужно было быть на месте событий первых дней войны. Ну, а Самвел Матевосян при содействии Симонова и Смирнова смог, наконец-то, побывать на месте жестоких боев, где он не был 13 лет.

В городском театре прошла встреча с К. Симоновым, а по инициативе С.Смирнова группа приехавших и живших здесь участников событий, жены (вдовы!) командиров Брестского гарнизона 1941 года, дети героев тех боев, и жители города, включая сотрудников музея, приняли участие во встрече с солдатами и офицерами гарнизона крепости.

Выступали участники боев, те, кто пережил страшные первые дни войны, и своими рассказами вызвали немалые волнения у слушателей. Рядом со мной сидел белорусский журналист и писатель, участник боев в крепости в 1941 году А.И. Махнач и было видно, как его колотила нервная дрожь (видимо, последствия полученной контузии).

С.С. Смирнов рассказывал о тех событиях и своих поисках героев. Его слушали те, кто проходил сейчас службу на территории крепости. Вся она несла на себе следы разрушения и запустения, о восстановлении тогда еще речь не шла. Потом уже постепенно стали восстанавливать здания, казармы, укрепления крепости. Возникла мысль о создании музея обороны Брестской крепости. А пока текущую работу по сбору документов и материалов, по установлению связей с участниками событий занимался областной краеведческий музей.

Своего здания у нас не было, для создания музея был выделен бывший костел, в нем шли ремонтные работы, экспонаты хранились в подвале здания облисполкома, а мы, сотрудники, ютились в крошечной комнатухе в здании типографии газеты «Заря», где помещались с трудом два письменных стола и стул для посетителей. Вот в этих условиях и проходили наши встречи.

Сюда приходили дети героев Брестской крепости: Алик Бобков, молодой паренек, сильно прихрамывающий от многочисленных ран, полученных в первый день боев в шестилетнем возрасте; ему пришлось быть свидетелем гибели матери, отца и младшей сестренки. Приходила молодая симпатичная девушка Таня Шабловская – вторая дочь легендарного капитана Шабловского, который на глазах жены и четырех дочерей с криком: «Кто не хочет плена – за мной!» прыгнул с моста в Буг. И он и жена, последовавшая за ним вслед, были, конечно, расстреляны в воде.

Таня и Алик Бобков воспитывались в детском доме, потом учились в фельдшерской школе. Приходила к нам Анастасия Аршинова-Никитина, одна из тех жен командиров, которым пришлось пройти через жестокие бои и плен.

В 1956 году был снят и вышел на экраны фильм «Бессмертный гарнизон» по сценарию К.Симонова (режиссер З. Аграненко и Э. Тиссэ) и в том же году получил Почетный диплом МКФ в Венеции. А масштабы той грандиозной работы, которую развернул С.Смирнов трудно даже представить и переоценить. Это не только запись воспоминаний, установление хода событий и его участников. Это спасительное вмешательство в нелегкую судьбу нескольких героев, прошедших плен и не очень благополучную жизнь встретивших на родине.

Это тысячи писем, звонков, ходатайств «на самый верх», это сотни встреч, поездок, это несколько лет беспокойной жизни. Когда Сергей

Сергеевич заглядывал к нам в музей, в нашей тесной комнате становилось светлей и интереснее. Наши попытки поудобнее устроить его за письменным столом категорически им отвергались. Садился на единственный стул напротив, нога на ногу, на колени блокнот: «Я военный корреспондент и привык работать в любых условиях».

Летом 1956 года отмечалось 15-летие героической обороны крепости. Съехались не только участники прошлой встречи: о многих стало известно, многие возникли из «небытия», забвения, ссылки и лагерей (уже своих). К этому времени уже стали известны подробности многих событий, установлено было, какую огромную роль сыграл в обороне Брестской крепости руководитель боев в Восточном форте, «герой из героев», майор Петр Михайлович Гаврилов. Он из тех, кто сражался до последнего дыхания, до последней капли крови.

Я хорошо помню рассказы о Гаврилове. Когда он попал в плен в бессознательном состоянии, а затем в госпиталь для военнопленных, он мало походил на здорового, энергичного командира, каким помнили его бойцы 44-го полка, которым он командовал. Нечеловеческое напряжение, многодневный голод превратили его в обтянутый кожей скелет, у него не было сил даже глотать пищу. Немцы положили его еле живого на носилки и пронесли вдоль строя солдат, как образец мужества и верности своему воинскому долгу, хотя это и противник.

В летние дни 1956 года на городском стадионе собрался митинг – встреча с П.М.Гавриловым. Идут выступления, воспоминания. И вдруг по громкоговорителю на весь стадион сообщение: «Петр Михайлович Гаврилов после 13-летних безуспешных поисков в одном из инвалидных домов Брестской области нашел свою первую жену, с которой расстался в первые минуты войны!» Стадион взорвался эмоциями.

Жена Гаврилова уже до войны была тяжело больна, а все перипетии плена, отсутствие сведений о судьбе семьи, скитания и болезни превратили ее в полного инвалида, прикованного параличом к постели. Как стало потом известно, он сразу же забрал Екатерину Григорьевну из дома инвалидов и увез с собой в Краснодар, где его вторая жена преданно ухаживала за нею как за сестрой несколько месяцев, до ее кончины в декабре 1956 года.

Но с майором Гавриловым (в 1956 году он стал Героем Советского Союза) связан и лично меня касающийся эпизод, вернее - немалый конфуз. С.С. Смирнов в эти дни организовал своего рода экскурсию по Брестской крепости (во многом это означало по развалинам и руинам) для собравшихся участников боев с целью уточнения мест тех или иных событий.

Постепенно приблизились к тому месту в северо-восточной части вблизи главных ворот, которые были так памятны майору Гаврилову, и о которых он подробно рассказывал, вспоминая о последних днях. И тут я под влиянием столь героических рассказов задала Петру Михайловичу вопрос: «Вы приближались к воротам, чтобы уйти к партизанам?» Он резко повернулся ко мне и сказал, как мне показалось раздраженно, если не зло:

«Глупенькая девчонка! Я жить хотел!» Я была ошарашена такой неожиданной реакцией.

И хоть никто, кажется, даже не заметил этот эпизод, настроение стало у меня «нулевое». Ведь для такого предположения у меня были основания. В своей книге много позже С.Смирнов писал о последних днях трагической Одиссеи майора Гаврилова. «Боеприпасов у него и пограничника, что был с ним до конца, осталось совсем мало, и командир с бойцом решили попробовать спрятаться, чтобы потом, когда немцы уйдут из форта, выбраться из крепости и идти на северо-восток, в Беловежскую пушу, где, как они надеялись, действуют наши партизаны». (изд.1964 г., стр. 147)

Конечно, Гаврилов не мог знать обстановку за пределами крепости, но намерение такое имел? Видно надоело ему говорить о каждой минуте с позиции героя! На таких людей нельзя обижаться, но запомнилось!

А осенью 1956 года я уехала из Бреста в родной Ворошиловград (теперь Луганск, Украина) и увезла с собой довольно много уникальных фотографий, все в одном экземпляре. В 1957-58-годах среди пионеров и школьников развернулось движение за звание «Спутник семилетки». Один из 5-х классов моей родной школы №7, где классным руководителем была моя мама Ксения Константиновна Белухина, при моем участии подготовил альбом «Брестская крепость и ее герои», в который я передала все свои фотографии. Класс получил первое место в школе, а я лишилась этих документов.

Где теперь может быть этот альбом! Может быть, хранится в школьном музее, который был создан много лет спустя и получил имя Виктора Третьякевича, комиссара «Молодой гвардии», окончившего нашу школу в 1942 году. Вот такая ниточка от Бреста до родины «Молодой гвардии». Впрочем, она не одна. С.Смирнов установил, что в Донбассе в те годы проживало около 10 участников обороны Брестской крепости, а один – Р. Забирко – даже родом из Донбасса, и летчик П. Рябцев, совершивший над Брестской крепостью одним из первых воздушный таран.

Популярность истории героической обороны Брестской крепости все нарастала. Кроме книг, статей, пьес С.С.Смирнова, стали событием в жизни страны его выступления по телевидению с рассказами о героях крепости. И все же для меня полной неожиданностью стала вышедшая в Самаре в 2001 году книга В.М. Шарлота, посвященная участникам обороны крепости – пограничникам. В книгах Смирнова о них несколько страниц, а у Шарлота большое документально-художественное произведение.

О Брестской крепости еще не забывают! Продолжит ли эту традицию памяти молодое поколение? А пока, мне кажется, можно закончить эти воспоминания названием книги В.Шарлота: «Брестская крепость - продолжение легенды». Пусть легенда-быль продолжается».

Мы гордились всегда, что в нашей дзержинской компании есть участник Отечественной войны Борис Петрович Штаркман – доктор

химических наук, профессор, к тому же очень остроумный и веселый в компании человек. Он для моей книги «Дерево моей жизни» писал рассказ о своей встрече и дружбе с Вильямом Похлебкиным, (впоследствии ученым-международником и автором кулинарных книг), когда они находились на Забайкальском фронте. Здесь Борис Петрович рассказывает о фронтовых буднях, когда он находился на Калининском фронте.

«Финка»

«Это было поздней осенью 1942 года на Калининском фронте. По всем признакам наша 3-я Ударная армия, в которую входила и моя дивизия, готовилась к наступлению. Все были поставлены на уши, особенно разведка.

Я дежурил на наблюдательном пункте (попросту говоря, НП). Длительное стояние в обороне позволило оборудовать НП довольно комфортабельно. Окопчик в полный рост, где стояла стереотруба, был обшит досками, а в двух шагах по ходу сообщения был вход в блиндаж, который, хотя и был тесный, но позволял растянуться с удобством на подстилке из соломенных матов.

Со мной дежурила телефонистка по имени Нелли (просто – Неля) - москвичка, симпатичная с виду и приятная в обращении.

Как это часто бывало, в тот раз мы спали обнявшись. Никаких сексуальных намерений, просто чтобы было теплее. Под утро мне показалось, что у нее жар. Я разбудил её и спросил, что у нее болит. Она пожаловалась на руку. Я помог ей снять бушлат и задрал её гимнастёрку. Действительно, слева подмышкой был отчетливо виден большой волдырь с гнойной головкой.

Я позвонил на командный пункт, объяснил ситуацию и попросил прислать ей замену. Мне отказали и в жесткой форме приказали продержаться два-три дня и выполнять все задачи в полном объеме. Надо было что-то делать, и я решил, что надо резать. Резать можно было только моей «финкой».

Кстати о «финке». На самом деле это была не финка (так её для простоты называли все, в том числе и я), а трофейный эсэсовский офицерский нож. Рукоятку, на которой была изображена свастика и надпись «Gott mit uns», я обмотал изолентой. Все мне завидовали, нож в самом деле был отличный. Им можно было даже бриться, что я иногда и делал. Консервные банки я им резал как-будто они были бумажные.

Я уложил Нелю на растянутый на полу бушлат, задрал её гимнастёрку, протёр спиртом подмышку, дал ей выпить полстакана разбавленного спирта (сам тоже хлебнул немного для храбрости) и осторожно кончиком ножа подрезал волдырь по самому краю, а затем слегка надавил на него. Вытекло много гнойной жидкости. Я тщательно протер всю подмышку, заложил тампон от индивидуального пакета, а затем прибинтовал руку к телу прямо поверх гимнастёрки.

После этой процедуры Неля почувствовала себя лучше, и мы вместе дежурили до конца смены. Когда нас сменили, я сам отвез Нелю на

мотоцикле в медсанбат. Врач осмотрел её и сказал мне, что я всё сделал правильно: и то, что разрезал, и то, как разрезал. Он сказал, что мог быть сепсис. Я не знал тогда, что такое сепсис, но понял, что это что-то опасное. На прощанье Неля меня поцеловала и сказала: «Бог знает, что будет дальше. На всякий случай запомни мой московский телефон». Я запомнил.

Как я и ожидал, вскоре началось наступление. Мы двигались в направлении города Белый (Смоленская область). Наступление было очень тяжёлым. Немцы занимали укреплённые позиции на возвышенностях, а нам приходилось передвигаться и тащить тяжелую технику по заболоченным низинам. Было непонятно, почему мы не дождались пока болота не подмерзнут. Только потом стало ясно, что наше наступление должно было просто отвлечь часть сил противника от Сталинграда».

К этому добавлю из рассказов Бориса Петровича, что в феврале 1943 года при наступлении на город Белый он был ранен. Сначала лежал во фронтовом госпитале в Торопце, затем в Калинин, где его прооперировали, затем в Москве в госпитале Бурденко, где провели вторую операцию. После этого его отправили на долечивание в Иркутск.

После выписки он попал в распоряжение Забайкальского фронта на границу с Маньчжурией. Обстановка там была очень напряженная - в Маньчжурии стояла в полной боевой готовности японская Квантунская армия. Здесь тоже Борис Петрович после очередного огневого столкновения в ноябре 1944 года был ранен и попал в гарнизонный госпиталь.

Друг Бориса Вайсберга участник Отечественной войны Леонид Фрумкин прислал ему рассказ, который он услышал от фронтовика танкиста. «С тех пор, - говорит Леонид - прошло много времени. Забылись и его фамилия, и многие подробности, но все же попытаюсь вспомнить и перескажу от его имени:

Золотые руки солдата

В феврале 45-го в составе 1-го Украинского фронта освобождали мы Польшу. Был я тогда безусым лейтенантом, командиром танка Т-34, а наводчиком был у меня в экипаже Григорий, Гриша. Фамилию уже и забыл. В нашем танковом полку все с любовью звали его «Гриша-музыкант». Прозвище свое он получил потому, что, во-первых, был действительно музыкантом-профессионалом – до войны окончил консерваторию, во-вторых, его всегда видели с аккордеоном.

Аккордеон подарили ему разведчики. Говорили, что инструмент очень дорогой, итальянского производства, и что разведчики прихватили его вместе с «языком». «Языка», как водится, доставили в штаб, а аккордеон подарили Грише.

Он между боями по подразделениям ходил с концертами. Естественно, Гриша был любимцем и достоянием всего танкового полка. Теперь при

каждой встрече замполит всегда напоминал мне: «Лейтенант, береги мне Гришу».

И берегли, как могли. Правда, в бою как убережешь одного наводчика, когда все в одном танке. А вот когда обслуживали технику, подыскивали Грише такую работу, чтобы руки свои он не повредил. Он все понимал и возмущался. Тогда я напоминал ему, что приказ начальника – закон. Гриша сердито отвечал: «Есть».

Однажды остановились на отдых в небольшом польском городке. Нашему экипажу для отдыха отвели домик кирпичной кладки под железной крышей. Постучались. Открыла пожилая, аккуратно одетая женщина. По всему видно - из интеллигентных. Вероятно, догадавшись, кто мы и зачем, сразу пригласила: «Проше паньство!» и проводила в комнату.

Сняв полушубки, осмотрелись. Чистенько, три застеленные кровати, небольшой столик. По стенам фотографии – все в рамках под стеклом, а посередине, в дорогой позолоченной рамке маслом написанный чей-то портрет. По правде, для нас и фотографии и портрет все на одно лицо – господя, а вот Гриша подошел к портрету и улыбнулся «господину», как старому знакомому: «Шопен, Фридерик Шопен – знаменитый польский композитор и пианист».

И только сейчас мы заметили в углу большой, шоколадного цвета рояль. Гриша подошел к нему и нежно, как живое существо, погладил полированную зеркальную крышку фортепиано. Затем приставил к нему стул, сел поудобнее, открыл крышку и стал разминать пальцы. Делал он это долго и очень старательно. Затем прошелся пальцами по клавишам и взял несколько аккордов.

Вошла с сердитым лицом хозяйка. «Прошем не грать, то есть фортепяно дроги». «Прошу не играть, это фортепиано дорогое». Гриша все понял. Встал. Извинился и начал объяснять, что перед самой войной окончил консерваторию.

Хозяйка неохотно, но все же разрешила, и, присев на краешек стула, приготовилась слушать. Гриша стал играть полонез Огинского. На звуки фортепиано невесть откуда начали сбегаться дети. Вначале они жались в дверях, затем, осмелев, по одному потихоньку проходили в комнату.

А Гриша все играл и играл. После полонеза что-то еще Шопена, по моему, вальсы. Когда он окончил - тишина, и вдруг – аплодисменты! Особенно старались дети, обступившие Гришу со всех сторон. Растроганная хозяйка подошла к Грише: «Браво, жолнеж, браво!» «Браво, солдат, браво!» Громче всех аплодировали мы – экипаж тридцатьчетверки - знай гвардию!

Когда гости вышли, кто-то вспомнил: «Славяне, а не пора ли поужинать?» Не успели мы достать из вещмешков свой провиант, как в дверь постучали, вошла хозяйка. И не узнать ее - в шикарном платье с красиво уложенными волосами, вся так и светится: «Прошу до столу».

Вспомнив, что солдат ни на что не напрашивается и ни от чего не отказывается, мы сказали: «Айн момент». На столе, покрытом белоснежной

скатертью, в большом красивом блюде дымилась картошка, а вокруг в блюдах соленые огурчики, помидоры...

Но мы тоже не лыком шиты, пришли не с пустыми руками и выставили на стол сало, консервы, хлеб, сахар. Хозяйка, посмотрев на нас, загадочно улыбнулась – «Айн момент» - и вышла. Возвратясь, она поставила на стол красное вино. Судя по этикетке на бутылке еще довоенного разлива.

Рано утром следующего дня мы убывали. Обитатели дома вышли нас провожать. Хозяйка подошла к Грише и протянула ему новенькие меховые перчатки: «Жолнежу, хронь свои злоты рэнки» - «Солдат, береги свои золотые руки», и по-матерински обняла его.

А дети, дети, пока мы не завернули за угол, махали нам руками: «До видзення, до видзення!» - «До свиданья, до видзення!»

Через полчаса, выехав на шоссе и набирая скорость, танки мчались вперед, на запад. До Победы оставалось несколько месяцев».

«Молодая гвардия» и переписка с Президентами

Моя семья неразрывно связана с историей «Молодой гвардии» Краснодона. Младший брат отца, мой дядя, Виктор Иосифович Третьякевич был одним из организаторов и комиссаром этой подпольной организации. О его судьбе и, вообще, о братьях Третьякевичах я писала в своих книгах, которые редактировал и издавал Борис Семенович Вайсберг из Екатеринбургa.

Правда о Викторе прорвалась в центральные газеты благодаря корреспонденту Киму Костенко, который в «Комсомолке» 25 июня 1959 года в статье «Так боролись и умирали молодогвардейцы» впервые сказал о Викторе, что он не был предателем, а был одним из самых активных членов организации. Он был реабилитирован Постановлением бюро Луганского обкома еще от 10 февраля 1959 г., а благодаря книге Костенко «Это было в Краснодоне», его новым статьям в «Правде» и «Комсомолке» Виктора уже открыто стали называть комиссаром «Молодой гвардии», а не Олега Кошевого.

В связи с этим в Краснодонском музее стали обновлять экспозицию. Много делал для этого директор музея Александр Макарович Литвин. Повысился интерес к музею, началось буквально паломничество экскурсантов со всей страны. Это не понравилось Е.Н. Кошевой, и она добивается снятия Литвина с должности директора музея. Что и было сделано решением Бюро Луганского обкома от 14 марта 1964 г., несмотря на жалобу Литвина с подробным описанием дела Председателю Партийной Комиссии при ЦК КПСС Швернику Н.М.

Из родственников, знавших живого Виктора, остались только моя мама и я. Его роль в «Молодой гвардии» показана в архивных документах, в том числе в докладных записках различных комиссий. Однако в СМИ, кинофильмах до сих пор фигурируют штампы по роману Фадеева, в

частности, комиссаром «Молодой гвардии» считается Олег Кошевой, и справедливость до сих пор не восстановлена. Это и подтолкнуло меня обратиться к нашей Верховной власти.

*Из письма Президенту В.В.Путину:
(май 2007 г)*

«...В сентябре 2007 года исполняется 65 лет Краснодарскому комсомольско-молодежному подполью «Молодая гвардия». Одним из ее организаторов и руководителей был мой родной дядя Виктор Иосифович Третьякевич, которого фашисты казнили с первой партией молодогвардейцев, сбросили живым в шурф шахты 15.01.1943 года.

Впоследствии по навету людей, работавших с немцами, его обвинили в предательстве «Молодой гвардии». И только после того, как были пойманы и допрошены пособники Рейха, а также в результате сбора документов и проведения следствия, обвинения были сняты в 1959 г.

По предложению органов ЦК ВЛКСМ Виктор Третьякевич был представлен к награде. Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении его орденом Отечественной войны I степени вышел 13 декабря 1960 года. Имя Виктора-комиссара появляется в официальных изданиях – «История Великой Отечественной войны» (т.3, 1961г, стр. 484) и др.

О его роли в организации «Молодая гвардия» свидетельствуют архивные документы, которые стали доступны во 2-й половине 90-х годов. Они вошли в сборник материалов «Молодая гвардия» - художественный вымысел и историческая реальность», выпущенный в издательстве «Вече» в 2003 г. Это видно в докладных записках в адрес ЦК ВЛКСМ (стр. 124, 166), в записке комиссии ИМЛ ЦК КПСС (стр. 182) и других материалах. Один из выводов комиссии гласит: «...что именно Виктор Третьякевич был организатором и комиссаром этой подпольной организации» (стр.193).

В 2002 году к 60-летию «Молодой гвардии» в адрес Президента Украины Л.Д.Кучмы от руководства Луганской области и музея «Молодой гвардии» было направлено ходатайство с мотивацией о награждении Виктора Третьякевича высшей наградой Герой Украины. Общественность Краснодона и Луганска с уверенностью ждала Указа Президента, а музей «Молодая гвардия» изготовил к этой дате бюст Виктора. Но в день приезда Президента в Краснодар 27 сентября 2002 г все узнали, что Указ им подписан не был.

Мой дядя Виктор Третьякевич – представитель трех славянских народов и государств: по национальности он белорус; родился в России (с.Ясенки Курской обл.); учился, воевал с фашистами и погиб мученической смертью в Украине. Он был бы достоин звания Героя Советского Союза. Уважаемый Владимир Владимирович! Я решаюсь обратиться к Вам с просьбой рассмотреть возможность присвоения Третьякевичу Виктору Иосифовичу звания Герой России...»

Ответ

Мое письмо направили в Управление по государственным наградам, откуда я получила такой ответ от 4 февраля 2008 года:

«...Ваше обращение по вопросу присвоения звания Героя Российской Федерации Третьякевичу Виктору Иосифовичу рассмотрено в Управлении. Сообщаем, что заслуги Третьякевича В.И. в годы Великой Отечественной войны были отмечены государственной наградой.

За активное участие в деятельности подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия», а также проявленные личное героичество и отвагу в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1960 года Третьякевич Виктор Иосифович награжден орденом Отечественной войны I степени.

Государственная награда и орденская книжка 27 марта 1961 года были переданы его матери Третьякевич Анне Иосифовне для хранения как память. Повторное награждение за одни и те же заслуги наградным законодательством не предусмотрено.

Желаем Вам доброго здоровья и благополучия!
Заместитель начальника Управления Н. Сивова».

А я, все-таки, считаю, что этой наградой Виктор был награжден как член «Молодой гвардии» в связи с его реабилитацией, а как один из ее организаторов и как комиссар он был бы достоин звания Героя.

Кстати, это было не первое мое обращение к В.В. Путину. В марте 2004 года во время его прямой телефонной связи с народом, я тоже решила ему позвонить. По правилам нужно было уложиться в одну минуту, поэтому я заранее подготовилась, чтоб выполнить это требование. Текст, который я сказала в телефонную трубку якобы самому Путину, был такой:

«Уважаемый Владимир Владимирович! Мой вопрос касается «Молодой гвардии» г. Краснодона. Работа многочисленных комиссий (в 1947 и 1956 г – ЦК ВЛКСМ, 1965г – от института марксизма-ленинизма) показала руководящую роль Виктора Третьякевича как организатора и комиссара «Молодой гвардии». Известно, что в момент казни он бросился на полицейских, пытаясь увлечь их с собой в шурф шахты, и его сбросили живым. В дни 60-летия «Молодой гвардии» в 2002 году планировалось наградить Виктора высшей наградой Украины, но президент Кучма снова не решился этого сделать. Виктор родился в России в Курской области, погиб на Украине, по национальности белорус. Конечно, он был бы достоин звания Героя Советского Союза. Уважаемый Владимир Владимирович! Не считаете ли Вы возможным объединиться с Президентом Украины Кучмой, чтоб заслуженно наградить комиссара «Молодой гвардии».

Звонок, к сожалению, остался без ответа...

В Краснодоне

На 60-лети «Молодой гвардии» в 2002 году родственники молодогвардейцев встретились в Краснодоне с Президентом Украины Л.Д. Кучмой. Нас поставили в ряд у входа в музей, Президент подошел к нам и с

каждым поздоровался за руку, в том числе и со мной. Потом с нами постояла и поговорила актриса Инна Макарова, исполнившая в фильме роль Любы Шевцовой.

Через 5 лет в 2007 году на 65-летие «Молодой гвардии» мне удалось снова посетить Краснодар. О своей поездке я подробно написала Борису Вайсбергу в Екатеринбург:

«...Хочу рассказать об очень важном юбилее 2007 года - 65-летию комсомольско-молодежного подполья города Краснодона «Молодая гвардия». Эта дата широко отмечалась в Луганске и Краснодаре. Я постаралась тоже поехать на торжество, может быть в последний раз побывать на своей родине и отдать долг памяти Виктору. Я практически осталась одна в нашей родне, кто знал Виктора и помнит его (не считая моей мамы, которой уже 96 лет, и поехать она не смогла).

21 сентября в Краснодар на торжество прибыли тысячи людей. Приехали ветераны и молодежь из разных областей Украины, России и Белоруссии. Из Москвы мэром Юрием Лужковым был организован специальный поезд из 14 вагонов для Луганского землячества, а также для ветеранов и молодежи Москвы.

Сначала все отправились пешком, как крестный ход, к шурфу шахты, где были казнены молодогвардейцы в январе 1943 года. Ветеранов подвезли на автобусах. Было много старшекласников, одетых в ярко синюю форму. Артисты Луганского театра перед микрофоном медленно и четко по очереди называли имена погибших в сопровождении грустной музыки («Вокализ» Рахманинова, «Грезы» Шумана и др.). Луганский митрополит отслужил молебен в сопровождении певцов и церковного хора. Было несколько выступающих, в том числе депутат Государственной Думы России К.Ф. Затулин.

В какой-то момент наступило затишье, и все стали смотреть высоко вверх на вершину разрушенного террикона шахты. Там под такую же печальную музыку двигались женские фигуры, изображая, возможно, души погибших. Сначала они были накрыты с головой темными прозрачными одеждами, потом, двигаясь друг за другом по вершине горы, они сбросили темную одежду и остались в белой. Ветер развевал ее на них, они совершали красивые движения и постепенно исчезали, как будто бы улетали в небо. Это зрелище, сопровождаемое печальной музыкой, нельзя было смотреть без слез. Потом ветераны и гости возлагали цветы к шурфу, и я тоже положила букет из красных и белых роз.

Возвращались на площадь к музею по аллее, вдоль которой стояли небольшие гранитные плиты в цветах с портретами молодогвардейцев. Люди, стоящие вокруг, приветствовали ветеранов аплодисментами. Ко мне подошел один из старшекласников в синей форме и робко взял под руку, видимо решил, что мне нужна помощь. Я выяснила, что его зовут Рома, он ученик 9-го класса из Луганска. И вот тут, Борис Семенович, чтобы как-то отметить наше знакомство, я ему подарила Вашу книгу «Не стареет

«Молодая гвардия» и одну из своих, написав несколько фраз на память. Он искренне был рад, говорил, что еще никто ему не дарил книг с автографом.

На площади возле музея соорудили крытую трибуну, а перед нею расставили много-много стульев, все гости разместились на них. Перед нами выступил Премьер-министр Украины В. Янукович и руководители области. Затем они возложили цветы на могилу молодогвардейцев, а солдаты гирлянду памяти под салют. Долго еще продолжались разные выступления – играл президентский оркестр, хорошие певцы исполняли советские песни, пели молодежные группы.

На прощанье я зашла в музей, прошла по его залам, увидела, что, наконец, появился (хотя только копия) комсомольский билет Виктора рядом с билетами других молодогвардейцев. С радостью встретила и сфотографировалась с Антониной Титовой – подругой молодогвардейца Анатолия Ковалева. Он единственный сумел убежать из-под расстрела и скрывался у нее 10 дней. К сожалению потом, когда ушел из Краснодона, пропал без вести. Антонина Герасимовна хорошо помнит нашего Виктора, ее прекрасные воспоминания о нем есть в моих книгах.

Время шло к вечеру. Я направилась к автостанции. По пути постояла у того места, где раньше был дом, в котором я родилась, и с которым совсем рядом теперь находится могила, где вместе с другими молодогвардейцами похоронен настоящий комиссар «Молодой гвардии» Виктор Третьякевич...

Краснодон моего детства

В книге «Оглядываясь на прошлое...» (изд. газеты «Штерн», Екатеринбург, 1999 г.) я уже рассказывала о своем краснодонском детстве. Но все равно часто возникает в памяти что-нибудь из далеких 30-х годов прошлого века. Хотя мы уехали из Краснодона, когда мне шел 6-й год, я его помню хорошо, потому что папа с мамой после отъезда в 1936 году потом часто приезжали в Краснодон навестить стариков и всегда брали меня с собой. И сейчас вспоминаю все так, как запомнила в довоенное время, а не так, как увидела Краснодон в последние мои приезды на юбилей «Молодой гвардии» - улицу Садовую, где мы жили, городской парк, базар и, конечно, «Шанхай», где в своей «мазанке» жили дедушка с бабушкой Третьякевичи с сыновьями Володей и Виктором.

Вспоминается гастроном на пригорке, в котором посередине стоял стол, а на нем большая осмаленная свинья в опилках. Наверное, это своего рода была почти живая реклама. Сохранился снимок, где папа сфотографировался, облокотившись на эту свинью. А сзади за прилавком видны полки с довоенными консервами и бутылками с вином.

В тихие теплые вечера во дворе «мазанки» дедушка с бабушкой играли в карты с соседями Киселевыми, а я сидела на лавочке и слушала «шанхайские» «музыкальные моменты». Это папины младшие братья – Володя с гитарой в руках приятным баритоном поет какой-то старинный романс, а Витя на мандолине играет старинные вальсы – чаще всего

«Дунайские волны» и специально для дедушки «Амурские волны». Это дедушке Иосифу Кузьмичу напоминало русско-японскую войну 1905 года, в которой он участвовал.

После 7 класса Володя поступил в Ворошиловградский машиностроительный техникум, и во время учебы жил у нас в Ворошиловграде. С 4 го курса его призвали в армию в морскую пехоту под Батуми на границе с Турцией. Здесь его застала война, и затем в составе 47-й армии он прошел всю войну, был участником встречи на Эльбе с союзниками в 1945 году.

Недавно прочла, что наш известный кинорежиссер Петр Тодоровский тоже воевал в составе 47-й армии и тоже встречался с союзниками. Взяла и написала ему письмо на Мосфильм, но ответа не получила. Жалко, конечно. Может быть, оно до него не дошло, ведь адрес был не конкретным.

Витя меня часто брал с собой. С ватагой «шанхайских» ребят я с ним ходила на речку Каменку. Наверняка, в толпе ребят были и будущие молодогвардейцы. Но я помню с довоенного времени только Сергея Тюленина. Они жили от нас через дом, и он часто забегал к Вите. На базаре был фотограф, и Витя со мной 3-х летней сфотографировался в бутафорной машине.

Рядом с хатой был большой глубокий яр, за которым на другой стороне вдалеке виднелось недостроенное каменное здание бани. Мне оно казалось почти небоскребом по сравнению с «мазанками» «Шанхая». За баней простиралась степь с пахучими травами, дети среди них находили и что-то съедобное для себя. Запах степей и волнующийся ковыль часто вспоминаю и жалею, что уже не встречаюсь с ними.

Новые попытки

Судьба моего дяди Виктора Третьякевича не дает мне покоя, и в январе 2010 года в год 65-летия Победы я написала теперь уже Президенту Д.А. Медведеву, частично повторив текст письма В.В. Путину:

«...Знакомство с архивными материалами по «Молодой гвардии» в РГАСПИ (Российский Государственный Архив социальной и политической истории), которые стали доступны во второй половине 90-х годов, показало, что есть правда, а что нет в истории этой организации. Частично они вошли в сборник «Молодая гвардия»- художественный вымысел и историческая реальность», выпущенный в издательстве «Вече» в 2003г, где в многочисленных материалах видна роль моего дяди как одного из организаторов и как комиссара «Молодой гвардии»...

Мое беспокойство связано с тем, что до сих пор не принято мер, чтоб восстановить имя Виктора достойно его деятельности в подпольной организации. Продолжается тиражирование штампов по роману Фадеева, хотя еще в 1956 г в докладной записке Секретарю ЦК ВЛКСМ Шелепину А.Н. сообщалось, что Олег Кошевой руководителем организации не был, что эта заслуга приписана ему ошибочно, и что на их квартире никогда не

собирались молодогвардейцы, хотя бы потому, что там жили немцы. Несмотря на появление новых документов о «Молодой гвардии», недавно, в 2006 г, вышел фильм «Последняя исповедь» в старой версии.

Уважаемый Дмитрий Анатольевич! Обращаюсь к Вам с просьбой содействовать правильному освещению истории «Молодой гвардии» в соответствии с историческими документами, чтоб не допускать повторения ошибок в новых справочных материалах, кинофильмах, а также средствах массовой информации. Это важно как для верной оценки исторических событий, так и для воспитания молодежи и для памяти будущим поколениям...».

Еще одна попытка

Письмо переправили в комиссию с длинным названием «по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России», но ответа не было, хотя прошло несколько месяцев. Мое обращение от 21.04.2010 к Председателю этой комиссии С.Е. Нарышкину осталось без ответа. И к тому же в передаче к 65-летию Победы канал «Столица», рассказывая о молодогвардейцах, Виктора Третьякевича даже не упомянул.

Поэтому я обратилась вторично к Президенту Медведеву Д.А. в июне 2010 года. В конце письма не выдержала, и наряду с официальными фразами из меня вырвался просто крик души:

«Уважаемый Дмитрий Анатольевич!

Прошу Вас обратить внимание на недопустимость антиисторического освещения деятельности «Молодой гвардии». Нельзя допускать повторения ошибок в новых справочных материалах, фильмах и передачах.

Сколько еще будет продолжаться дискредитация имени настоящего героя молодогвардейца Виктора Третьякевича! Зверски замученного фашистами, казненного с первой партией молодогвардейцев, в последний момент бросившегося на начальника полиции, чтоб увлечь его с собой в шурф шахты!»

Ответственный исполнитель сборника документов по «Молодой гвардии» д. ист.н. Нина Константиновна Петрова не раз поднимала этот вопрос в своих статьях и выступлениях. В апреле 2010 г была ее встреча на радио «Голос России», где Нина Константиновна говорила о том, что имя Виктора Третьякевича продолжают умалчивать:

«...В канун юбилея Победы мне хотелось бы сказать, что, хотя имя Третьякевича восстановили в 1960 году, (он в первой же группе молодогвардейцев был сброшен в шурф, оказывая при этом сопротивление), почему-то о нем никто не хочет говорить. И когда даешь интервью, то и записывают, и обещают, но всегда потом идет смыв этого факта. Это очень неприятно. Жива его племянница, которая борется и пишет о своем дяде, работая на исторических документах. Но кому они нужны, если даже местное Луганское телевидение, записав с ней интервью, не дало его в эфир».

Еще один ответ

На второе мое письмо Д.А. Медведеву ответ, все-таки, пришел в июле 2010 г, но почему-то из Министерства образования и науки:

«Департамент государственной политики в образовании рассмотрел Ваше обращение, поступившее из Администрации Президента Российской Федерации, и сообщает, что его содержание принято к сведению.

Заместитель директора Департамента Е.Л. Низиенко».

Я расцениваю этот ответ, как отписку!

Конечно, когда я писала и Путину и Медведеву, то мысленно представляла, что мое письмо они будут читать сами, хотя знала, что «цензура» там строго следит за тем, что нужно давать читать Президенту, а в чем и «сами разберемся». Это я отлично поняла, когда видела по телевизору, как ведущие передач отсеивают вопросы Путину во время его прямых телефонных разговоров с народом.

Вот и летают мои письма из одной комиссии в другую, из одного департамента в другой. Бедные чиновники замучились уже с ними!

О ДРУЗЬЯХ ВИКТОРА

У матери Виктора Анны Иосифовны или для меня просто бабушки Нюси, я расспрашивала, с кем Витя больше дружил из ребят. Это был, конечно, прежде всего, Сергей Тюленин, который жил рядом и часто к ним забегал, по несколько раз в день. Они учились в одной школе, Витя с ним занимался по отдельным предметам.

Бабушка назвала еще несколько имен, я запомнила Володю Осьмухина, Жору Арутюнянца, и, как особенно близкого, Васю Левашова. Василий Иванович писал позднее в своей книге «Найди себя в строю флотском»:

«В тот день, когда мы договорились о создании штаба, распределили между собой обязанности. Комиссаром утвердили Виктора Третьякевича, нач. штаба Ивана Земнухова, ответственным за информацию Арутюнянца. Мне поручили сформировать центральную группу, куда вошли С.Левашов, В. Загоруйко, Ю. Виценовский, В. Осьмухин, Т.Орлов».

Молодогвардейцы Василий Левашов, Анатолий Лопухов и Радий Юркин в мае 1965 году присутствовали на открытии памятника Виктору Третьякевичу на его родине в селе Ясенки Курской области, как комиссару «Молодой гвардии». Василий Иванович часто общался с моим отцом и его братом Владимиром, стараясь помочь в восстановлении правды о Викторе.

О Василии Левашове и о своем знакомстве с ним интересную книгу «Точки на карте» написала библиограф из Пскова Наталья Кимовна Бухвал. Мои друзья Дружинины тоже были знакомы с семьей Левашовых, о чем с большой теплотой рассказывает Алена Дружинина.

«Походить на краснодонца – выше этой чести нет...»

Как часто встречаются люди, после знакомства с которыми жизнь меняет свое течение, устремляясь к совершенно другой, но уже определенной цели? И самое главное, что эти люди не прилагают никаких усилий, чтобы изменить тебя, твоё настоящее и будущее...

История, о которой я хочу рассказать, произошла в 1999 году. На летних каникулах после окончания 10-го класса я задумалась над темой реферата для последней в школьной жизни олимпиады по истории. Родители посоветовали писать о краснодонской подпольной организации «Молодая гвардия», боровшейся с врагом в далёком военном 1942 году. Тогда я о ней ничего не знала: ни самого подвига, ни пятерки героев. Помнила лишь то, что есть книга «Молодая гвардия», написанная А.Фадеевым. Увесистый том стоял на полке в шкафу нечитанным: прорваться сквозь любимый многими эпизод о лилиях на первой странице мне, в восьмом классе, оказалось невероятно трудно, поэтому роман был отложен до лучших времен, до повзреления. Уже позже я думала, что это была судьба.

Тогда же, узнав, что в Краснодоне в годы Великой Отечественной войны действовала подпольная организация, участники которой были моими ровесниками и именно поэтому она назывались «Молодой гвардией», я, конечно же, согласилась с родителями. В первую очередь стала искать книги в библиотеках, и оказалось, что немного опоздала. Со времен гласности и перестройки книги, изданные в советское время и рассказывающие о подвигах советских же людей в годы войны, были не в чести и отправлялись на инвентаризацию и списывание. Поэтому совершенной удачей оказалась находка нескольких книг, и среди них документальной повести «Иван Земнухов» Владимира Башкова.

25 июня 1999 года, случайно включив телевизор на программе новостей петербургского канала, возможно, даже не обратила бы внимания на репортаж, если бы не слова: «участник «Молодой гвардии». После них я буквально приросла к экрану: оказалось, что в сюжете рассказывается о Левашове Василии Ивановиче, который отметил своё 75-летие. О том самом Левашове, о котором я буквально десять минут назад прочитала у В. Башкова: «Василий Иванович Левашов, родился в 1924 году, живет в Петродворце». В том, что это был он, сомнений не было. И это было невероятное счастье!

И в июле в путь отправилось письмо: «Здравствуйте, уважаемый Василий Иванович!

Пишет Вам Алёна Дружинина из г. Кириши Ленинградской области.

Прошу прощения за беспокойство, мне просто захотелось выразить Вам огромную благодарность от нашей семьи за Ваш подвиг. С большой радостью я увидела беседу с Вами на телевидении, а затем прочитала интервью в «Комсомольской правде». Дело в том, что в этом году я буду учиться в 11-м классе и решила написать реферат о подпольной организации

«Молодая гвардия». Мне очень интересна эта тема, но о ней слишком мало литературы. «Молодую гвардию» Фадеева я, конечно, читала, но ее в расчет не беру.

Ваш адрес я узнала в адресном бюро. Очень бы хотелось встретиться с Вами, услышать о тех годах из первых уст, да и просто поблагодарить Вас и в Вашем лице всех МОЛОДОГВАРДЕЙЦЕВ за совершенный подвиг. Как в наше время не хватает патриотизма! Многие школьники даже не знают о подвиге молодогвардейцев. Мне хочется хоть немного исправить это!

Прошу Вас, дорогой Василий Иванович, ответьте мне, пожалуйста, и, если это Вас не затруднит, то назначьте мне встречу у Вас дома. Я думаю в августе побывать в музее «Молодой гвардии» в Краснодоне. Надеюсь, что это мне удастся.

. Заранее благодарна. До свиданья. Желаю Вам здоровья и благополучия! С уважением, Алена.»

Мне было неудобно написать члену «Молодой гвардии», что не читала самой известной книги о Краснодонском подполье, и сейчас мне не совсем понятно, почему же я тогда не брала ее в расчет, и как получилось, что, не зная всех тонкостей истории молодёжной подпольной организации краснодонского подполья, этой фразой попала «в яблочко».

Почти через 11 лет письмо кажется детским и неумелым, и каждый раз возникает запоздалая мысль, что нужно было писать гораздо лучше и интереснее. Но может быть, именно детская прямолинейность и стала залогом того, что 24 августа 1999 года в моем почтовом ящике появился конверт с именем отправителя: Левашов В.И. Сказать, что я волновалась, вскрывая конверт, - не сказать ничего. Ведь это было письмо, написанное самым настоящим молодогвардейцем и – кому? – мне, тогда обычной школьнице:

«Дорогая Алёна!

Спасибо за доброе, сердечное письмо, за понимание и высокую оценку боевого подвига молодогвардейцев. Мужество юных героев Краснодона стало ярким примером в жизни нескольких поколений молодых патриотов нашей Родины.

Буду рад видеть тебя и побеседовать. Позвоните мне, и мы договоримся о конкретном времени встречи. Можете также позвонить моему товарищу и другу, с которым мы вместе работаем в совете ветеранов – Дмитрию Ивановичу Заховаеву по телефону... Всего тебе доброго.

Бывший член штаба «Молодая гвардия» в Краснодоне Василий Иванович Левашов».

Письмо было отпечатано на компьютере (как я уже узнала позже, с помощью Д.И. Заховаева, так как Василию Ивановичу из-за болезни Паркинсона писать было непросто), но подписано им собственноручно.

Однако прочитать это драгоценное послание я смогла уже после поездки в Краснодон.

Оглядываясь назад, я вижу, что поездка, по сути, была немного бестолковой. Украина переживала тогда трудные времена, которые

отразились и на прославленном музее «Молодая гвардия», в советское время ведущем учет миллионных посетителей. А в 99-м в экспозиционных залах было пусто и тихо, краснодонцы же открыто удивлялись, зачем кому-то из России ехать в такую даль, да еще и в Краснодон, что тут интересного? Сотрудники музея на вопрос, живут ли в Краснодоне родственники молодогвардейцев, ответили отрицательно: либо умерли, либо переехали в другие города. Уже гораздо позже стало ясно, что не нужно было верить этой информации.

Но даже такой туристической поездки оказалось достаточно, чтобы потом всегда помнить и говорить, что Краснодон для меня – странно удивительное место. Побывав там, я словно прикипела сердцем к этому обычному и маленькому городку, почти ничем не отличающемуся от других шахтёрских поселений. Вот только это слово: именно «почти» и является определяющим – ведь там жили молодогвардейцы.

Потому что иногда внезапно, в круговерти повседневности, вспыхивает острое желание съездить в Краснодон, еще раз посмотреть на давно знакомые дома и улочки, пройти через город к памятным местам, поклониться Братской могиле подпольщиков, застыть у Вечного Огня... И просто глотнуть воздух Краснодона, в котором, кажется, еще витает подвиг и будет витать до тех пор, пока мы помним о нём.

После телефонного разговора с Василием Ивановичем, во время которого я была сама не своя от волнения и поэтому ничего о нем не помню, наша встреча была назначена на 18 сентября 1999 года. И вот наступил этот день, положивший начало знакомству между нашими семьями.

Небольшая однокомнатная квартира в Петродворце на последнем этаже пятиэтажного дома, чистая и уютная. Окна и балкон выходят на тихий зелёный двор, где так хорошо сидеть под тенистыми деревьями. Вот только подниматься приходится без лифта... И тем не менее, несмотря на возраст и болезни, Василий Иванович ежедневно каждый день гулял у небольшого пруда возле дома, а перед каждым нашим приездом покупал очень вкусные пирожные, хотя до кондитерской нужно было идти приличное расстояние...

При взгляде на этого скромного и сдержанного на слова и эмоции человека, приходило понимание: да, действительно он был подпольщиком, словно есть в жизни что-то такое, к чему раз прикоснувшись, несешь это через всю свою жизнь. Но при этом Левашов совсем не казался «сухарем» - ясные, добрые глаза, и взгляд, прямой и честный, лучше всего говорили об его отношении к людям.

Уверена, окажись он снова в том мгновении, когда принималось решение уйти из города, Вася Левашов предпочёл бы разделить физические пытки своих товарищей. Но, оставшись одним из выживших подпольщиков, он через всю жизнь пронес пытки душевные, которым подвергал себя сам.

Поэтому с уверенностью могу сказать, что постоянная публичность, неутомимая пропаганда подвига молодогвардейцев, поездки в школы и на предприятия, выступления и статьи служили не только сохранению памяти о «Молодой гвардии», но и преследовали другую цель – искупление личной

вины за то, что выжил, когда остальные погибли. Искупление вины, которой, на самом деле, не было перед погибшими.

Василий Левашов ушел из Краснодона в город Амвросиевку, где он родился, а затем в поселок Кутейниково.

О том периоде своей жизни Василий Иванович вспоминал так:

«Появились первые знакомства. Двоюродная сестра Мила познакомила меня с Васей Бебешко, моим ровесником. Чувствовалось по всему, что парень порядочный, надежный во всех отношениях. Однажды он задал мне неожиданный вопрос:

- Тебе, наверное, уже приходилось громить фрицев?

На этот вопрос я своему тезке ничего не ответил, только чуть улыбнулся, но понял, что во мне он видит советского патриота и пытается вызвать на откровенный разговор.

Вскоре Бебешко познакомил меня со своим приятелем Иваном Раковым. Потом еще с двумя. В первые дни знакомства ребята пытались создавать видимость, что мы вместе пытаемся организовать борьбу против оккупантов. Но постепенно я узнал, что они все четверо уже давно составляют группу патриотов. Я присоединился к ним пятым. Однако вскоре выяснилось, что был и шестой. Им оказался отец одного из четверки. Довольно энергичный для своих лет мужчина невысокого роста с короткой бородой и усами. Этот человек фактически и руководил нами».

Когда жителей поселка фашисты погнали на запад, Василий принял решение самостоятельно идти на восток, навстречу фронту. На фронте он попал в 295 стрелковую дивизию, его определили в пулеметную роту, в пулеметный расчет подносчиком патронов. Под Херсоном Левашова приняли в члены партии и назначили комсоргом 3-го батальона.

Не раз он мог погибнуть, но судьба будто хранила члена штаба молодогвардейцев. Два с половиной года поднимался первым из окопов – и ни одной царапины.

Василий Иванович вспоминал, как они освобождали Херсон, Николаев, Одессу, Кишинев, Варшаву, потом Кюстрин штурмовали, дошли до Берлина. Он был награжден орденом Отечественной войны 1-ой степени, двумя орденами Отечественной войны 2-ой степени, орденом Красной звезды, медалью «Партизану Великой Отечественной войны» 2-ой степени и другими наградами, ставшими для него памятью огненных лет.

Наверное, именно вина перед собой не позволила Василию остаться в тени, как сделали другие участники краснодонского подполья, чьи фамилии нам сейчас неизвестны. А ведь его, члена штаба и командира центральной группы городской подпольной организации, не было в списках награжденных орденами и медалями. Отсутствует Василий Иванович и в романе «Молодая гвардия»: маститый писатель Фадеев, посчитав себя творцом, распорядился судьбами двух людей, слепив одного персонажа: по книге Сергей Левашов переходит линию фронта, тогда как в жизни Сергей был сброшен в шурф шахты №5 в Краснодоне, а через фронт к своим прошел Василий.

Была еще одна личная боль, которая заставляла бороться с канцеляризмом, с давлением партийных органов, с подлостью и, наконец, с усталостью – трагическая судьба Вити Третьякевича, друга и товарища по подполью. После мученической гибели честное имя комиссара «Молодой гвардии» и руководителя молодежного подполья в Краснодоне было запятнано обвинением в предательстве приспешниками фашистов.

Но что же было дальше?

Левашов вспоминал: «Затем была учеба в Ленинграде на офицерских курсах, в военно-политическом училище им. Энгельса, которая продолжалась полтора года. В марте 1947 года состоялся выпуск и назначение. Я попал на Черноморский флот».

А в конце 1947 года он приехал в Краснодон в отпуск. Вот что рассказывал Василий Иванович о своём возвращении: «Теперь я был в морской форме, в звании старшего лейтенанта корабельной службы. На тот же срок приехал в отпуск с Тихоокеанского флота один из наших бывших подпольщиков, к тому времени летчик морской авиации лейтенант Юркин Радий Петрович. Разумеется, он тоже в морской форме. Вместе с ним мы и проводили отпуск.

Однажды мы узнали, что в Первомайке родители наших погибших молодогвардейцев устроили поминки, пригласили на них священнослужителя. Радик Юркин и я, как только узнали об этом, направились в Первомайку. И когда поднимались на крыльцо, спина холодела от пронзительного чувства вины: «Я жив, а их нет».

Родители были благодарны за то, что в день пятой годовщины со времени гибели наших ребят мы оказались с ними на поминках. В ходе беседы возникла идея, чтобы Радик и я за время отпуска навести всех родителей погибших ребят. Мы пообещали и, начиная со следующего дня, стали посещать по две семьи ежедневно. Нелегкая это миссия. В каждом доме с нашим приходом – слезы, воспоминания. Этот отпуск был пострашнее многих боевых операций».

В 1949 году Левашов поступил в Военно-политическую академию в Москве и, закончив её, получил назначение на Балтийский флот. Через два года службы на крейсере был назначен в Калининградское высшее военно-морское училище. Началась береговая служба.

Вскоре произошло значительное сокращение Вооруженных Сил. Летом 1960 года было принято решение о сокращении и Калининградского училища. В связи с этим он получил новое назначение. В ноябре 1960 года прибыл к новому месту службы в Петродворец, в Высшее военно-морское училище радиоэлектроники имени А.С. Попова. В училище Василий Иванович работал заместителем начальника факультета по политчасти, затем работал на специальном факультете, где обучались иностранцы, затем перешел на преподавательскую работу».

Об этом времени Левашов вспоминает так: «Все эти годы жизни в Петродворце для меня ознаменовались активным участием в пропаганде традиций «Молодой гвардии». Конечно, я выступал перед молодежью не

только в Москве и Ленинграде. Для встреч с молодежью я побывал во многих других городах.

«Молодую гвардию» знают и в восточно-европейских странах. По приглашению молодежных организаций я побывал в Польше, Болгарии, Чехословакии. Во время бесед старался не повторять книгу, рассказывать о том, что не вошло в нее. Рассказывал – и вдруг сам начинал понимать такое, о чем раньше не думал или только смутно догадывался.

В 1987 году я был уволен в отставку. Нелегко этот период. Но когда-то должен был он произойти. Я давно переслужил все сроки. Ведь к моменту отставки мне исполнилось 63 года. Но работать остался в училище».

Мария Васильевна, дочь Левашова, говорила: «Мы жили очень скромно. А могли быть, наверное, и у нас машина, ковры, хрусталь... Не было. Потому что не было нужно нам это. Зато было много друзей. Хорошо помню, как часто у нас собирались интересные, хорошие люди».

Был у Василия Ивановича и свой любимый школьный музей, созданный в 1972 году в школе-интернате № 49 для детей с ограниченными возможностями в посёлке Стрельна Петродворцового района г. Ленинграда. Такое решение пришло к ним после встречи семиклассников с Левашовым, во время которой он поделился своими воспоминаниями, вручил лучшим комсомольские билеты.

Василий Иванович с самого начала помогал энтузиастам и добрым словом, и мудрым советом, и личным участием. Именно по его совету каждый пионерский отряд выбрал себе героя-молодогвардейца, на которого они хотели равняться. И пионерская дружина завоевала право носить имя «Молодой гвардии», а на дверях классных комнат появились таблички: имени Ульяны Громовой, имени Сергея Тюленина, имени Ивана Земнухова, имени... имени... имени...

Смерть всегда жестока, и 10 июля 2001 года она забрала человека, которого любили все, знавшие его. 13 июля Высшее Военно-морское училище радиоэлектроники им. Попова в Петродворце стало последним пристанищем Василия Ивановича Левашова, члена штаба легендарной подпольной организации «Молодая гвардия», последнего из молодогвардейцев, впоследствии капитана 1 ранга, председателя Совета ветеранов училища.

Многие в этом зале не могли, да и не хотели сдерживать слёзы. Люди несли и несли цветы. В почётном карауле стояли друзья – ветераны и курсанты училища. Многие курсанты подходили и, положив цветы, преклоняли колена, отдавая дань памяти ЧЕЛОВЕКУ. И звучала скорбная музыка...

Природа тоже плакала, провожая молодогвардейца: когда машины прибыли на кладбище – внезапно полил дождь, также внезапно прекратившийся, как только началось прощание.

Отдавая последнюю честь молодогвардейцу, капитану 1 ранга и просто замечательному человеку Василию Ивановичу Левашову, стройными

рядами, под Гимн России проходят курсанты Высшего военно-морского училища радиоэлектроники им. Попова.

...Как несправедливо, что между рождением и смертью человек проживает массу событий, но финальной точкой жизненного пути становится надгробный камень, который среди других так же молчаливых отголосков прошлого показывает в навечно застывшей секунде всю жизнь умершего человека. На памятнике Василию Ивановичу нет упоминания Краснодона и «Молодой гвардии». Если раньше Левашова вычеркивали из «Молодой гвардии», то теперь работа в подполье и многолетняя пропаганда подвига оказались вычеркнуты из его жизни. И только небольшой кораблик намекает, что этот ушедший из жизни человек в свое время был как-то связан с морской стихией.

«Петербургский Час-Пик» расплывчато отметил, что «В середине июля в Петродворце Россия лишилась Василия Левашова, последнего из создателей и руководителей «Молодой гвардии». На Российском телевидении (РТР) прошёл пятиминутный сюжет.

Справедливости ради нужно сказать, что Россия не заметила его ухода из жизни, как не замечала она и трудностей последних лет жизни, знакомых всем пожилым людям. Однако хочется верить, что мечта Василия Левашова – официальное признание Виктора Третьякевича комиссаром краснодонского подполья – воплотится в жизнь. А «Молодая гвардия» будет для жителей нашей страны не только современным партийным объединением, не только издательством, не только фильмом и книгой, но тем, чем она была на самом деле: отважным подвигом краснодонской молодежи, стоившим им их драгоценных жизней.

А школа-интернат № 49 потеряла близкого человека, друга. 29 ноября 2001 года коллектив школы провел вечер памяти Василия Ивановича, где было принято обращение коллектива педагогов и учеников в Управление образования и Администрацию города с просьбой о присвоении школе-интернату имени В.И. Левашова. Вышестоящими чиновниками на этом собрании было дано много обещаний, но, к сожалению, ни одно из них до сих пор не выполнено. Даже мемориальную доску на доме, где жил Василий Иванович, не было дано разрешения повесить.

А ребята всё ещё надеются, что все-таки взрослые выполняют свои обещания, ведь они-то стараются выполнять наказ Василия Ивановича, сказавшего на одной из встреч: «Верю, что вырастите Вы настоящими патриотами и прославите в будущем нашу Родину».

О музеях

В некоторых городах страны имеются при школах музеи «Молодой гвардии», где чтят память и нашего Виктора. Мой отец поддерживал с ними связь и многие посетил. Велась переписка с руководителями музеев Александрой Ивановной Лазаревой (Ростов-на-Дону), Анной Ефимовной

Коряковой (Сарапул), Лией Федоровной Дроздовой (Щелково), Тamarой Александровной Кисничан (Москва) и многими другими.

Людмила Ивановна Изварина – старший научный сотрудник государственного музея «Молодая гвардия» в Краснодоне, соратница директора музея Литвина А.М., дочь прокурора Краснодона, работавшего там в трудные 40-50-е годы, внесла огромный вклад в становление и развитие музея «Молодая гвардия» в ростовской школе №32. Вместе с молодогвардейцем Василием Левашовым она присутствовала на открытии музея 29 сентября 1962 года.

На фотографии комсомольского актива школы № 4 им. Ворошилова г. Краснодона 1939 года мы видим Надежду Стасюк и Виктора Третьякевича. Надежда Ивановна была одним из создателей в Ростове-на-Дону музея «Молодая гвардия» в средней школе №32, о чем рассказал ее сын Александр Павлович Стасюк. Он работает директором проектного института по проектированию гражданских и промышленных объектов «Ростовагропромпроект» и является заместителем председателя Ростовского городского клуба молодежи и ветеранов «Патриот».

Школьный музей – хранитель народной памяти

«В 1957 году в Ростовской средней школе 32 начал создаваться, а в 1962 году получил статус школьного и был открыт исторический музей "Молодая гвардия". Это стало возможным благодаря осознанному стремлению городской общественности, педагогов и учащихся, жителей города сохранить память о героических и трагических событиях недавно закончившейся Великой Отечественной войны. Тем более, что очень многие сами пережили это суровое время.

Они не хотели допустить, чтобы чиновники и функционеры, возомнившие себя победителями, писали и трактовали историю по своему усмотрению. Ведь известно, что именно история делает человека гражданином. Народ, переживший величайшую трагедию, имеет право на правдивую память о ней.

Вот поэтому и создание школьных музеев, как хранителей народной памяти, было в конце 50-х - начале 60-х годов прошлого века массовым общественным явлением. В нем, в том числе, проявлялся протест против фальсификации истории недавнего прошлого. Это очень остро чувствовали жители Ростова и всей Ростовской области, на территории которой действовало в годы войны много партизанских отрядов и групп народного Сопротивления оккупантам.

А жертвы, принесенные в этой борьбе для общей Победы над врагом, были неизмеримо большими, чем в ставшими широко известными городе Краснодоне и действовавшей в нем молодежной организацией народного Сопротивления "Молодая гвардия". Ведь только в городе Шахты, освобожденном 12 февраля 1943 г., на два дня раньше г. Краснодона, в ствол шахты им. Красина гитлеровцами было сброшено живыми более трех с половиной тысяч патриотов-шахтинцев. Этот варварский способ

умерщвления непокорных - сбрасывание людей в ствол шахты - гитлеровцы применяли во многих горняцких городах Донбасса.

Вот поэтому, когда моя мама Стасюк Надежда Ивановна, пережившая вместе со своими ровесниками в г. Краснодоне все невообразимые тяготы жизни и борьбы, предложила педагогам и учащимся школы 32 создать музей в память о юных земляках-патриотах - это было без колебаний принято.

Огромную роль в этом сыграли:

- замечательный педагог, недавний фронтовик, директор школы Василий Капитонович Тяпкин;
- учитель математики Александра Ивановна Лазарева, потерявшая в годы войны трех сыновей и мужа, ставшая первым многолетним организатором и руководителем музея;
- талантливый педагог и бесстрашный человек, остающийся до сих пор в учительском строю, Екатерина Герасимовна Буртылева;
- и многие-многие другие замечательные педагоги и учащиеся школы.

Ведь уже тогда в общественном сознании народа, людей всех поколений сформировалась осознанная ответственность за свою судьбу вместе с судьбой Родины. А молодогвардейцы стали символом борьбы, силы духа и коллективного проявления истинного патриотизма молодежи в годы Великих испытаний и не только в годы войны.

Ведь уже тогда исторически достоверно было известно, что первая молодежная организация Сопrotивления врагу "Молодая гвардия" была создана в начале октября 1941 г. в городе Льгове Курской области, активно действовала до августа 1942 г. и героически погибла почти вся, передав незримую эстафету борьбы с врагом, за свободу Родины молодежи далекого шахтерского городка Краснодон.

Другой важной причиной, повлиявшей на создание и развитие музея, стало то, что город Краснодон - это в недавнем прошлом хутор Сорокин станицы Гундоровской Донецкого округа Области Войска Донского, как и вся территория нынешнего Краснодонского района Луганской области Украины. Так что очень многие из молодогвардейцев - погибших и оставшихся в живых, реально считались и считаются земляками ростовчан и жителей Ростовской области - правопреемницы Области Войска Донского после гражданской войны и административных территориальных преобразований. Тем более, что до сих пор еще не проведена делимитация границы между Украиной и Россией.

Работа музея изначально строилась исключительно на достоверных фактах, живом общении с участниками и очевидцами событий народного Сопrotивления врагу, активной поисковой работе и экскурсионной деятельности.

Популярность музея и самой школы 32 была настолько высока, что Решением 1112 от 28 ноября 1968 г. Ростовского Областного Совета депутатов трудящихся ей было присвоено наименование: средняя школа 32 имени "Молодой гвардии", а школьный музей в 1971 году преобразован в "Народный".

**ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
РОСТОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ**
г. Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, № 112

РЕШЕНИЕ

28 ноября

1968 г.

№ 1112

г. Ростов-на-Дону

О присвоении средней школе № 32 г. Ростова-на-Дону имени "Молодой гвардии".

Облисполком отмечает, что коллектив учителей и учащихся средней школы № 32 г. Ростова-на-Дону в течение ряда лет проводит большую работу по сбору и изучению материала о деятельности подпольной комсомольской организации г. Краснодона "Молодая гвардия". С 1962 года в школе открыт и работает школьный музей "Молодая гвардия", в котором собран богатый исторический материал о Краснодонском подполье. Школа поддерживает постоянную связь с героями Краснодона и родителями молодогвардейцев.

Эти мероприятия оказывают положительное влияние на воспитание, организованность, успеваемость, дисциплину и сплоченность коллектива учащихся.

Исполком областного Совета депутатов трудящихся РЕШАЕТ: удовлетворить ходатайство исполкома Ростовского городского Совета депутатов трудящихся и присвоить Ростовской средней школе № 32 наименование: средняя школа № 32 имени "Молодой гвардии".

Председатель исполкома
областного Совета депутатов
трудящихся

В. Мазовка
(В. Мазовка)

Секретарь исполкома
областного Совета депутатов
трудящихся

И. Погодин
(И. Погодин)

После ухода из жизни в 1985 г. легендарной А. И. Лазаревой руководителем музея с 1985 г. по 1990 г. была Маргарита Яковлевна Касаткина, которая сохранила и дополнила музейную экспозицию.

В 2000 г. при участии директора школы Елены Владимировны Белоноговой музей пережил второе рождение. После десятилетия безвременья 90-х годов работу музея возглавляли настоящие подвижницы - учитель химии Марина Олеговна Ефремова и педагог городского центра детско-юношеского туризма и экскурсий Наталия Николаевна Иванушкина. С 2011 г. музеем руководит молодая педагог-историк Ольга Васильевна Сердюкова, обновляется Совет музея, начата реконструкция экспозиции музея с реставрацией экспонатов.

8 февраля 2011 г. своё 75-летие школа 32 имени "Молодой гвардии" ярко и с воодушевлением встретила с новым директором Ольгой Викторовной Филипповой, а музей "Молодой гвардии" готовится встретить в 2012 году свое 50-летие. Воспитание патриотизма было и остается важнейшей задачей школьных музеев, а музейная педагогика - основным компонентом в этом благородном деле.

Недавнее, в 2008 году, долгожданное и заслуженное присвоение городу Ростову-на-Дону почетного звания "Город воинской славы" комитетом "Победа" при Президенте России стало возможным именно благодаря наличию в городе действующей системы патриотического воспитания подрастающих поколений, сохранения реликвий и традиций недавнего героического прошлого.

Педагоги и учащиеся благодарны поддержке, которую оказывают музею:

Управление образования города,
Дворец творчества детей и молодежи,
Ростовский городской клуб молодежи и ветеранов "Патриот",
Городской Совет ветеранов,
Южный Научный Центр Российской Академии Наук,
исторический факультет Южного Федерального Университета,
Институт Российской истории РАН,
Государственный Архив социально-политической истории,
Государственный военный историко-культурный центр "Росвоенцентр"
при Правительстве Российской Федерации,
Государственный Военно-исторический музей "Юные защитники
Родины",
Федеральный центр детско-юношеского туризма и краеведения,
Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д. С.
Лихачева.
Ростовское отделение Всероссийского Общества Охраны Памятников
Истории и Культуры (ВООПИиК)
Министерство Культуры Ростовской области
и многие-многие другие неравнодушные люди и организации.

Эта поддержка - залог того, что школа 32 будет с достоинством носить гордое имя "Молодой гвардии", а исторический музей "Молодой гвардии" будет ее уникальным достоянием и символом. А. П. Стасюк».

(Адреса школы №32: 344012 г. Ростов-на-Дону, ул.Фрунзе №12, СШ №32; тел.(863)-232-74-98; www.32donschool.ru; сайт МОУ сош№32).

Мы с мамой очень благодарны Александру Павловичу, что 13 декабря 2010 года он позвонил и поздравил нас с 50-летием со дня выхода Указа Верховного Совета СССР о награждении Виктора орденом Отечественной войны 1-й степени. Это тогда было признание государства в своей вине перед оклеветанным молодогвардейцем.

Александр Павлович прислал мне снимок стенда из музея школы № 32, посвященного Виктору Третьякевичу. В музее хранится пионерский галстук, аттестат Виктора и орден Отечественной войны 1-й степени, который вместе с орденской книжкой наша семья передала музею в 1961 году. Мой отец часто приезжал в Ростов-на-Дону, выступал перед школьниками с рассказами о партизанской борьбе и брате-молодогвардейце. Он переписывался с Александрой Ивановной Лазаревой и Надеждой Ивановной Стасюк.

Работая врачом-кардиологом, Надежда Ивановна многим помогла поправить здоровье и сохранить жизнь. До сих пор ее сына при встрече люди благодарят за работу матери. В мою книгу «Дерево моей жизни» Александр Павлович Стасюк написал свои воспоминания о матери. Здесь приведу отрывки из них.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О НАДЕЖДЕ СТАСЮК

«Надежда Ивановна Стасюк родилась на руднике Урало-Кавказ Луганской области 23 июня 1923 года в семье шахтера. В 1930 г семья переехала в поселок Сорокино, ставший в 1938 г городом Краснодоном. В 1938 г была сдана в эксплуатацию новейшая по тем временам шахта 1-бис, где отец Надежды работал уже горным десятником.

Надежда Стасюк в школе с первого класса училась только на «отлично». С 1 –го по 4-й класс она училась в начальной школе им.19 МЮД, а с 5-го по 9-й в школе №4 им. Ворошилова. В этих же школах учились Виктор Третьякевич и Сергей Тюленин. 10-й класс заканчивала в школе №1 им. Горького вместе с Иваном Земнуховым. Там же учился и Василий Левашов.

Любимыми предметами мамы были математика и физика. Ее отличали жизнерадостный характер, упорство в учебе, аналитический склад ума. Природа наделила ее абсолютным слухом. Все это ей очень помогло в жизни.

В 1938 году она вступила в комсомол. В 1939 – Надежда уже в составе комсомольского актива школы и член комитета комсомола. Во главе его был Виктор Третьякевич. Она его знала еще со школы им. 19 МЮД и у них сложились хорошие товарищеские отношения. Виктор был настоящим лидером школьной молодежи. В те нелегкие предвоенные годы заслужить авторитет у сверстников было непросто. А он им пользовался по праву.

И вот 20 июня 1941 года. Успешная сдача выпускных экзаменов на «отлично». Поздравления и получение Похвальной грамоты (тогдашний аналог золотой медали). 21 июня выпускной вечер, 22 июня – ВОЙНА. 23 июня Надежде исполнилось 18 лет, но об этом она даже не вспоминала.

Как и многих вчерашних выпускников, по приказу Государственного Комитета Обороны (ГКО) ее призвали на трудовой фронт. Приходилось выполнять и сельхозработы, и строить оборонительные сооружения, и помогать в госпиталях, развернутых в городе.

Ведь Краснодар уже в октябре 1941 года фактически стал прифронтовым городом. С большой радостью молодежь встретила вести о контрнаступлении наших войск под Ростовом, а затем и о разгроме немцев под Москвой в декабре того же года. Да и фронт на реке Миус стабилизировался. Верилось, что дальше немцев не пустят и вскоре погонят назад.

Но все обернулось иначе. Произошла ужасная военная катастрофа под Харьковом в июне 1942 года. Чуть позже в Крыму и под Воронежем. Войска стремительно отступали, но гражданскому населению эвакуироваться запрещалось.

Отца Надежды в числе других специалистов-горняков обязали в соответствии с приказом ГКО взрывать шахты, чтоб не допустить добычи угля немцами. Но делать это так, чтоб их можно было быстро восстановить

после освобождения. Этот приказ Иван Стасюк выполнил. Уже вне Краснодона, попав под бомбежку, был ранен, попал в концлагерь и едва не погиб там, заболев еще и сыпным тифом.

Самой Надежде, как и многим молодым людям, эвакуироваться не удалось. Бесперывные бомбежки и стремительные наступления немцев сделали это невозможным. Вскоре, 20 июля, в их доме уже хозяйничали немцы. За найденную на книжной полке Надежды книгу немецкого писателя-антифашиста Вилли Бределя «Твой неизвестный брат» озверевший немецкий офицер едва не застрелил Надежду прямо во дворе ее дома.

Вступилась за нее мать, женщина не робкого десятка, землячка Александра Пархоменко. Искали и отца Надежды. Его, как коммуниста и известного в городе человека, точно бы не пощадили.

В эти тяжелые дни друг к другу тянулись те, кто был близок по духу, с кем дружили в детстве и юности, кто хотел скорейшего освобождения Родины от фашистов. Ребятам предстояло самим решать: покориться и рабами идти в услужение к фашистам, или объявить врагам партизанскую войну.

Зачастую даже родители не знали, что их дети объявили скрытую войну фашистам. Мать Надежды Мария Федоровна догадывалась о настроениях ребят. Она понимала, что их порыв не остановить, и старалась предостеречь их от необдуманных шагов и от грозящей опасности. Руководил молодогвардейцами Виктор Третьякевич. Он был лидером молодежи и до войны.

После освобождения Краснодона в середине февраля 1943 года горком ЛКСМУ поручил Надежде работу по восстановлению первичных комсомольских организаций. В ходе чего выяснилось, что из ее класса в живых осталось всего 4 человека.

Вспоминала она, как они с девушками собирали в заснеженной февральской степи наших погибших солдат. Их закоченевшие от лютого

мороза тела они доставляли на обыкновенных санках на сборный пункт в город, впрягаясь по двое.

Затем ей поручили организовать комсомольцев на отгрузку 2-х эшелонов угля в освобожденный Сталинград. Для этого ей, 19-летней девушке пришлось спускаться в забой и выполнять работу маркшейдера. И задача была выполнена. Шахта №1-бис дала уголь уже спустя лишь месяц после освобождения Краснодона. Но Надежда не считала это героизмом. Она просто всегда делала максимум из того, что могла и через «не могу».

Однако судьба приготовила ей суровое испытание на верность своим погибшим ровесникам. Когда ее привлекли к работе комиссий горкома ЛКСМУ и ЦК ВЛКСМ по деятельности «Молодой гвардии», она не побоялась выступить против интриг и клеветы. Надежда уже тогда, в 1943 году, начала осознавать, что всех их – ее погибших ровесников, их родителей и тех, кто уцелел – хотят сделать статистами какого-то непонятного спектакля.

Ведь о борьбе и гибели «Молодой гвардии» стало известно всей стране сразу после освобождения города – об этом написали журналисты фронтовых газет Южного фронта. Материал был опубликован и озвучен крупнейшими информационными агентствами, имевшими представительства в Москве. Так это событие получило мировую известность уже в апреле 1943 г. Об этом свидетельствовал американский журналист русского происхождения Александр Верт, представлявший в годы войны английскую газету «Санди Таймс» и радиокompанию Би-Би-Си. В 1964 году он опубликовал книгу «Россия в войне 1941-1945 гг.», популярной во всем мире. В том числе и в нашей стране.

После выхода из печати романа А.Фадеева и одноименного фильма С.Герасимова возмущению родителей погибших ребят, немногих оставшихся в живых, да и всех жителей Краснодона, не было предела. Они пришли к решению бороться с совершившейся несправедливостью, преступлением против правды и светлой памяти погибших патриотов. Надежда активно

содействовала восстановлению честного имени боевого товарища и комиссара Виктора Третьякевича.

Свою роль в Сопротивлении она никогда не преувеличивала и просила своих друзей не хлопотать о ее статусе. Она говорила: «Мне достаточно того, что наша дружба выдержала все испытания, и я могу честно смотреть в глаза вам и родителям моих погибших ровесников».

После освобождения Краснодона отцу Надежды Ивану Стасюку по многочисленным просьбам родителей погибших молодых патриотов в шурфе шахты №5 выпала печальная миссия по подъему их тел с 50-метровой глубины.

Надежду Стасюк направили учиться в Москву в МАИ. Это была награда за участие в молодежном Сопротивлении и как участника восстановления первичных комсомольских организаций Краснодона и организацию отгрузки двух эшелонов угля в освобожденный Сталинград. Она закончила 2-й московский медицинский институт, и последние 17 лет своей жизни работала врачом, заведующей кабинетом функциональной диагностики в поликлинике РИИЖТа. (Ныне Ростовский государственный университет путей сообщения – РГУПС). К сожалению, она тяжело заболела и умерла в 1977 году».

В школьном музее города Щелково имеются тоже личные вещи Виктора. Лия Федоровна Дроздова рассказывала, что у них хранятся изношенные, с оторванной подметкой, сапоги Виктора, в которых он был в партизанском отряде.

А Тамара Александровна Кисничан руководит музеем в школе № 312 Москвы со дня его основания в 1958 году. Она встречалась еще в 1959 году с моей бабушкой в Краснодоне. Мой отец приезжал на встречи в школьный музей, приходил к ним вместе с молодогвардейцами Арутюнянцем и Левашовым. Их школа ухаживает за могилой Арутюнянца на Новодевичьем кладбище.

На родине Виктора в селе Ясенки школьники тоже ухаживают за памятником Виктору и 9 мая стоят в почетном карауле. Я переживаю, что не могу поехать в Ясенки, поговорить со школьниками и поблагодарить школьный музей за их заботу о Викторе.

В музее на Поклонной горе в Москве производит сильное впечатление картина заслуженного художника РФ, члена-корреспондента Российской Академии художеств Бориса Петровича Бельмасова «Смертию смерть поправ». Это многофигурная композиция, посвященная подвигу молодогвардейцев. В год 65-летия Победы художник передал картину в дар Центральному музею Великой Отечественной войны 1941-1945 г

Несправедливое отношение к памяти Виктора Третьякевича луганских властей и руководства музея Краснодона возмущает исследователя истории Донбасса Владимира Ивановича Подова. О «Молодой гвардии» и о роли Третьякевича в ней он написал несколько книг. В его книге «Заговор в «Молодой гвардии» напечатано стихотворение Андрея Медведенко «Виктор Третьякевич» (май 2004г), отражающее эту несправедливость. Вот последние строки:

Он идет, неся большую радость
Битвы за святую правоту.
И людской молвы неблагодарность
Закаляет веры чистоту.

Он идет. И плавится железо
Новой лжи. Победен его путь.
Шахты шурф, как будто из обреза,
Неустанно целит ему в грудь

Журналист из Геническа Валерий Красюк подробно изучал историю «Молодой Гвардии», его особенно интересовала судьба Виктора. Ему он посвятил несколько статей в «Приазовской правде» и повесть «Тайна «Молодой гвардии». В газете от 29 сентября 2002 года он приводит строки из письма Антонины Титовой, подруги молодогвардейца Анатолия Ковалева: «Спасибо, Валерий, за то, что Вы постоянно бьете в набат. Колокол по душе Виктора Третьякевича не должен умолкать!». «Эти слова – говорит Валерий – стали для меня своеобразным путеводителем по жизни».

Много делает для памяти о нашем Викторе актер и историк из Санкт-Петербурга Анатолий Алексеевич Низовцев, который уже не раз выступал перед учащимися Дзержинска. Он приезжал к нам в Луганск, когда еще была

жива моя бабушка, мать Виктора, и мой отец. Он тоже поздравил нас с 50-летием выхода Указа о награждении Виктора. О Низовцеве, о своем отношении к «Молодой гвардии» и о цепочке нашего общего знакомства рассказала Наташа Бухвал.

Театральный человек

«То ли по воле судьбы, то ли по случайному стечению обстоятельств история подпольной организации «Молодая гвардия», потрясшая меня еще в детстве, с годами стала чем-то очень близким, личным.

Родившись два десятилетия спустя после войны и будучи человеком совсем другого мироощущения, чем мои дорогие молодогвардейцы, я все равно чувствую какую-то духовную близость с идеалами того поколения. Мы, последующие поколения, можем с высоты времени по-разному оценивать прошлое. Но как не восхититься мужеством, жизнестойкостью людей эпохи Великой Отечественной, их умением дружить, любить, сострадать!

Молодогвардейцы своей жизнью и смертью дали нам, миру, пример таких лучших человеческих качеств. Кто они для меня, эти чудесные ребята? В пору моего детства – недостижимо взрослые, потом ровесники, сейчас – будто собственные дети, ведь моей дочери Любе уже 17 лет. Интерес к «Молодой гвардии» подарил мне столько эмоций, поездок, писем, замечательных встреч!

Многолетняя дружба счастливо связала меня с членом штаба «Молодой гвардии» морским офицером из Петродворца Василием Ивановичем Левашовым. Я бесконечно благодарна ему не только за наше общение, но и за то, что он протянул ниточки к другим людям, ставшим мне тоже духовно близкими. Именно Василий Иванович в одну из наших встреч показал мне только что изданную небольшую книжечку, которую я захотела срочно прочитать. Это была первая книга Е. М. Самариной, племянницы молодогвардейца Виктора Третьякевича, а Василий Иванович много рассказывал мне о трагической судьбе этого погибшего парня, своего друга, чье имя надолго предали незаслуженному забвению

Нет, Левашов не мог отдать подаренный ему экземпляр, зато я возвращалась в Псков с адресом Елены Михайловны. Так началось новое общение, нужное, содержательное для меня и, надеюсь, что и для Самариной. Она протянула цепочку знакомств дальше, связав творческими отношениями меня и редактора-издателя ее книг Бориса Семеновича Вайсберга из Екатеринбурга.

Начитавшись моих длинных посланий, где неременной темой была «Молодая гвардия», Борис Семенович сделал верный шаг: вдохновил меня написание книжки «Точки на карте...» (Екатеринбург, «Штерн», 2005), а потом и издал ее.

О людях, с которыми меня связала «Молодая гвардия», я могу рассказывать, кажется, бесконечно. Двое из нескольких оставшихся в живых подпольщиков, родственники погибших, руководители школьных музеев «Молодая гвардия» и музеев, где звучит эта тема, писатели, просто

единомышленники разного возраста...Я счастлива, что они есть или были в моей жизни.

О них я писала в «Точках на карте», в «Учительской газете», в местной псковской прессе. И когда Елена Михайловна предложила мне написать для этой книги, я подумала: снова поведаю о ком-либо из «молодогвардейских» друзей!

Вспоминаю давние слова Василия Ивановича: «Хочешь, познакомлю тебя с одним театральным человеком? Он актер, журналист, тоже интересуется «Молодой гвардией», выступает с рассказами о ней». Но что-то помешало мне тогда с ним пообщаться.

Минуло много лет. Уже давно не было в живых незабвенного Василия Ивановича. И вот в один из мартовских дней 2007 года в псковской библиотеке для детей и юношества, где я работаю, раздался звонок: «Наталья Кимовна? Здравствуйте, я Анатолий Алексеевич Низовцев. Приехал в Псков с моноспектаклями, в том числе о «Молодой гвардии». О Вас я знаю от Елены Михайловны Самариной. А Вы что-нибудь слышали обо мне?»

Несомненно, звонил тот самый питерский «театральный человек», с которым я когда-то так и не познакомилась. Но из газетных вырезок, присылаемых Еленой Михайловной, я уже знала, что журналисты в прессе величают Низовцева человеком-театром. Ведь он сам себе режиссер, продюсер, автор и исполнитель моноспектаклей о выдающихся деятелях культуры и искусства 20-го века – Сергее Есенине и музыканте Фредди Меркьюри, певице Эдит Пиаф и Владимире Высоцком.

Такие литературно-музыкальные программы рождались на основе изучения архивов, массы литературы, личных встреч с родственниками своих героев. В Париже с учеником Пиаф Шарлем Дюмоном сделали композицию «Мир Эдит Пиаф». Готовя «Мир вашему дому» о Высоцком, беседовал с его матерью, сыном, женой Мариной Влади. Встречался с сестрой, детьми С.Есенина, с приемной дочерью Айседоры Дункан...

Но самое заветное для Анатолия Алексеевича, что и подружило меня с ним, - подвиг «Молодой гвардии». Экскурсия в Краснодар потрясла его, семиклассника из Великого Устюга 1950-х годов, да так, что дома он тут же засел за фадеевский роман. Молодогвардейцы навсегда покорили сердце мальчишки. Впереди Низовцева ждали новые поездки в Краснодар, беседы с оставшимися в живых подпольщиками, родными погибших, их учителями, друзьями. Так рождалась его самая душевная композиция «Встречи в Краснодаре».

Чего только не было в биографии этого человека, «лягушки-путешественницы», как он называет себя в нашей переписке! Свердловское театральное училище и работа в русском драмтеатре Еревана, истфак ЛГУ и кандидатская диссертация, должность замдиректора Гатчинского дворца-музея, исследовательские изыскания в архивах и занятия в ленинградском литобъединении Леонида Хаустова. С театром исторического портрета, созданным в 1970 –х годах в Москве, он объездил полмира. А когда с

развалом СССР коллектив распался, Низовцев стал гастролировать один, создав своеобразный Театр одного актера.

Разнообразие его аудитории (от школьников и военных до М.Горбачева и Р.Рейгана) и география поездок (более 30 стран) поражают воображение. За 50 лет творческой деятельности у Низовцева состоялось 12100 выступлений! Он предпочитает камерную обстановку, небольшие залы, когда «глаза в глаза».

Приезжая в наш город, Анатолий Алексеевич обязательно приглашает меня на моноспектакли. И я вижу его словно другими глазами. Он действительно артист. Сколько же надо душевных и физических сил, любви к своему делу, чтобы в немолодом возрасте выдерживать огромную нагрузку!

Низовцев всегда с удовольствием сотрудничает с воинскими соединениями. Думаю, его особое уважение к армейцам идет из детства. Ведь его отец - Алексей Николаевич – прошел всю войну до Берлина, а из десяти братьев отца с фронта вернулся лишь один. Отец потом работал секретарем горкома партии г.Великий Устюг. Он и организовал ту экскурсию школьников в Краснодон, которая сыграла очень важную роль в жизни его сына Анатолия.

Театр исторического портрета создавался для военно-патриотического воспитания в группе войск в странах Варшавского договора. И очень органично в эту деятельность вписывалась композиция Низовцева о «Молодой гвардии». За полвека его деятельности она прозвучала 6200 раз! Низовцев не жалеет красок, рассказывая о трагедии молодогвардейцев, их последних днях и особенно о Викторе Третьякевиче. «Может, не надо школярам жутких подробностей?» - сомневаюсь я. «Ничего, пусть представят, как это было», - возражает он.

Витя Третьякевич - любимый молодогвардеец Низовцева. Когда мы познакомились, он спросил: «Как ты относишься к Виктору?». Станный вопрос, если знать мое отношение к семье Третьякевичей и к Василию Ивановичу Левашову, который до конца дней своих защищал честь Виктора от нападков. «Конечно, с большим уважением», - сказала я. Анатолий Алексеевич был явно удовлетворен моим ответом.

А мне приятно, что Низовцев хорошо знал Василия Левашова и его семью, ведь он дружил с ним несравнимо дольше, чем я. «Для меня Василий Иванович словно не умер, а уехал в длительную командировку», - говорит Анатолий Алексеевич.

Тронул меня и такой факт биографии Низовцева: его мать Лидия Карловна, учительница, - родная сестра знаменитого певца Георга Отса. А мое детство прошло в эстонском городке Выру в 1970-х годах, где жил сын Отса. Конечно, имя этого большого артиста было тогда на слуху у всех. Я хорошо помню, как однажды к нам домой прибежала соседка-эстонка и в слезах сказала бабушке: «Маруся, ты знаешь, что Георг умер?». Они обе были поклонницами его таланта.

1 июля 2009 года Низовцев отмечал двойной праздник – день рождения (68 лет) и 50-летие своей литературно- концертной деятельности. Юбилейный вечер состоялся в помещении совета ветеранов «Измайловское» Адмиралтейского района Санкт-Петербурга. Собралось 40 человек. Из разных концов страны пришли поздравления и телеграммы, в том числе от Краснодарского музея. Знаменательно, что именно программу о краснодонцах Анатолий Алексеевич представил гостям в день творческого юбилея.

Сейчас, когда я пишу эти строки, он, скорей всего, в дороге. А когда вернется домой, то обязательно поделится со мной впечатлениями в очередном письме. Кочевая жизнь ему по душе. «Люблю свои поездки, встречи с молодежью, их отношение к моим героям. Не такая плохая молодежь, как говорят», - пишет мне Низовцев.

Всем известно – сколько людей, столько и мнений. К деятельности Анатолия Алексеевича тоже относятся по-разному. Но когда видишь, как в звенящей тишине блещут глаза зрителей на его выступлениях, понимаешь, что человек совершает хорошее, нужное дело».

Музыка, музыка, музыка...

У меня еще долго не сотрется из памяти «музыкальная жизнь» в Москве в годы моей учебы в институте. Все, что я помню о Большом театре, это и не только мое прошлое, но и его, т.к. он сейчас в длительном ремонте, а что будет после - пока неизвестно. В 1953 году перед отъездом из Москвы после окончания института я на прощанье решила сходить в Большой театр на своего кумира Лемешева, для чего купила на оперу «Евгений Онегин» самый дорогой билет по тем временам в партере – 3 р.20коп.

Сейчас смотрю с обидой за Чайковского на авангардную постановку этой оперы, где даже не танцуют знаменитый полонез, а продолжают под его музыку скучно сидеть за столом и что-то жевать, или ходить вокруг него. Как можно усидеть под такую музыку! Мне показалось, что это позор. Но находятся критики, которые восхваляют новые постановки, коверкающие замыслы авторов.

Хорошо, что я успела в 2001 году сводить своих внуков на «Евгения Онегина» в постановке Бориса Покровского. И билеты наши были по «смешной» цене - 40 рублей! А когда по просьбе внучки Лены мы пошли еще раз на эту оперу, то решили взять билеты дороже. Конечно, разброс в цене на билеты был достаточно большой, но по тем временам вполне доступный. Рядом в ложе сидела группа немцев, которые дружно ахнули, когда открылся занавес под звуки полонеза и все увидели настоящий бал и яркое зрелище.

А ведь театр и должен быть зрелищем, иначе тогда это или просто концерт или художественная самодеятельность в джинсах и без декораций. Да, Большой театр почти скатился до показа антреприз, пытаюсь, наверное, таким образом привлечь внимание современной молодежи. И жаль, что забываются уроки великого оперного режиссера Бориса Покровского.

Сейчас дочь Маша с Леной стали посещать спектакли в Новой опере. Им нравится репертуар, голоса и доступность цен. Например, понравился «Севильский цирюльник», особенно исполнитель роли Альмавивы тенор Георгий Фараджев.

Святослав Теофилович

Когда вспоминаешь былые годы, то они обязательно перемешиваются с настоящим временем, получается переплетение прошлого с настоящим. Вот недавно дочь подарила мне книги о Рихтере – его дневники «О музыке» и книгу «Вспоминая Святослава Рихтера». А у меня ведь есть и свои воспоминания о нашем замечательном пианисте! Правда, эта параллель почти 60-летней давности.

Это и как мы с моей подружкой Любой Лихомановой за время учебы в Менделеевском институте не пропускали ни одного его концерта, и как я отважилась преподнести ему букет белых пионов в антракте концерта. Это было 21 июня 1951 года. Наше рукопожатие помню до сих пор – его горячую руку после игры и мою ледяную из-за волнения. Меня в это время публика подбадривала аплодисментами, в том числе и Инна Прусс, сидевшая как всегда на концертах Рихтера на 2-3 месте от прохода в первом ряду.

Нас с Инной познакомила моя школьная подруга Оксана Изакова, они тогда вместе учились на юрфаке МГУ. Потом узнаю, что Инна Ефимовна работает в музее изобразительных искусств, где она снова могла слушать Рихтера на «Декабрьских вечерах», участвовать в их организации и общаться со своим кумиром. Читаю ее воспоминания о Святославе Теофиловиче и вижу фотографию, которой очень завидую, где Инна дружески с ним беседует.

Правда, у меня тоже есть реликвия, связанная с Рихтером. На концертах в Большом зале консерватории я с завистью смотрела на портрет Рихтера в фойе зала. Об этом знали все мои друзья и подруги. И вот в 1949 году, когда я уже приехала в Ворошиловград на каникулы, приходят ко мне мои школьные друзья Саша и Мэра, которые тогда тоже учились в Москве, и Саша вручает мне тот самый портрет Рихтера! Оказывается, он его спокойно снял со стены и никто этого не заметил. Теперь думаю, что, может, его нужно вернуть на место...

Актриса Художественного театра Софья Пилявская вспоминает концерты Рихтера, которые она посещала вместе со знаменитой Книппер-Чеховой. В том числе они были и на единственном его выступлении в роли дирижера. Какое совпадение! Я ведь тоже была на этом концерте!

Наверное, благодаря Рихтеру, мы с подругами не раз на его концертах находились в среде известных деятелей искусства, не зная об этом. Но в тот день, когда я преподносила ему цветы и из-за этого взяла место в партере, рядом со мной в 14 ряду оказался Генрих Густавович Нейгауз! Он очень бурно реагировал на игру своего любимого ученика, и поэтому я обратила на него внимание.

Жар души

В связи с 200-летием Шопена показали концерт, где Рихтер исполнял этюды Шопена. Борис Пастернак писал, что «они скорее обучают истории, строению вселенной даже более, чем игре на рояле». Да, этюды Шопена – это не просто технические этюды, а это отдельный музыкальный мир, где есть все – и радость, и драма, и трагедия. Я написала об этом своему другу писателю и издателю Борису Вайсбергу, и в ответ получила восторженное письмо его жены Ольги Иосифовны.

Она работает концертмейстером в Екатеринбургском музыкальном училище им. Чайковского и классическая музыка ей близка. И не только музыка. Она пишет: «Конечно, семья, дом, родные – это для женщины главное. Но с годами вспоминаются и разливаются, как елей на душу, и другие впечатления: любовь к природе, любовь к искусству, интерес ко всему новому – к путешествиям, например, - и вообще интерес и любовь к жизни».

О музыке Ольга Иосифовна пишет особенно трепетно: «Музыка Шопена, Чайковского и Грига вошла в меня почти что с «молоком матери». Себя я помню с 4-5 лет, когда мама играла 1-й концерт Чайковского, ноктюрны и вальсы Шопена, весь клавишник «Евгения Онегина»...

Когда мне было лет 6, я по-своему рассказала маме о «Евгении Онегине»: «Сначала Татьяна любила Онегина, а он ее не очень, а потом он ее полюбил, а она от него отвернулась!» Эти впечатления были связаны с картинкой на коробке конфет, которую папа привез из Москвы. На ней была сцена объяснения Татьяны с Онегиным в парке. На скамейке сидела, отвернувшись, Татьяна, а Онегин стоял над ней с надменным видом. Эта картина потрясла мое воображение, и сестра Эмма рассказала мне содержание поэмы.

А сейчас, да и в течение всей жизни музыка Чайковского проникает в меня как электрический ток, вызывая мурашки по коже, слезы на глазах, внутренний трепет - «жар души». Шопен – это другое. Это изысканная красота в превосходной степени. Когда слушаешь его, то эта красота «заливает все твое тело», это наслаждение, которое когда-то должно закончиться, иначе от переизбытка может произойти внутренний взрыв...»

Сейчас радостью для души стали почти ежедневные концерты классической музыки по каналу «Культура». Ко мне приходит подруга из нашего дома Наташа Тихова, и мы вместе слушаем их, и делимся впечатлениями.

Наташа поклонница Шопена, Грига и, особенно, Шуберта. Я остаюсь верной Бетховену, 6-ой симфонии Чайковского, люблю ощущение от музыки Скрябина, когда прямо в душу падают прозрачные холодные льдинки из его сонат. Мы также обе любим оперную музыку, и не пропускаем спектаклей по «Культуре».

Мы с нею удивляемся, что живем уже почти 40 лет в одном доме, 30 лет работали рядом, и только сейчас узнали об общей нашей любви к классической музыке. Оказывается, это пристрастие начиналось у нас одинаково. Еще в школьные годы для меня в Ворошиловграде, а для нее в Горьком самое обычное радио и стало окном в этот мир. А потом, уже в студенчестве – абонементы на концерты.

При показе концертов по телевизору близко видны руки пианиста и манера исполнения, и у нас теперь появились свои симпатии среди новых исполнителей. Наташе, например, очень нравится китайский пианист Ланг-Ланг, особенно исполнение его переложения «Дон-Жуана», а у меня все еще не выходит из памяти несравненный Рихтер.

Конечно, наши любимцы сейчас и Денис Мацуев и Михаил Плетнев. Мацуева часто сравнивают с Рихтером, а мне он кажется по характеру игры ближе к Эмилю Гилельсу. Завораживают красивые руки Николая Луганского. С восторгом мы слушали его дуэт со скрипачом Вадимом Репиным, когда они исполняли «Крейцерову сонату» Бетховена.

Особый уголок в моей душе занимали концерты под управлением Евгения Мравинского в Ленинграде во время студенческой практики на Охтинском химкомбинате в далеком 1952 году. Он действовал гипнотически, хотя очень скупно взмахивал руками, а чаще только одной рукой. Навсегда отпечаталось в памяти его исполнение «Болеро» Равеля, как образец недостижимого – так был отточен каждый звук.

Нам с подругами также очень нравился дирижер Натан Рахлин, и когда он приезжал в Москву из Киева, мы старались попасть на его концерты. В отличие от выдержанного, подчеркнуто спокойного Мравинского он дирижировал очень энергично и бурно.

Музыка – это жизнь

Каждому моменту в жизни, каждому настроению соответствует своя музыка. И в каждом композиторе можно найти что-то свое. В наших беседах с Наташей она рассказала о своем восприятии классической музыки:

«Мне нужна, необходима классика для умиротворения, успокоения, тишины для души. Много у нас царапин, стрессов, а жалость даже самая искренняя убивает... Вот здесь меня спасает Шопен, именно его концерты, его баллады. А когда «сильно больно» – «Неоконченная симфония» Шуберта, его тревожные «Музыкальные моменты». Ничего не додумываю, а просто «таю, плаваю».

Мне не нужна интерпретация музыковедов, у меня свое видение музыки. Вот в Карелии – прозрачная вода, водопадики с камнями, закат или восход солнца – это Григ. А еще для сравнения у меня есть другой Григ – «Пер Гюнт» в исполнении хора церкви Св. Мартина.

Не могу долго слушать Бетховена. Я вижу, осязаю, чувствую мучения реального человека и свою беспомощность рядом с ним. Поэтому слушаю его «малыми дозами», когда у меня минор.

«Менуэт» Боккерини, «Серенада» Гайдна – это воспоминания о дворцах Царского села, Павловска. Бесплотные тени людей в костюмах 18в. Когда мне скверно, плохо - выручает «Ноктюрн» Бородина. На этом фоне много раз исполняющийся везде и всюду Чайковский уже меня не трогает, хотя люблю слушать его скрипичный концерт. А трагический Верди – лично мой, и его оперы для меня и отдушина и лекарство.

Но совершенно невероятные эмоции возникают от духовной музыки и церковного песнопения. Как мы были обворованы, что не слышали их раньше! Не могу забыть ораторию «Иоанн Дамаскин» с участием Ирины Архиповой. Я не понимаю слов, но сама музыка – мороз по коже, сердце замирает...»

Я не разделяю мнение Наташи о Чайковском. Потому что первые же звуки хотя и тысячу раз слышанного его фортепианного концерта каждый раз меня взмывают в высоту, а 6-я симфония – самая проникающая насквозь из всех!

. Из «Тарантеллы»

Борис Вайсберг прислал мне очень интересную книгу под красивым названием «Тарантелла», которую написала его жена Ольга Иосифовна о себе и своей родословной под его редакцией. Мне захотелось поместить сюда отрывок, связанный с музыкой, о ее маме Анне Гальпер, который был напечатан и в местной екатеринбургской газете:

«В начале прошлого века в Екатеринбурге жила известная семья Гальпер, мать и шестеро дочерей. Все были музыкально одарены, но особенно – Аня. Окончив музыкальный техникум, она поступила в Уральскую консерваторию. Это был первый набор открывшегося высшего музыкального учебного заведения в 1934 году.

На приемные экзамены приехал из Москвы известный пианист Генрих Нейгауз. Прослушав Анну Гальпер, он настоятельно рекомендовал принять ее в консерваторию.

В это время Анна вышла замуж, мужа послали на работу в город Чусовой. И Анна поехала с ним, пожертвовав консерваторией ради семьи.

Но музыкантом она все же стала. Преподавала в музыкальных школах. А после возвращения в Свердловск с мужем и дочерью стала работать концертмейстером в музыкальном училище им. Чайковского. Ее до сих пор многие помнят.

Много лет и я работаю в этом же училище, также концертмейстером, пойдя по ее стопам. Это – моя дорогая незабвенная мама».

Ода ароматам

Не могу удержаться, чтоб не напомнить о другом рассказе Ольги Иосифовны из книги «Тарантелла», где она пишет о своем отношении к ароматам. Получилась своего рода поэма о запахах, к которой так и напрашивается какое-нибудь музыкальное сопровождение, например, на мой взгляд, подошла бы любая увертюра Россини:

«Интересные впечатления возникают у меня в связи с окружающими запахами. Иду по лестнице домой на пятый этаж. Пока доберусь до своей квартиры, столько разных историй могу унюхать. На первом этаже призывно пахнет борщом. Я даже могу сказать, из чего сварен борщ: букет овощей и, главное, приправы – сельдерей, укроп и чеснок.

А еще пахнет, видимо, из другой квартиры, свининой с жареным луком. Вкусно, ...но все хорошо в меру.

Топаю дальше. На втором этаже ощущаю неожиданный запах тонких французских духов. Останавливаюсь, принохиваюсь, наслаждаюсь ароматом, и иду выше.

Попадаю вновь в обыденную, вернее, обеденную жизнь. Бегом проскакиваю через все подавляющий запах жареной рыбы. Пытаюсь усмирить свои фантазии, навеянные первым этажом, чтобы легче перенести рыбий аромат.

Фантазии мои говорят о многом. В детстве я вылила целый флакон маминых духов в таз с грязным бельем, чтоб оно красиво пахло! Не помню, сколько времени прошло со дня наказания за этот проступок, но следующим «ароматным протестом» моим было выливание флакона духов в горшочек с цветком. Мне казалось, что все цветы должны благоухать. Вот я и удобрила домашний цветок, получив очередную порцию наказания от родителей.

Продвигаюсь дальше в воспоминаниях и по лестнице. Наконец, моя квартира – сразу попадаю в чудесный свежий аромат белых цветов. Аромат этот чуть подслащен летним солнцем, это моя дочь Женя оставила нежный шлейф запаха. Как хорошо!

Сама я тоже недавно получила из Америки от двоюродного брата посылку. Среди прочего там были духи – сладкий, манящий аромат. Я таяла и улыбалась от этого запаха. А на улице оказалось, что не только мой нос, но и многие другие носы равнодушны к этому аромату. Особенно мужские. Вслед за носами головы и глаза мужчин поворачивались в мою сторону, как магниты.

Сколько духов человек может перенюхать, чтобы не устать? Лично я выбираю себе духи, начиная с полутора десятков пробных. В магазине что-то вроде спектакля.

Сначала разделяю духи на темные и светлые, ночные и цветочные (белые цветы, розовые цветы и смешанные букеты). Сладкие, горькие, терпкие. Разделяю еще на морские, лесные, сандаловые. На претенциозные, торжественные, парадные, интимные. Дальше – прозрачные, светлые, густые и легкие, навязчивые и деликатные, повседневные и нарядные.

Все это я не по разу перенюхиваю, сравниваю, откладываю. Продавщицы, конечно, начинают нервничать, но я их успокаиваю. Они видят, что перед ними почти профессионал по запахам. Кое-чему даже у меня учатся. Мы обмениваемся мнениями, опытом.

Наконец, выбраны мои духи. МОИ! То есть, они лично для меня. Те, которые вписываются в мой жизненный стиль, они поднимают мое

настроение. Заставляют, забыв о невзгодах, окрыленной, бежать по улицам и улыбаться прохожим.

Вот почему я написала эту поэму о запахах. Оду ароматам».

Мне кажется, что Ольга Иосифовна могла бы написать поэму и о танцах. «Я очень люблю танцевать» - пишет она в письме, – фокстрот, восточные танцы, медленные, буги-вуги. Это для меня радость в жизни. Если бываю в санатории, то с удовольствием знакомлюсь с новыми людьми, причем у меня уже изначально бывает положительное расположение к людям. И я стараюсь его не упускать. Особенно после длительной работы в саду организму требуется встряхнуться, и тут помогает отдых в санатории с танцами и беседами».

А садом Ольга Иосифовна занимается серьезно, с тех пор, как он к ней перешел от отца: «Поставила настоящий дом (помогал зять). В доме прекрасно - высокие потолки, простор, печка, камин. Конечно, много ушло на это и денег и сил. А как обидно было, когда нас обворовали! Да не один раз, а два! Вот и пришлось ставить решетки.

Сейчас уже хочется больше отдыхать в саду, чем работать. Поэтому дочь с зятем купили для детей бассейн длиной 4,5 метра. Правда, чтобы для него освободить место, пришлось пожертвовать посадками смородины. Но не жалко - ее было очень много – старые кусты. Зато радости от воды в жаркую погоду – хоть отбавляй!»

Любовь к природе

Сейчас не сходит с экрана телевизора тема Сочи-2014 и кадры про то, как расправляются с природой Красной Поляны в угоду будущей олимпиаде. Невольно и возникает в моей памяти очередная параллель - сентябрь 1957 года, когда мы с мужем в составе туристской группы жили в Красной Поляне и ходили в горные походы под руководством активного красивого парня Георгия. Он был местный грек. Ему очень понравились новые Женины кеды, и когда мы уезжали, Женя их ему с удовольствием подарил. Тогда кроссовок и в помине не было.

Нам выдали справки от туруправления при ВЦСПС о покорении горы Ачишхо высотой 2700м. В справке отметили, что было пройдено «48 км с двумя ночевками в полевых условиях» и что мы сдали проверочные испытания по нормам значка «Турист СССР». При этом мы поднимались по леднику, пили воду из ручейков, вытекающих из ледника. Природа не тронутая, сказочная. Когда вернулись на турбазу, нас, согласно принятому здесь ритуалу, торжественно встретили и преподнесли каждому по стакану компота.

Наша дзержинская компания активно ходила и в близкие и в дальние походы или пешком или на байдарках. А дочь Маша была в походах с годовалого возраста. Близкие походы – это по Горьковской области, дальние – Карелия, Соловки, Байкал, Алтай... Запомнился местный первомайский поход на Боровские озера в 1972 году по красивым лесным местам, которые

тем же летом почти все сгорели из-за больших лесных пожаров. Солнце проглядывалось сквозь дым, как через бутылочное стекло. Этот год надолго все запомнили и, при случае, говорили - какие были лесные пожары и как горели торфяники в 72-году!

И вот, через 38 лет, в 2010 году, картина повторилась, и не просто, а удвоилась или даже утроилась из-за того, что не только все лето было без дождей, а еще и плюс жара свыше 30 градусов. В июле 35-42! В Москве в течение 33-х дней держалась температура свыше 30 градусов. Рекорд 1972 года был побит. Когда-то, в 30-е годы стремились подчинить природу человеку, активно осушая болота, и теперь она нам мстит за это вмешательство.

Когда я еще работала, наша лаборатория ездила не только на уборку полей, но и на торфоразработки в район поселка Пыра. Есть фотография, где мы стоим очень довольные, что нагрузили много платформ торфом. Его возили по специально проложенной узкоколейке. А теперь слышу по телевизору, что уже разработан и даже начал выполняться план о том, как снова «намочить» торфяники. Вот и вывод: прежде чем совершать «антиприродное» мероприятие, надо заглянуть вперед хотя бы на 100 лет. Правда, в других странах тоже есть торфяники, где используют торф как топливо, (например, в Финляндии), но при этом обходятся без пожаров.

«Природа и человек не совместимы! – к такому печальному выводу пришла Наташа и продолжает – Говорю я это сейчас, глядя на погибшие леса, загаженные озера, нашу Оку возле Держинска, в которой уже не рекомендуют купаться. В моем прошлом была еще и целина с солончаками в казахской степи, колышавшаяся, как живой, ковыль, огромная горячая луна и множество соляных озер без живности. Меня заинтересовало, почему в степи соленые озера с галечными берегами?

И вот в течение полувека на моих глазах была разработана и принята гипотеза Вегенера о континентальном дрейфе материков и формировании нынешнего облика Земли. «Гуляя» по гипотетическим картам меняющегося в течение миллионов лет облика планеты, я выискивала – что же было на территории моей страны? Оказалось, что весь Казахстан, Среднюю Азию, юг Сибири занимал океан Тетис.

Материки расходились, сталкивались, и миллионы лет назад океан исчез, оставив множественные «лужицы» озер на юге Сибири, севере Казахстана, Аральское море. «Лужи» высыхают на наших глазах, так что гибель Арала вполне естественна (конечно, человек ускорил этот процесс). Так прошлое напомнило о себе через много-много лет.

В молодости, бывало, каждые выходные – рюкзак, дочку за руку и за город. Учились обе распознавать цветы, деревья, пичужек. С нею объехали черноморское побережье, Карелию.

А сейчас только нам и осталось слушать кассеты с шумом прибоя, грозой, водопадами да голосами птичек».

Мы с друзьями в 50-80 годы прошлого века старались обойти как можно больше уголков нашей страны, а теперь мои дети и внуки уже побывали не раз за рубежом. Сыну и внуку понравилось путешествовать по северным странам. В 2009 году они были в Исландии, в 2010-м в Норвегии. Внук Алеша много сделал снимков и подарил мне «исландский» альбом. Вот где они насмотрелись и ледников и красивых водопадов! Алеша в этом альбоме рассказал об исландских лошадях:

«В небогатом животном мире Исландии именно лошади поразили нас больше всего. Они легко преодолевают скользкие льды, острые камни и быстрые реки. Они красивы, ухожены, и просто безупречны. Получаешь от их вида эстетическое удовольствие. Исландцы ревностно следят за своей породой и запрещают ввоз других лошадей в страну».

Сын Андрей на своем сайте тоже описывает это путешествие: «...Началось наше путешествие по Северо-Западным фиордам. Мы двинулись в сторону самой западной точки Исландии в надежде увидеть паффинов и других красивых птичек, на лето прилетающих в большом количестве на утесы. То, что это действительно самый край, подтверждалось надписью на здании, воздвигнутом на этом краю. Но надежды наши увидеть экзотических птиц не оправдались - как и предупреждала нас местная жительница- все они уже улетели, поэтому, добравшись до вершины, мы развернулись и оправились в обратный путь. Ведь от края земли можно только возвращаться...

По пути в Брейдавик накануне мы проехали музей авиации и теперь, доехав до поселка, решили его посетить. Сам музей, казалось, не представлял из себя ничего особенного - остатки самолетов, моторы военных бомбардировщиков 2-й мировой, старые аэродромные машины и механизмы, обслуживавшие когда-то военную базу, но когда мы решили заглянуть в ангар, то не поверили своим глазам - там стоял на вид совершенно целый наш советский Ан-2! Конечно, ощущения в этот момент были совершенно непередаваемые, как будто потерянная часть тебя самого вдруг нашлась...

Мы двинулись дальше - в конце дня нас ждала жемчужина северо-западной Исландии - водопад Диньянди...»

Алеша продолжает: «Диньяндифосс – самый впечатляющий водопад во всех Западных Фьордах. Это каскад водопадов общей высотой около 100м. У каждой секции есть свое название. Настоящим чудом света можно назвать верхний ярус – тонны воды ежесекундно проносятся, разбиваясь к подножию на тысячи маленьких ручьев. Когда смотришь на него, начинаешь сомневаться: Земля это или другая планета».

И о Норвегии

В августе 2010 г в Норвегии побывали сын с Алешей и Олей. И, как всегда, в «северных» путешествиях, с ними был друг сына по учебе в МФТИ Борис Житомирский, который теперь живет в США. Алеша узнал, что в Норвегии в отличие от Исландии разрешается ловить рыбу, и с надеждой

приобрел складной спиннинг. О первом же улове мне интересно сообщила внучка Оля:

«Дата: 24 августа 2010 г. 21:24 Лофотен

Лешка утром поймал маленькую рыбку, с ладонь. Боря пожарил ее, и я съела, она была совсем небольшой. Я никогда не рыбачила, и весь день просила Алешу научить меня. Всю поездку над ним подшучивала, что раз у нас в домике есть духовка, то это намек. И вот мы с ним пошли ловить рыбу. Он поймал такую большую, длиннее, чем от кончиков пальцев до локтя! Она была такая живая, такая огромная, я помогала ему ее вытащить, а есть ее, наверно, не смогу. Может, у нее была душа? Я, наверно, теперь вообще не смогу рыбу есть... Коровам и так уже в глаза не смотрю».

Андрей свой рассказ о поездке в Норвегию начал так: «Чем дальше во времени отодвигается наше путешествие по Норвегии, тем чудесней оно кажется. Какая-то неземная красота озер, островов, изящных изогнутых мостов, прозрачный чистый воздух, горы с висящими на пиках облаками - все это вспоминается как волшебное путешествие в страну эльфов или другой нечеловеческой расы.

Там только какие-то нечеловеческие существа, у которых совсем иной мир, иная жизнь, совсем другие интересы. Умом понимая, что это не так, и это обычные люди, воображение, все-таки, сдвигает восприятие и уже хочется верить в придуманное чудо. И какие-то основания для этого есть. Разве могли бы люди (люди в нашем понимании) так влиться в природу, нигде ее не загадив, разве проложили бы в каждую деревню, к каждому отдельному дому отличную дорогу и линию электропередачи, разве сделали бы такую сеть горных дорог и туннелей в малонаселенной местности на далеких островах, разбросанных где-то за Полярным кругом?

Кое-что мы тоже умеем: выращиваем жен-миллиардерш, носим часы за миллион долларов, покупаем самые большие яхты и т.п. Но вот дворцов в Норвегии по типу наших, отгороженных участков частных владений мы не увидели, разрушенных или заброшенных домов тоже: неужели они от природы такие, а, может быть, этот воздух и природа делают людей такими. Вдруг они даже из наших руководителей смогут сделать хотя бы полуэльфов - трудно сказать, возможно, будущее покажет.

Алешу Норвегия тронула своей романтикой. Это подтверждает его рассказ:

«2010 год выдался очень насыщенным на поездки и если за всю прошлую жизнь я побывал в одной европейской стране, то в течение этого года "закрасил" на воображаемой карте целых пять. В начале года столица Андорры очаровала меня своими узкими

улочками, огнями витрин (вот уж не предполагал, что такое случится после Москвы) и ощущением бесконечного праздника. Майские выходные я провел с огромной пользой, побывав в самом без преувеличения красивом месте на Земле, что пока встречал. Таким для меня стало альпийское озеро Оберзее на границе Германии и Австрии.

И вот в августе - долгожданная поездка в Норвегию. Честно признаться, я заранее не рассчитывал на что-то поражающее воображение. Потому что целью путешествия была выбрана не самая красивая по моим заочным представлениям часть страны, где расположены все знаменитые фьорды, а северные Лофотенские острова. Они уникальны своим рельефом - все острова это горы высотой до 1000 метров, резко вздымающиеся прямо из океана. Наиболее впечатляет это зрелище с воздуха или воды, как нам посчастливилось видеть.

Поездка удалась, а для меня особенно запомнившимся получился последний день, или даже вечер. Мы остановились в примечательном месте, где два фьорда соединяются между собой узким проливом шириной 150 м и длиной в пару километров. Благодаря регулярным приливам и отливам, тонны воды с огромной скоростью перемещаются из одного фьорда в другой и обратно; вода бурлит и закручивается в огромные изумрудные воронки диаметром несколько метров по всей ширине пролива. Уникальное зрелище!

Еще когда мы подъезжали на место и периодически выходили из машины сделать несколько кадров, было ясно, что небо сегодня должно порадовать чем-то особенным. По приезду в кемпинг мы расположились в домике, и тут я сделал самый грамотный поступок за последний год - не стал лениться, а пошел на мост, соединявший два берега пролива, с расчетом снять закат.

Следующие полтора часа слились для меня в пять минут, потому что композитор, сидящий над облаками, начал исполнять свою закатную симфонию. Она отражалась на небе цветом и светом, и казалось, что любые виды облаков, которые бывают, можно в один момент увидеть на небосводе. Когда ко всему прибавилась радуга, у меня появилось другое чувство - досада, что не с кем разделить свой восторг. Окружающий пейзаж был совсем не характерен для той достаточно скупой северной природы, что мы привыкли видеть на островах, и подумалось, что Норвегия таким образом слегка приоткрывает двери к своим южным красотам, заманивает.

Этот вечер стал для меня пиком первого знакомства с Норвегией. Все, что я видел вокруг себя - на небесах, на горизонте, в глади залива -

заставляло биться сердце чаще, и перехватывало дыхание. Норвегия, как кокетливая девушка перед прощанием, использовала все свое обаяние и бесповоротно влюбляла в себя. Причем я почти физически ощущал этот процесс, и первый раз в жизни сердцем почувствовал - да, ради такого я готов бросить все и переехать сюда навсегда, только бы видеть эту неповторимую природу каждый день!

И именно в тот момент я понял, что означает фраза, повторяемая многими бывалыми путешественниками, - "Норвегия не отпускает". Теперь, как перед настоящим свиданием, жду следующей встречи, с трепетом вспоминая моменты прошлой. У меня появилась новая подруга и любовь».

Привет Алтаю и дождям!

А для меня нет красивее мест, чем горный Алтай, где наша компания друзей побывала в 1976 году. Несмотря на 12 перевалов, тяжелые рюкзаки, частые дожди, все искупала чудесная природа, причем без мошкеры. Наученные горьким опытом походов по речке Ваймуге, Соловкам, Байкалу, для Алтая мы приобрели антикомариные сетки. И оказалось, что напрасно – там не было ни комаров, ни мошек! Почти каждому перевалу был посвящен куплет сочиненной там песни «Алтайская героическая» - всего аж десять куплетов и десять припевов! Вот маленькая частица из большой песни:

Посмотри, какие горы под тобой,
Будто в небо мы уперлись головой.
Стоят рядами над облаками,
Стоят в веках, храня покой.
Пусть туманы, дожди и зной
Нам не надо судьбы иной,
Лишь бы мы на Алтае
Побывали с тобой!

Особенно запомнился нам Уйменский перевал.

Не забудем мы Уйменский перевал,
Как из тучи он крупой нас посыпал.
Холодным ветром, дождем колючим
В лицо хлестал и подгонял.

Мы так промокли и продрогли на этом перевале, что долго не могли согреться в палатках, хотя переоделись в сухую одежду. Наш адмирал Ивета Разинская в этой обстановке взяла на себя дежурство, и вместе с вице-адмиралом Колей Гребенниковым они разносили еду по палаткам, чтоб мы не вылезали и снова не намокли. Несмотря на дождь и усталость, Коля быстро разжег костер. Не зря он у нас имел почетное звание «лучший

костровой». Кстати, лучшим кашеваром в походах всегда была Сима Мейман. Она искусно в любых условиях пекла блины и варила кисели.

Если в походах шел небольшой дождик, а ты сидишь в палатке и слушаешь его шорох – для меня это были лучшие часы. Однажды на Алтае, именно в такую погоду мы с Владой Балакирской, сидя в палатке под дождем, начали петь украинские песни и перепели их все, какие только вспомнили из своего украинского школьного детства – она из Нежинского, а я из Луганского. Женя лежал рядом и маялся из-за прихватившего его радикулита, чем заслужил от нас песню «Ой, ты старый дидуга, изогнувся, як дуга».

С дождливой погодой много связано приятного. Еще в Луганске в школьные годы мы с подругами с удовольствием гуляли под дождем в клеенчатых плащах – так тогда одевались. Это же были бедные 1946-48 годы! А Зоя- жена брата – так рассказала о «своем» дожде:

Ну и что же? А я люблю дождь!
Вам не нравится? Ну и не надо.
А я люблю, влюблена без памяти
В эти шагающие рядом
Смешные, смешные капельки.
Неужели не нравится? А разве
Вы не видели, как отражается
В мокром асфальте праздник,
И улица ему улыбается.
Здорово все же – дождь!

Оказывается, и моя внучка Оля тоже полюбила дождь. Вот ее зарисовка из дневника:

Понедельник, 14 мая 2006 года. Оле 13 лет.

«Чай на столе. Пар от него медленно, лениво поднимается куда-то вверх, нехотя движется к форточке и выползает на улицу. Зря он так. Глупенький. Надеется от горячего чая попасть по привычке на холодную улицу, но не тут-то было. На улице-то 20 градусов! А он, по привычке. Да, эта привычка у него выработалась на протяжении очень долгого времени. Месяцев так, сейчас посчитаем: ноябрь, декабрь, январь, февраль, март, апрель... Наконец-то солнышко.

Вообще, в этом году с погодой у меня очень странные отношения. Я полюбила осень и снег. Стала ещё больше любить дождь, но научилась радоваться и солнышку, потому что с ним в этом году у неба какие-то ссоры постоянные. Я уж не знаю, из-за чего они ссорятся, но солнце часто обижается и в знак протеста уходит».

Наши две Оли – жена и дочь сына - в 2010 году побывали в Будапеште и Калининграде. Путешествия внучке так понравились, что она объявила: «Когда я стану взрослой, то буду мало есть, и буду тратить все деньги на

путешествия». Она вспоминает подробности поездки в Европу в то время, когда Москва задыхалась от жары и смога.

«...Выйти на улицу, а там... голова сразу кругом от ночной свежести и дождевой сырости. Побрести по пустому переулку, который освещается только фонарями и молниями. В темноте всё обезоруживается, теряет свои краски-маски, становится настоящим, искренним.

Не могла надыхаться, насмотреться, напиться... Любовь - это жадность, когда невозможно сказать «ну всё, хватит». А дождь - это моя боль и вроде бы пора бы уже привыкнуть, а всё никак не могу. Есть такой уровень красоты, когда в неё уже не веришь. Не могу наслаждаться ею одна, в голове сразу возникают люди, которые сейчас должны быть рядом, которые бы видели, чувствовали эту красоту так, как я. Надо будет мне научиться просто блокировать лишнее, потому что стыдно писать тем, кто сейчас в Москве, о всяких дождях и прохладе, когда там 35 градусов и дым.

Всё равно, что если бы одному голодному человеку из ста разрешили войти в комнату, переполненную едой, и наестся, он бы ел и всё равно думал о тех, которые голодные».

В нашей семье у каждого свои привязанности: дочь Маша любит бывать в Милане, в этом году отдыхала в Болгарии, зятю Эдгару нравится Гонконг и, вообще, Китай, где ему часто приходится бывать в командировках. А внучка Лена влюблена в Англию, уже была там несколько раз, что помогает ей углублять знания в английском языке. Посетила многие музеи и привезла мне диски для моего просвещения.

Ее приятель врач Александр Фокин побывал на Алтае (скорее, на его «окраине») в зимнее время, когда сопровождал молодежные лыжные сборные на соревнования в Хакасии. Он дал прочитать свой дневник об этой поездке, небольшие отрывки из него включаю сюда.

При этом мне интересно было вспоминать летний Алтай и сравнивать его с зимним. Саша рассказал не только о зиме в тех краях в ноябре 2010 года и лыжных соревнованиях, но и о жизни поселка, где разместились лыжники.

ВЕРШИНА ТЁИ

«ПЕРВЫЙ ДЕНЬ. 4,5 часа полета на комфортном Аэробусе А330, затем 3,5 "сонного" автобуса и я на отшибе цивилизации, по крайней мере, создается такое впечатление. Скорее всего из-за того, что поселок находится в низине и с четырех сторон окружен возвышенностями, хоть и называется сам Вершина Тёи.

Причем с одной стороны насыпана гора, вырытая из карьера, в котором добывают железную руду открытым способом. Собственно, это и есть градообразующее предприятие, точнее будет сказать поселкообразующее.

Живет здесь около 4000 человек. Здесь есть школа, детский сад, конечно, ДК, пивной бар, плавательный бассейн!!! музей и много магазинов,

располагающихся на одной подсвечиваемой фонарями улице, на которой стоят 4 и 5 этажные дома.

Улица эта центральная, и название ей - Советская! Местные говорят с характерным акцентом глубинки, из проезжающих машин слышится "Ветер с моря дул", цены на 90 процентов московские, что меня весьма удивило. Конечно, бодрости поселку придают лыжники, которых здесь может собратся до 800 человек. Без них и местной лыжной трассы здесь бы все умирало. А так люди живут, крутятся, сдают квартиры спортсменам, на улицах играют дети, жизнь идет своим чередом.

Ну и, конечно, воздух! По всей видимости, сильно обогащен кислородом, и я целый день хочу спать. Теперь немного о погоде. Вчера днем светило солнце, и было не меньше +10. Естественно, ни о каком снеге речи и не шло. Все спортсмены возмущались, потому что вместо лыж им предстояли кроссы и шаговая имитация.

ДЕНЬ 5-8-й. Долгожданный снег через день обернулся безостановочной метелью. Спортсмены радуются, как дети, можно понять их желание не бегать постоянные кроссы и, наконец, тренироваться.

15-й ДЕНЬ. ЭКВАТОР ПРОЙДЕН.

Погоду бросает из крайности в крайность, то идет снег по несколько дней подряд, то светит солнце. В один из таких солнечных дней я решил не упускать возможности и отправился на ту самую гору, о которой я писал. Поход оказался не из легких. Сказать, что гора большая, это не сказать ничего, она просто огромна, оно и понятно, карьер существует с 60-х, и производство ни разу не останавливалось.

Поселок оттуда, как на ладони, а вокруг неопишуемая красота, тот самый горно-таежный ландшафт. А с другой стороны горы подъезжают БелАЗы, бесконечно увеличивая ее размеры. Стоя наверху, меня посещала одна мысль, какой же глубины должен быть карьер, и что я просто обязан его увидеть.

16-18 –й ДЕНЬ.

Как выяснилось потом, проход на карьер был запрещен. Пообщавшись с охраной, я узнал о глубине карьера: 1300 метров – это же больше, чем две Останкинские башни, вместе взятые!!!

19-23 – й ДЕНЬ. О, СПОРТ, ТЫ-МИР!

Вершина Тёи не случайно выбрана местом проведения всероссийских соревнований – здесь расположена одна из четырех лыжных трасс России, имеющих международный сертификат. Также здесь идеальные условия для «вкатки» в сезон, большое количество снега, среднегорье (1200 – 1300 метров над уровнем моря) и средняя температура -10 градусов.

На соревнования приехала вся «верхушка» Федерации лыжных гонок России, включая президента – Елену Вяльбе. За один день стадион и прилегающие к нему территории чудесным образом превратились в первоклассную трассу длиной 1200 метров, с несколькими петлями, со спусками и подъемами.

К соревнованиям, как обычно, похолодало. В первый день была жуткая метель, такой здесь еще не было и, если честно, такое я видел только в кино или на экране телевизора. Складывалось впечатление, что я нахожусь на северном полюсе. Ветер дул с невероятной скоростью, так что снег летел исключительно параллельно земле.

Итак, Этап Кубка России, Этап Континентального Кубка, Открытый Кубок Республики Хакасия, Кубок Восточной Европы, и все это наши соревнования. Около 500 участников (где-то 350 мужчин и 150 женщин), совершенно разных возрастов, в том числе лыжники из национальной сборной, не попавшие на Этап Кубка Мира. Конкуренция весьма серьезная.

В результате соревнований - у нас золото в индивидуальной гонке мужчин на 10 км свободным стилем. Первое место показал спортсмен молодежной сборной команды России Плосконосов Дмитрий. И в индивидуальной гонке женщин на 10 км у нас полный триумф – 1 и 2 место с разницей 4 секунды. И кто бы вы думали взял кубок? - Медведева Полина! Думаю, что стоит запомнить это имя.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ. Поселок начинает пустеть, все-таки процентов пятьдесят прохожих на улице составляли лыжники. Погода решила немного побаловать, и за окном стабильно -5. На днях, впервые за целый месяц, шел крупный снег, причем без каких-либо признаков ветра, на улице было тепло и красиво. И вдруг я испытал давно забытые эмоции - ведь когда-то, будучи ребенком, я очень любил зиму, потому что в это время года можно валяться в снегу, играть в снежки, кататься с горки, а вокруг все может быть белоснежно сказочным.

К сожалению, Москва лишает нас этого, превращая сказку в грязное месиво из черного снега и химикатов. Да и самого снега не бывает так много, как в Сибири.

Вообще, находясь здесь, в окружении гор, лесов и сугробов ощущаешь мощную связь с природой, чувствуешь ее силу, а себя лишь маленькой частичкой глобального механизма, вернее организма, так как наша планета живая, думаю, с этим никто не будет спорить. А мегаполисы переносят нас в иной мир, мир индустриализма и новых технологий, разрывая эту тонкую связующую нить».

От себя добавлю, что в декабре 2010 года мы все услышали из новостей об этом поселке: Вершина Тёи так пострадала от сильных снегопадов в этом месяце, что пришлось эвакуировать часть населения поселка.

Мачу Пикчу, инки и...

В нашей семье частенько можно было услышать, как Женя нас призывал: «А давайте уедем в Мачу Пикчу!» Сначала я плохо знала, что это такое, потом прочла об этом чуде света и увидела по телевизору. Теперь,

когда смотрю на древние безмолвные храмы, пытаюсь представить тех, кто там жил. И нам непонятно, почему народ ушел, почему остались пустые храмы. Ученые находят ответы, но не окончательные. Например, есть такое фантастическое мнение о народе майя, что они просто ушли в другое измерение(!).

Вот и Мачу Пикчу («Старая вершина») тоже загадка. Этот город – «тайное святилище инков» – находится на высоте 2500м в Перуанских Кордильерах. Ученые удивляются – как инки достигли такого мастерства и построили каменный город в недоступном месте, от кого они получили астрономические знания, что видны в их строениях? И почему город был внезапно покинут людьми примерно в 1500 году, хотя прожили они в нем всего 70 лет?

Так вот куда нас Женя призывал уехать из загазованного химическими заводами Дзержинска!

О древней культуре инков, и вообще, об истории многих народов, досконально знает Наташа, с которой мы вместе слушаем музыкальные передачи. Вот о ней можно сказать, что она живет параллельно с древним миром, с теми же инками. И тем, что ее волнует в далеком древнем мире, ей хочется с кем-нибудь поделиться и с кем-то обсудить и, может быть, даже поспорить. По ее словам:

«Это даже не увлечение, а скорее «Фата-Моргана», что принадлежит только тебе. Для меня - это погибшие древние цивилизации, причем особенно, индейцев Южной Америки. Толчком к познанию стал «Кон-Тики» Тура Хейердала. А потом уже гипотеза американского ученого И. Великовского о глобальной всемирной катастрофе, которая изменила облик Земли и уничтожила цивилизации. Русский исследователь А.Горбовский проанализировал древние календари уцелевших народов и определил время этой катастрофы. Оказалось - 11,5 тысяч лет назад.

Я пытаюсь представить себе эту картину: столкновение Земли с космическим телом привело к изменению орбиты и наклона земной оси, а это, в свою очередь, - к чудовищным ураганам, цунами, извержениям вулканов по все Земле. Многочисленные цивилизации на всех материках погибли. Остались таинственные руины, легенды об исчезнувшем рае, «золотом веке». Ведь в результате катастрофы изменилась продолжительность суток и года. Возможно, миф об Атлантиде и есть отголосок о той планетарной катастрофе.

Цивилизация инков стала для меня своего рода «затравкой». Она не очень древняя – была уничтожена 500 лет назад испанцами- конкистадорами, а существовала всего 150-200 лет. Инки, точнее Инка – титул вождя замкнутой касты таинственного племени. Понятие «инки» перешло вначале на это племя, а потом на все население многонационального огромного государства.

Чистокровные инки по их легендам пришли в Америку из-за моря, а поскольку вступали в брак только внутри клана, сохранили уникальный

состав крови, не имеющий аналогов в мире. Это показали исследования их мумий уже в наше время.

Что притягивает к этой истории империи инков, так это ее громадные размеры (15 млн. кв.км), существовавший строй, почти коммунистический, и мощные каменные дороги, которые тянулись от Эквадора до юга Чили через реки и ущелья по хитроумным мостам.

А необыкновенный тоннель? Он начинается в пещерах горы инков Уаскаран, закрыт воротами высотой 8 м и толщиной 2,5 м, идет в сторону моря и, самое интересное – продолжается под водой на глубине 25 м. Заканчивается он под островом Гуанако.

«Строительный гений» инков поражает. Мачу-Пикчу, ставшая последним оплотом сопротивления инков – великая тайна инков, о которой знали единицы, и она ушла с ними. Европейцы узнали о Мачу-Пикчу только в 1911 году. Но... что меня волнует, так это то, что циклопические постройки Мачу-Пикчу, и основания инкских храмов в разных городах – Куско, Кито - им не принадлежат! Они старше построек инков времен расцвета их империи на 2500 лет! И резко отличаются от них.

А вот и еще обломки древней цивилизации, и опять циклопические блоки - это уже руины Тиауанако (Боливия) возле озера Титикака. Вот чудо! И Тиауанако, и озеро Титикака чудовищным катаклизмом заброшены в Анды на высоту 4000 м! Интригует храм Акапаны, построенный на искусственном холме, он окольцован системой наземных и подземных дренажных каналов, соединенных между собой.

В храме Каласасайя найден таинственный монумент – Врата Солнца из андезита. На одной стороне высечено изображение бога с крылатыми спутниками и ряд загадочных ниш, идеально обработанных. Каменными орудиями это сделать с андезитом просто невозможно. Согласно записям конкистадоров на исполинских статуях Тиауанако были литые серебряные украшения по полтонны весом. Кто это сделал? Ведь местные племена при этом жили в камышовых хижинах и ничего не знали ни о выплавке металлов, ни о руинах. Это говорит о существовании погибшей древней высокой цивилизации.

Но самое-самое, что поражает в Тиауанако, это высеченный на камне календарь. Там условные знаки для планет, Солнца, его движение и орбита движения Земли. По этому календарю год равнялся 290 дням. Что это значит? Следы всемирной катастрофы? Изменение наклона земной оси? Датировка построек Тиауанако очень разбросана – и 4,5 и 7,5 и 15 тысяч лет до н.э.! Считается, что в руинах накладываются следы нескольких цивилизаций. Каких? Мне очень хотелось бы это узнать. Вопросы, вопросы.

Моей «Фаты Морганы» хватит на много лет и не мне одной. Просто очень интересно наткнуться на тайны истории, хранить в голове и соединять этот калейдоскоп истории нашей планеты, которой в общем-то мы и не знаем».

Мы с Наташей задумались, а что будет с современной цивилизацией лет хотя бы через 300-500? И как нам тогда об этом узнать? Ведь это же интересно! И, смеясь, придумали, что придется просить наших потомков присылать нам записочки.

...И АТЛАНТИДА

Давно-давно, а именно в 50-х годах прошлого века, я увлеклась звездами. Муж скептически относился к этому. А я изучила созвездия, главные их звезды и пыталась вовлечь в это увлечение сына. В походах, на чистом воздухе, по сравнению с городом созвездия менялись на глазах. Звезды становились неузнаваемыми, очень крупными, и действовали на меня, как живые существа, особенно, когда отойдешь от костра в темноту.

Конечно, у меня не обошлось без кумиров. Вот они: из галактик моя любимая «Сомбреро» в созвездии Девы, из звезд – Алькор в Большой Медведице. Ну, галактику я, конечно, вижу только на снимках в книгах, а Алькор хорошо виден на небе простым глазом, хотя это звезда 5-й величины и по ней древние арабы определяли зрение.

Сейчас появился у меня другой интерес. Это Атлантида. Я ее воспринимаю, как точно существовавшую, а не как фантазию. И считаю, что она находилась именно в Средиземном море, а не где-то в Атлантическом океане, как предполагают некоторые исследователи. Конечно, я не занимаюсь настоящими поисками, скорее, это у меня романтическая мечта.

Сторонники разных гипотез стараются доказать свою правоту. Но поскольку глубоких знаний у меня нет, я просто заняла сторону Средиземного моря. Хотя бы потому, что ее сторонники считают, что больше всего совпадений с описанием Атлантиды Платона именно с островами Средиземного моря или с их остатками после природных катаклизмов.

К тому же древнегреческий философ Солон, от которого и тянется цепочка к Платону, услышал об Атлантиде от египетских жрецов. А это опять же район Средиземного моря.

Кстати, оказалось, что моя дзержинская подруга Ивета, которая сейчас живет в Израиле, уже несколько раз во время круиза по Средиземному морю посещала остров Санторин. То есть практически была на одной из сохранившихся частиц «моей» Атлантиды.

Смотрю об Атлантиде телевизионные передачи, которые, к сожалению, часто противоречат друг другу. Узнала, что Платон, поведавший нам о существовании Атлантиды, на ее описание потратил 40 тысяч слов. Произошло это где-то в 350 году до н.э.

Люблю иногда пофантазировать на эту тему, живо представить этот необычный, высокоразвитый народ. Смущает меня, что их история ведет не к реальному прошлому, а к мифическим героям, например, к Посейдону.

Сложная цепочка имен, по которым весть об Атлантиде докатилась от древнегреческого философа Солона до Платона, может подсказать, в каком

же родстве они находились. Напрямую, конечно, они не могли поговорить, так как их разделяет более 200 лет. Расставляю все имена по очереди, взятые из книг об Атлантиде, и пытаюсь докопаться до ответа, как в пасьянсе...

Наедине можно отключиться от всего и думать или об Атлантиде, или о Мачу Пикчу, или о Тиауанако, и так далее до бесконечности.

ТРАГЕДИЯ

Да, я считаю развал Советского Союза для себя трагедией. Может, это неправильно. Это просто парадокс. Мы же все знаем, что творилось в нашей бывшей России. И, несмотря на это: где моя страна, в которой я родилась, пережила войну, училась, работала, создала семью? Болела за нее и была патриотом. Что же теперь – отказаться от всего?! Наивно думаю, а можно ли было как-то по-другому сделать перестройку, чтоб не так травмировать людей, не раздирать их на части? По телевизору увидела и услышала, что директор музея изобразительных искусств И.А. Антонова испытывает аналогичные чувства.

Моя мама родом из казачьего хутора Луганской области, папины родители из белорусских деревень, я родилась на Украине, а после школы поступила в Менделеевский институт в Москве и таким образом уехала из СССР в РСФСР. Так и живу в России. Эти три страны я до сих пор мысленно воспринимаю, как одну, хотя на самом деле теперь это совсем далеко не так.

Часто возникают в памяти эпизоды школьной жизни в Луганске, любимые стихи Шевченко, украинские песни. И даже на всю жизнь запомнились некоторые стихи украинских советских поэтов, хотя и не великих. Почему-то помню эти строчки из Павла Тычины:

Дым-дымок од машин
Мов дивочи лита.
Не той тепер Миргород,
Хорол-ричка не та.

Понимаю, что в прошлом советском было много плохого, недостойного и т.д. Хотя бы история с лишением гражданства Ростроповича и Вишневской, изгнанием Солженицына и многое-многое другое. Но сколько бы не было положительного в современной России, все-таки, в ней слишком много противоречивого, почти все время происходят какие-нибудь трагические случаи в той или иной точке страны, а память старого человека действует по своим законам и невольно вспоминает, вспоминает...

И когда вспоминаешь былое, не думаешь о плохом, а думаешь о том, что люди любили свою страну, учились, работали, получали бесплатно квартиры, ездили отдыхать на море в Грузию или Крым, или ходили в походы, как мы, и защищали ее от врагов. Может быть, у меня это просто ностальгия по молодым годам. Не знаю. Но часто ловлю себя на том, что вспоминаю СССР. И гимн почему-то не поется с новыми словами.

Не могу забыть доброго и искреннего отношения узбеков к нам, эвакуированным, в кишлаке под Самаркандом, где прожили мы с мамой и ее сестрой с маленьким сыном с ноября 1941 до октября 1943 года. Они нас звали ласково: маму Мария-хон, тетю Ната-хон, меня Леля-хон. Вспоминаю Узбекистан, как сказочный уголок. Я там с другими школьниками летом работала в колхозе – собирали фрукты в садах и хлопок на полях. Няньчилась с маленьким двоюродным братиком Витей, теперь у него уже 35-летний сын Василий. Хотя, конечно, маме там приходилось тяжело, нужно было найти работу, содержать меня и думать все время о папе, который остался в партизанском отряде под Ворошиловградом (сейчас Луганск).

Мы эвакуировались из Ворошиловграда 12 октября 1941 года, в день, когда папе исполнился всего лишь 31 год. Мама знала, что он в случае оккупации будет в партизанском отряде, и жалела, что из-за меня не может остаться с ним в отряде. Оккупация Ворошиловграда немцами продолжалась с 17 июля 1942 года до 14 февраля 1943. И все это время мы от папы не имели вестей.

Когда пришло к нам в Самарканд первое письмо, то вместе с радостью, что папа жив, мы узнали печальную весть о гибели его младшего брата Виктора. Папа вложил в конверт маленькую его фотографию. Мама, когда увидела ее, стала громко плакать. Сбежались узбечки со всего кишлака, тоже плакали, кто-то из них с маленькими детьми на руках, и говорили – Мария-хон получила похоронку. Они думали, что погиб папа. Эта сцена до сих пор стоит у меня перед глазами.

О судьбе папиного партизанского отряда и о судьбе братьев Владимира и Виктора я рассказала в книге «Повесть о братьях Третьякевичих» (изд. газеты «Штерн» Екатеринбург, 1998). Там подробно описала, как папу разбирали на бюро обкома партии, и обо всех переживаниях, связанных с этим.

У отца осталось семь тетрадей записей о его работе и о партизанском отряде, об участии в нем младшего брата отца Виктора – будущего молодого гвардейца. Я их скомпоновала и с помощью Вайсберга издала под именем отца книгу «Семь тетрадей». Она показалась интересной для краснодонцев, поскольку папа подробно описывает 30-е годы жизни в Краснодаре, и меня попросили прислать лишний экземпляр.

Из-за разгрома отряда и гибели командира И.М. Яковенко, а также навета на брата Виктора отца сняли с поста секретаря горкома и направили в шахтерский городок Паркоммуну работать при угольном тресте.

Мне этот городок очень нравился. Весной он утопал в цветущих садах и сирени. Имелся большой клуб, куда мы со школьными подругами ходили в кино или на концерты. Там я увидела знаменитую «Серенаду солнечной долины» в далеком 1944 году, которая произвела на меня впечатление не столько музыкой, сколько невиданным до того времени виртуозным катанием на коньках.

Было и серьезное занятие – мы, школьники, ходили в госпиталь и выступали перед ранеными солдатами. Госпиталь был расположен в 3-или 4-

х-этажном здании новой школы, а для учебы на это время нам нашли другое - одноэтажное здание.

Главное, что произошло в Паркоммуне, это рождение моего брата Вити, названного так в честь Виктора – молодогвардейца. В 1945 году мы переехали в Ворошиловград, я пошла учиться в среднюю школу № 7, в которой в 1942 году в 10 классе учился Виктор. Почти через двадцать лет эту же школу закончил и мой брат Витя, а еще почти через такое же время его сын Миша.

Я любила с братом встречаться и беседовать, и вообще, любила быть в их семье. Он был интересный собеседник – большой знаток литературы, поэзии, интересовался разными направлениями в религии, изучал труды Н.Рериха и Е. Блаватской. Когда еще учился в институте Ленсовета, писал в институтскую газету юмористические рассказы.

Когда мы с мужем приезжали к ним в Луганск, то они, сидя на веранде или во дворе дома под деревом, могли часами играть в шахматы. Жена брата Зоя (Зоя Николаевна Третьякевич) – профессор медицинской академии, рисует, любит Пушкина, других поэтов, и сама пишет стихи.

Их сын Миша с женой Наташей тоже медики, а дочь Катя еще школьница. Мне кажется, что если бы я жила в Луганске, мы с Катей стали бы большими друзьями. Когда она была еще маленькой 3-4х летней, у нас с нею был очень хороший контакт.

Мне нравятся Зоины стихи, и глубокие по содержанию и в то же время лирические. Вот, например, эти:

Я столько раз бессмысленно смеюсь.
Я столько раз бессмысленно страдаю.
Я что-то делаю, куда-то тороплюсь
И от себя подальше убегая.
Мне думать трудно.
Слишком тяжело.
И плохо мне становится от мыслей.
И вновь морщины бороздят чело,
Как воздух осени - сорвавшиеся листья.
Куда идти? Кого мне надо видеть?
С кем надо быть, чтоб обрести себя.
Кого найти? Любить или ненавидеть?
И как любить, чтоб вдруг не потерять.
Я знаю, есть на свете где-то верность,
Я знаю, есть надежные друзья.
Какие рвы, какие злые стены
Меня от них способны отделять?

Я их достойна. Рвы я завалю.
Что стены мне! Их вдребезги сломаю...
И я опять бессмысленно смеюсь.
И я опять бессмысленно страдаю.

Не хватает мне и моей сестры Зины. Хотя она была двоюродной, но мы с детства воспитывались вместе в нашей семье, у нас были очень теплые отношения.

Как продолжение темы Советского Союза звучит этот рассказ члена нашей дзержинской команды Людмилы Васильевны Ступень, которая приехала в Дзержинск из Харькова. Мы работали в одном институте, она кандидат химических наук и Почетный химик СССР.

ПРОСТО МАРИЯ

Мир не видел, как давно это было! Мир не видел – это любимая присказка моей задушевной подружки. Бытует мнение, что настоящими большими друзьями в зрелом возрасте не становятся. Наверное, я то самое исключение из правил. Судьба совсем вдруг подарила мне загадочную подружку – *duverni pritele* – друга, чешку по национальности. Вот как это было.

В прошлом веке (!) на исходе 1967 года министерство химической промышленности отправило от нашего НИИ делегацию на конференцию по полимерной тематике по линии СЭВа. Существовал тогда такой Совет Экономической Взаимопомощи между государствами социалистического лагеря. Конференция состоялась в Польше в Закопане, чудном местечке – совсем рядом Татры, за ними Чехословакия.

Добирались мы до места с приключениями. Не помню почему самолет приземлился в Праге. Поздним вечером мы оказались в помпезной гостинице на Вацлавской площади. Нас было четверо – трое мужчин и я (руководитель Р.Я. Хвиливицкий). В Праге я запомнила завтрак, и отдельный, наверное, не очень дешевый, номер, и внушительный памятник на площади.

К началу конференции мы крепко опаздывали, видимо, поэтому в Кракове нас не встречали. Б. П. Штаркман за умеренную плату, что немаловажно, нашел неприглядное авто (Борис Петрович, по-моему, говорит на любом языке, он и с китайцем бы сговорился) и мы благополучно прибыли в Закопане.

Мужчин быстро разместили, а меня все не могли пристроить, отдельного номера не было. Пошли узнавать, кто меня примет в соседки. В том совещании участвовали ЧССР, ГДР и Польша. Поселить могли к немке или чешке. Немка сказала категорическое нет, чешка согласилась с явным неудовольствием, (она на эту конференцию очень не хотела ехать!) Поздоровалась и ушла. Вернулась совсем поздно, хмурая, неприветливая, а я возьми и скажи: «уже хотела в розыск подавать о пропаже представителя чешской делегации». И я вижу, как она совершенно откровенно была удивлена.

Кто знает, как возникает симпатия к совершенно незнакомому человеку? Позже Мария призналась, что именно тот простой вежливый интерес к ее персоне произвел на нее впечатление: никто никогда не спрашивал, где она задержалась, тем более, что ее еще и разыскивать будут. Когда я поближе ее узнала, поняла, почему была у нее такая реакция. В ее личной жизни было не одно предательство, и она закрылась от всех. Все ее тогдашнее окружение знало ее, как жесткого несговорчивого руководителя, а близкие, уважая ее независимость, в душу не лезли.

Как-то после очередного заседания Мария попросила меня сходить с нею на небольшой рыночек, при этом сказала, что разрешение на мою прогулку получила у нашего руководителя. Я про себя подумала – значит, она знала, что общение с иностранцами в частном порядке в СССР тогда не приветствовалось. А когда потом у нас с нею завязалась переписка, я поставила об этом в известность начальника 1 –го отдела института(!).

Заключительным этапом нашей конференции был отчет о работе. Каждая делегация составляла свой. А общий в СЭВ представляла Мария, как руководитель от СЭВа. По существу с точки зрения дела, эта конференция, по-моему, была абсолютно пустым мероприятием. Но для меня это было короткое приятное знакомство с еще одной страной за государственный счет (до этого была Англия).

Именно в Польше я увидела «частные лавочки». С помощью Бориса Петровича купила несколько милых небольших сувениров, все они целы и мне дороги. Увезла и кулинарные впечатления: на завтрак часто предлагали разные вкусные творожные паштеты, которые прочно вошли в мой быт. А еще нас угостили бифштеком из сырого мяса. Если б не сказали, что из сырого, не догадалась бы, очень вкусно.

Итак, об отчете. Прочитать отчет, написанный Хвиливицким, Мария не могла из-за почерка. Работали тогда без компьютера и даже без пишущей машинки. Вот тут я очень пригодилась: перевела с русского на русский. В процессе работы мы поняли, что легко общаемся, юмор на подхвате. Никакого трепета перед ней, как перед большой международной начальницей, у меня не было. Потом она говорила, что моя естественность в общении вызывала у нее *ripustek usta* – прибавочное уважение. Одним словом, расставались мы уже хорошими приятельницами.

Отчет нашей делегации отвезти в министерство поручили мне. Выхожу из министерства и вижу у подъезда знакомую белую «Шкоду» и Марию за рулем. Потом эта «Шкода» называлась у нас «Антилопой». Она иногда взбрыкивалась, отказывалась ехать, гаишники очень вежливо помогали просто потому, что номер машины был международный.

Мое изумление было так откровенно, что Мария расхохоталась, предложила вместе пообедать, и мы поехали в «Украину». Обедали долго, с красным вином и перешли на «ты».

Мария рассказала о себе – живет и работает в Москве уже больше двух лет. Это длительная командировка от промышленного отдела правительства ЧССР. За плечами у нее разные командные должности на химзаводах и пуски

новых производств, не всегда удачные: однажды искупалась в бензоле и легкие это запомнили на всю жизнь

Партия и правительство посылали ее, что называется, на прорыв и все время в роли ответственного руководителя. Пришлось даже отвечать за реактивы для бальзамирования тела президента Готвальда. (Между прочим, одно время и я занималась разработкой перекисных соединений для исследования в процессах бальзамирования в московском Мавзолее). Бросали и в разные международные военно-патриотические организации.

Кстати, когда она вернулась в ЧССР, ей поручали работу в разных организациях чехословацко-советской дружбы. Я ей покупала несметное количество пионерских галстуков, мелкой хохломы, матрешек. Все это она использовала в своих придумках, и это были всегда самые *authenticky* значимые сувениры из СССР, чем она очень гордилась.

Коммунисткой она была фанатичной. Однажды призналась, что и вообразить не могла, что самой задушевной подругой у нее может быть беспартийная личность!

Во время немецкой оккупации она была арестована, как ярая активная коммунистка. Два года просидела в тюрьме. Сказала мне: не спрашивай об этом времени, было очень страшно. Вышла оттуда прожженной курильщицей. И я ей в этой пагубной привычке помогала в том смысле, что блоками дарила наши сигареты «Столичные».

Читала она, в основном, детективы, «Правду» и «*Pude pravo*». Я привезла Солженицына «Один день Ивана Денисовича», только-только напечатанного у нас в «Новом мире». Журнал вернула быстро, сказала, что ее тюрьма была страшнее, чем у Ивана Денисовича. Освободили ее из тюрьмы в мае 1945 года наши войска. Месяц май стал для нее святым временем года, праздником номер один.

В Москве в мае мы часто уезжали на Ленинские горы к цветущим яблоням – тепло тех дней осталось на диапозитивах, а первый наш совместный праздник это 50 лет Великого октября, и это был первый мой визит к Марии в двухкомнатную квартиру на Донской улице.

Мы гуляли по Красной Площади, еще не вымытой после парада, и мама Марии удивлялась, почему здесь остались следы лошадей. Вечером смотрели салют и хорошо продрогли. Согрелись глинтвейном: бехеревка, кагор, коньяк, гвоздика, корица, лимон – и что называется – «взор туманится слегка».

Для Марии это был последний праздник в честь Октябрьской Революции, в идеи которой она искренне верила. А последний – потому что впереди был август 1968 года.

В тот вечер было все замечательно. Мария спрашивала добровольно ли ходят у нас люди на демонстрации. «Добровольно-принудительно» - говорю. «Это как?» - спрашивает. «Такие, как я, - добровольно, а коммунисты – добровольно-принудительно». «Мир не видел! Этот трудный русский язык!» Надо сказать, что я, как правило, старалась оправдать, защитить наши

порядки. На что Мария каждый раз говорила, что я ее чешским товарищам коммунистам дам сто очков вперед.

Когда началась наша регулярная многолетняя переписка, я для точности в скобках давала чешский эквивалент. Чешско-русский и русско-чешский словари служили верой и правдой. Вспоминаю еще одну ситуацию, связанную и с языком и со шпионскими, как я в шутку говорила, чертами характера подруги. В Третьяковке была выставка, на которую очень хотелось попасть, а очереди в галерею были многочасовые. Однако, иностранцам была привилегия. Мария решила подкорректировать мой внешний вид, чтобы этой привилегией воспользоваться.

Элегантный светло-серый брючный костюм и парик вполне меня преобразили. Глядя в зеркало, я сказала: ничего себе! «Но это же все твое» - обиделась Мария. Я-то имела в виду внешний вид, а она, что это мне не принадлежит. В словаре я нашла: неплохо – *romerne dobre*. С тех пор брюки прочно вошли в мой гардероб.

Приснопамятный 1968 год я встречала в компании чехов. Попробовала ту самую сливовицу и те самые кнедлики. На мой вкус – чистая отравка. Развеселила чехов вкусовыми эмоциями и поудивляла рассказом о наших встречах Нового года. «Пани докторша, *tres bien*, ты была *sama sebou*, не делала профессорские губы» – оценила мое поведение Мария.

Пани докторша – это без тени иронии. Так она обозначала мое высокое образование, когда представляла своим знакомым. С большим почтением относилась к званиям и наградам. В ее визитке было обозначено: *Ing. Marie Pavlikova*. Это означало, что она инженер высшей квалификации, это как звание. Даже в почтовом адресе следовало писать именно так. Вот так хорошо начинался 1968 год, с анекдотами на чешском и русском, непривычно, но весело и приятно.

А потом случился драматический август-68... Наши танки вошли в Чехословакию! Нам (и всему миру) объясняли: «Защитить социализм в стране от контрреволюции, предпринятой империалистическими силами». В сентябре вышла в свет так называемая Белая книга – «К событиям в Чехословакии», - составленная пресс-группой советских журналистов. У меня есть первый выпуск этой книжки.

Для меня случившееся было расстрелом нашей только что зародившейся дружбы. У Марии 6 сентября день рождения, тот год был юбилейным – пятидесятым. Я поехала поздравить и, как я думала, проститься. «Мир не видел! При чем здесь ты! Я не хотела ехать в Закопане, а боги олимпийские сделали мне такой подарок – обыкновенную человеческую дружбу! Не за должность, не за услуги, не за выгоду! И что? Я должна им это отдать?» И она сделала фигуру из трех пальцев. Все это она выпалила на чешском. Когда она сердилась или, наоборот, что-то ее радовало, она сначала выговаривалась на родном языке.

Как трудно переживала августовские события коммунист-фанатик, я видела собственными глазами. В ее СЭВ-овской делегации шли бесконечные собрания. Я поняла, что на нее давит высшее начальство, требуя одобрения

случившегося. Мария была партийным секретарем. Последнее собрание закончилось освобождением ее от этой должности. Давление не убедило ее согласиться с необходимостью «танкового удара» (как она говорила).

Однажды в эти трудные дни она попросила прочитать ей русскую сказку. Ничего подходящего у меня не было, а в это время по радио Бабанова читала «Маленького принца» Экзюпери. Я подумала, что эта французская сказка будет к месту. Достала книгу, начала читать..., а Мария плакать. Спустя много времени, она призналась, что тогда ничего не понимала, просто слушала слова, голос, интонацию, и это было то, что надо.

В мае 1970 года произошла ротация чешского представительства в СЭВе и Мария уехала на родину. Началась наша регулярная переписка. Она работала, оставалась членом КПЧ, была в командировках в Москве. Привозила молодежные группы спортсменов или общественников по линии Советско-Чехословацкой дружбы. Мы подгадывали отпуск в одно и то же время, отдыхали на Пицунде, в Литве, Харькове.

В Вильнюсе экстра-гидом была моя кузина, Мария была в восторге от ее гидовских способностей. Мечта побывать в Прибалтике осуществилась, а вот побывать в Сибири сбыться не могла – иностранцев туда не пускали. Когда я с друзьями путешествовала по Красноярскому краю, по Енисею, отправляла ей по почте «горячие» впечатления. Она потом писала, что они были такими эмоциональными, будто ей кино про кусочек неведомой земли показали.

В Харькове она снимала последний школьный звонок моего племянника и в школах в Острове рассказывала, как в СССР прощаются со школой. Мои сестры по этому случаю приготовили праздничный обед, гвоздем которого был настоящий украинский борщ. Но на Марию он произвел такое же впечатление, как на меня картофельные кнедлики с сахаром!

Еще была памятная поездка в музей Армии генерала Л.Свободы. Это под Харьковом, Прохоровка. Эта армия вместе с нашими войсками защищала подступы к Харькову. Нас пропустили бесплатно, когда узнали, что Мария из ЧССР. Мария попросила ее оставить одну, и пошла по указателям экскурсии. Она лично знала Л.Свободу (в 1968 году он был президентом страны) и многих из его окружения. Вернулась измученная какая-то, только и сказала «спасибо».

Потом из писем я поняла зачем ей обязательно надо было попасть в этот музей. Несколько лет после августа-68 в стране шли чистки среди коммунистов. Мария попала в эту чистку, она так и не приняла ту танковую защиту социализма и ее исключили из партии. Потом в 80-е годы началась выборочная реабилитация исключенных, но она «в эту игру уже не играла». Вся ее жизнь под лозунгом коммунизма, чехи в войне на стороне СССР, внезапно танки СССР в ее стране – как это все совместить?!

Встреча в Харькове была последней, это был 1985 год. Каждый раз расставаясь, она обязательно пропевала: «A ya se vratim, vratim se zas byt

sedum more delilo nas... «Я вернусь, даже если семь морей между нами...» Это был ее талисман на новую встречу – и он много раз работал...

Когда началась горбачевская перестройка, мы попробовали воспользоваться демократическими изменениями в Союзе, и она прислала мне приглашение. Очень ей хотелось похвастаться розарием у дома, который она сама вырастила. Была как-то в Донбассе и поразилась количеством и красотой роз в этом угольном районе. Острада такая же дымная и пыльная. И похвастаться березкой, которую посадила как символ нашей дружбы. Расписала мне всю дорогу до Острова по часам и по станциям и по трамвайным остановкам, и что сказать по-чешски кондуктору или таксисту. Я все выучила назубок.

Но мне без объяснений сказали – нет. А когда у нас произошла «заварушка» и распался СССР, повторять приглашение было бессмысленно – ехать было не на что, хотя Мария и пыталась мне помочь, присылая понемногу валюту в письмах, пока очередное письмо не распотрошили.

Слушая и читая всякие политические новости, часто вспоминаю, как она в то время, когда друг за другом уходили наши генсеки, говорила, что «что-то не то в вашем государстве». А когда в январе 1991 года расстреливали людей в Вильнюсе, сказала – «вы потеряли Прибалтику. При такой политике узнаете, что такое гражданская война». Много чего случилось в стране, о чем Мария говорила, как о возможном.

Вот какую подругу подарила мне судьба, мир не видел, как быстро пролетели без малого тридцать лет нашей дружбы. В последних письмах мы все чаще говорили друг другу: а помнишь? Писала мне, что все, что связывало ее с Советским Союзом, ассоциируется у нее с музыкой «Болеро» Равеля. Такая неожиданная ассоциация. Вместе эту музыку мы ни разу не слушали.

В декабре 1995 года ее не стало. Ahoj, Marie!

За окошком 2011 год. Я смотрю в зеркало и думаю: ничего себе! Но с интерпретацией по Павликовой. Она любила японские хокку, некоторые знала наизусть. Вот одно очень к месту.

Zrcadlo jasne!

Ясное зеркало! -

Ostry v nem obraz,

В нем холодное бесстрастное отражение:

Studenym svetlem rysovan:

Кто тот, кого я вижу напротив,

Ten, jenz vidim stat proti sobe, Та старая незнакомая особа?

Kdo je ten stary, neznamy pan?

УЧИТЕЛЬ

Далекий 1948 год, сентябрь. Я поступила в Менделеевский институт в Москве и живу в общежитии в Головановском переулке. Я уже не раз рассказывала об этом эпизоде: моя школьная подруга Оксана Изакова в письме из Ворошиловграда попросила послать другу их семьи Эйхлеру пачку

писчей бумаги в Караганду, где он находился в ссылке, как немец по отцу. Я это сделала, и получила от него ответ. Так завязалась наша переписка, которая продолжалась 4 года, до его смерти в феврале 1953 года.

Его ученик, а мой издатель, Борис Вайсберг, много писал о своем учителе, при этом познакомился с его архивом. Там он увидел и мои письма Эйхлеру, два из них показал мне. Наверное, приведу их здесь (с сокращениями), из них виден дух того времени. Одно из самых первых моих писем от 25 ноября 1948 года:

«А я до сих пор не верю, что с Вами переписываюсь...»

«Генрих Леопольдович, здравствуйте!

Живу я в студенческом общежитии на Всехсвятском студгородке (одна из конечных станций метро - «Сокол»). В комнате три человека. Две другие девочки тоже с первого курса, только из другой группы. Одной из них, Нине, уже 25 лет, она участница войны. Другая, Клава, такая, как я. Мы живем дружно, никогда не мешаем друг другу.

Знаете, Генрих Леопольдович, чего мне не достает сейчас? Режима дня. Правильного режима. Но его, к сожалению, просто невозможно выработать. Раньше 2-х часов еще не ложилась спать. А как Вы? Меня просто ужас охватывает, как подумаю, что Вы почти не спите. Ведь это необходимо!

Правда, ночи быстро, быстро идут. Я это знаю, потому что когда училась в 10 классе, много ночей не спала. Но зато после 10-го класса выпалась, а Вы нет. Но как действительно по-иному поступать, если нужно делать что-то, а времени не хватает. Тут ночь на выручку и приходит. Разве будешь думать о режиме? Вот эта проблема для меня неразрешима...

А почему вдруг около Вас степи? Вы живете на окраине города или он такой маленький? Я считала Караганду большим городом...

Значит, Вы тоже не любите оперетту. А то на меня тут пальцем показывают, когда слышат такое. Кстати, еще перед праздником слушала «Кармен» в Большом. Я очень люблю вступление к 4 акту. Сейчас вспоминаю эту музыку, и мне хочется ее Вам написать. Странно, но я музыкальные звуки представляю не нотами, а какими-то разноцветными полосками. А человеческие голоса – разноцветными реками. И не смогу вспомнить мелодию, если не вспомню полоски или «реки».

Вот, например, у Козловского – река светло-серая с гладкой – гладкой поверхностью. В некоторых местах блестит, как зеркало. У Лемешева – темнее, чем у Козловского, но уже поверхность не ровная, а небольшими волнами. У Пирогова – бурная река с большими впадинами, черная, а у Михайлова впадины меньше. Но внутри какие-то шероховатости. Колоратурное сопрано я воображаю малиновым ручейком, а лирическое – оранжевым.

...Генрих Леопольдович, а я до сих пор не верю, что с Вами переписываюсь...

Уже посмотрела фильм «Повесть о настоящем человеке». Мне понравился. Сейчас читаю «Мы советские люди». Эту книгу я часто видела в магазинах в Москве, а когда собралась купить ее, нигде не нашла. И «Бури» не нашла, хотя она бывает. Я хотела Вам ее послать, но сейчас ее нет. Так жалко!

Я уже выполнила одну общественную работу в институте – выпустила с помощью группы фотомонтаж «День нашей страны», а теперь мне вдруг такое поручение – быть пионервожатой в 6 классе мужской школы. Не знаю, где найду время.

Жду с нетерпением Ваших писем. Леля».

Из другого письма от 12 декабря 1948 года.

«...Сегодня иду домой и вдруг передо мной афиша и написано большими красными буквами: Борис Годунов. Это значит, что, наконец, возобновилась постановка этой оперы в Большом театре и в такое неудобное время, когда и не думаешь о театре. Такая досада!

А как Вы живете, Генрих Леопольдович? Напишите, как идут занятия в Вашей школе, какие у Вас ученики и еще что-нибудь. Я так скучаю по школе, что просто не могу. Плохо, все-таки, что больше никогда не буду писать сочинений, диктантов по русской литературе и языку...»

«Жду ваших писем...»

У Бориса Вайсберга возникла идея, чтоб я попробовала написать письмо Генриху сейчас, в наше время. Он говорит: «Для нас с Самариной Генрих настолько живой, что не составляет труда с ним переписываться, хотя как будто бы это и не отдает чем-то потусторонним». Вот что из этого получилось:

«Здравствуйте, дорогой Генрих Леопольдович!

Прошло уже более 60 лет после того, как я написала Вам свое первое письмо – в 1948 году. Думала тогда, что оно будет и последним, познакомились – и все. Так случайно возникла наша переписка, которая, однако, длилась более 4 лет. Она оказалась довольно серьезной в моей жизни. Сколько писем я вам написала – не знаю, а Вы – более ста, а может и двухсот. Сохранилось только 21 письмо за 1952 год.

Мы с Вами так тогда и не встретились, а теперь нас разделяет бесконечное ВРЕМЯ. И хотя прошло уже столько лет, я вспоминаю те годы, как очень дорогие и радостные. Какие же наивные письма я Вам писала! И какими же своими глупостями Вас нагружала! А Вы старались мне помочь в моих путаницах, тратили свое время, которого у Вас было очень мало.

Знаете, Генрих Леопольдович, мы и сейчас с Вами связаны. Помните, Вы составили список своих лучших школьных учеников выпуска 1950/51

годов, среди которых был и Борис Вайсберг? Он стал писателем и издателем, написал несколько книг о своем учителе – о Вас. Прочитав одну из них, я его разыскала. И теперь нас связывает общая любовь к Вам – нашему любимому учителю. Ведь для меня Вы тоже были настоящим учителем в моих мировоззрениях.

И не только это нас с Борисом связывает. А еще и история «Молодой гвардии» Краснодона. Я не решилась в те далекие годы рассказать, что комиссаром был не Олег Кошевой, а мой дядя, младший брат отца, Виктор Иосифович Третьякевич. Он был жестоко оклеветан и на целых 16 лет вычеркнут из списков молодогвардейцев.

Когда Борис Вайсберг узнал об этой странице моей биографии, то стал активно уговаривать написать книгу о Викторе. Так под влиянием Бориса я сумела издать уже несколько автобиографических книг. В них я освещаю и новые рассекреченные материалы по этой организации.

Жаль, что Вы не познакомились с ними. И вообще с нашим временем – жизнью в 21 веке. Наверное, трудно было бы Вам отказаться от того же марксизма-ленинизма, конспектирование которого в институте так меня угнетало, судя по моим письмам Вам. (Эти письма Борис Вайсберг нашел в Ваших бумагах и переслал мне).

Хочется напомнить строки из моего письма от 12.12. 1948 г, где я Вам жалуясь: «В прошедшую ночь я законспектировала половину книги Ленина «Две тактики в социал-демократии...» В эту ночь буду кончать. Хотя Ленин называет ее брошюрой, для меня она показалась ночью громадной книгой. А тут еще потерялась моя тетрадка, в которой законспектировано «Что делать». Если не будет всех конспектов по трудам классиков марксизма, то не допустят к зачетам и, следовательно, экзаменам. Все это значит исключение из института».

Теперь студенты могут не изучать этот, так и непонятый мною, марксизм-ленинизм.

Генрих Леопольдович, Вы ведь не знаете, что в честь Вас я назвала своего сына Андреем. Я помню, что Вас так звала Ваша жена Нина Федоровна и близкие друзья. Еще до замужества я решила, что если у меня будет сын, назову его в Вашу честь Андреем. Это и произошло 7 апреля 1956 года.

Через молодогвардейца Василия Левашова я познакомилась с библиографом юношеской библиотеки города Пскова Наташей Бухвал. Она заинтересовалась Вами, как человеком, имеющим отношение к литературе и знавшим многих известных писателей.

Она специально посетила музей Паустовского в Кузьминках, чтоб ближе познакомиться с Вами. (Я тоже там была, увидела Вашу фотографию, которая есть и у меня). Я решила Ваш портрет подарить Наташе, чтоб она его поместила в библиотеке поближе к книгам, к изданию многих из них, наверное, Вы тоже имели отношение.

Генрих Леопольдович, Вы не думайте, что мы Вас забыли. Нет, мы Вас помним всегда, и я думаю, что вы это чувствуете, несмотря на большое

расстояние между нами. Борис Вайсберг много о Вас писал и пишет сейчас. Вместе с ним мы вспоминаем Вас, даже написали вместе книгу о Вас «Звезда Алькор». Помните, как мы с Вами одновременно в один день и час смотрели на эту звезду? Вы для нас такая звезда!

И мы беседуем с Вами за круглым столом, за которым много Ваших друзей. Это и Ваш ученик из спецпоселенческого поселка Юрий Ковалевский, и Борис Вайсберг, и мы с Оксаной, и любимая Ваша поселковая ученица Эльга Нейшефер, и новые друзья – Наташа Бухвал, Александр Павлов, Ирина Иоффе, Надежда Яньшина.

Наедине мне часто хочется с Вами поговорить, вспомнить наши письма и чувства, которые там звучали. От этого на душе становится тепло и трепетно. А сейчас хочется написать так, как я писала когда-то Вам в конце своих писем: «Жду с нетерпением Ваших писем».

Леля Третьякевич (Самарина Елена Михайловна) 3 апреля 2009 г.

Мы так и не встретились

Мое «виртуальное» письмо благодаря Вайсбергу не осталось без ответа. Как он говорит, «Генрих не оставлял ни одного письма без ответа. На иные отвечал двумя, даже тремя письмами – вдогон, вдогон. Леле Третьякевич он написал около сотни писем. Не ответить на ее новое письмо он просто не мог»:

Дорогая Леля! Дорогой мой друг!

Ты пишешь, что ждешь моих писем. Я попробую тебе ответить. Хотя со временем делать это мне стало, как ты понимаешь, труднее. Прекрасной неожиданностью для меня было узнать, что своего сына ты назвала в честь меня - моим домашним именем Андрей. Несколько лет не дотянул я до того, чтобы тогда же, в 1956 году, об этом узнать.

Как ты знаешь, у нас с Ниной не было детей, о чем мы часто горевали. Твоего сына я могу считать в каком-то смысле и своим. Спасибо тебе, дорогая Леля, за такой поистине царский подарок.

Насчет того, что комиссаром «Молодой гвардии» был не Олег Кошевой, а твой дядя Виктор Третьякевич, я уже знаю. С трудом, но принял я это изменение. Фадеев, конечно, писал не историю организации, а роман. Но он должен был знать, что любая неточность может привести к печальным последствиям.

Я помню Фадеева по 30-м годам, когда мы начинали «Детиздат». Александр Александрович уже тогда был большой любитель выпить. И идти к нему с нашими проблемами было бесполезно. Он выслушает, потом пойдет с приятелями в ресторан, выпьет и все забудет.

Мы ведь с ним одноклассники, с Фадеевым. И знал я, как закончится его жизнь. Отчасти и из-за того, что напутал в романе «Молодая гвардия».

Я рад, Леля, что ты написала несколько книг. Хотя по твоим письмам 40-50-х годов я бы не предположил, что у тебя был литературный талант. У

Вайсберга я заметил, он лихо писал сочинения. И я очень доволен, что Борис был принят в Союз писателей. Как он писал в одной из своих книг: нас с ним приняли вместе, т.к. половина его книг - это мои записки.

Хорошо стал писать Юрий Ковалевский, у него уже несколько книг. И Борис предложил ему вступить в Союз писателей. Это было бы прекрасно – два моих ученика стали профессиональными писателями!

Насчет марксизма-ленинизма даже не знаю, что сказать. Сложный вопрос. Мы с Борисом Вайсбергом немало говорили на эту тему. Я Ленина видел, слушал, вырвался из Екатеринбурга, где жил в 20-х годах, на его похороны в Москву...

Ты пишешь, как разыскала Вайсберга – через его книги. Я помню, что нашла ты его с помощью Льва Разгона, который переписывался с Борисом. А Разгон работал у нас в Детгиздате, был так называемым политредактором. Я его хорошо помню. В 1938 году его арестовали и сослали в лагерь, я так и не знаю, за что.

Многих в те годы арестовывали, ссылали, расстреливали. Как я писал любимому моему поэту Николаю Тихонову, когда терялись наши письма: «Что письма! У нас многое другое пропадает...» Я не мог тогда прямо сказать, что пропадают люди. Но Николай Семенович понял. И, к слову, не смог он помочь мне в моем положении. Я тоже для него пропал. На мои письма он не отвечал. Не мог он, да и не очень старался выволить меня из ссылки. Кроме меня в ссылках находились тысячи людей, может быть, более достойных, чем я.

Вот пока и все на этом. Устал я писать, сама понимаешь. Мы так и не встретились с тобой, о чем оба мечтали. Встречались лишь через звезду Алькор, на которую смотрели в одно и то же время. Звезда эта как светила в наше время шесть десятков лет назад, так и светит до сих пор. И будет светить вечно.

Обнимаю! Генрих, 2009.

Вместо справки

Из газеты «Казахстанская правда» от 22 ноября 1987 года.

«Шестнадцатилетним он сражался за революцию, прошел фронтами гражданской войны. Рядом с Н.К. Крупской работал в Наркомпроссе, затем по ее совету связал свою судьбу с советской детской литературой и был одним из ее основателей, оставаясь вплоть до начала войны главным редактором Детгиза. Последние 12 лет жизни он учительствовал под Карагандой. Несправедливо репрессированный, он мужественно, не сломавшись, переносил ссылку.

Инженер из Свердловска Б.Вайсберг приоткрывает некоторые страницы домашнего архива Генриха Леопольдовича. Бесценное наследие пребывало в неизвестности более 40 лет и теперь предоставлено для

публикации женой Эйхлера, врачом Ниной Федоровной Ходня, живущей в Караганде. В воспоминаниях Эйхлера имена А.Н.Толстого, А.М. Горького, К.И. Чуковского, К.Г.Паустовского, А.С. Макаренко, Б.М. Эйхельбаума – людей, с которыми Эйхлер был связан общими интересами...»

Вот с каким человеком меня свела судьба больше, чем на 4 года!

Следопыт

Борис Вайсберг в 1983 году ездил в Москву, где, по его словам, «шел по следам Генриха». Он написал о своей поездке жене Генриха Нине Федоровне, и получил ответное письмо:

«Дорогой Борис Семенович!

...Ваш отчет меня изумил и восхитил находчивостью и пробивной силой. Вы действительно следопыт в самом лучшем смысле. И Вам сопутствует удача. Меня покорила фраза в начале Вашего письма, что я фактически спасла Генриха, не оставила его и т.д. А разве могло быть иначе? Для меня он, как и я для него, был самым родным человеком и потому считать то, что его не оставила, за подвиг, безнравственно. Его уход унес половину моей жизни...

Меня очень взволновал Ваш визит на Малый Демидовский пер. За все годы после нашего изгнания из Москвы я была в этом переулке лишь один раз в 1972 г., через почти тридцать лет. Но мне было страшно войти в подъезд, а не только в нашу бывшую квартиру...»

Борис Семенович вспоминает об этом случае: «Да, в доме на Малом Демидовском переулке, где жили Эйхлеры, я был. Хотел даже зайти в их квартиру, но она была заперта. В соседней квартире на лестничной площадке делал ремонт человек, с которым я поговорил. Его тоже звали Генрих, и он, мальчиком, помнил, как к «дяде Генриху» приходили гости: художники Кукрыниксы, писатель Чуковский, знаменитый Семашко.

Михаил Булатов, известный до войны фольклорист, друг семьи Эйхлеров, старался вызволить друзей из ссылки. Не получилось. Что Булатов! Не смогли этого сделать те же Кукрыниксы, Маршак, Михалков, подписавшие письмо Молотову».

А я тоже в 2000 году разыскала этот переулок и дом. И просто постояла возле него, хотела войти в подъезд, но двери все уже были на замках, как везде сейчас в любом городе. Удивился бы Генрих современным порядкам!

Новые друзья

Библиограф из Пскова Наталья Бухвал тоже увлеклась личностью Эйхлера, познакомилась с его дневниками, и написала о нем статью в «Учительскую газету». Она пишет, что ей стало все дорого, что связано с именем Эйхлера: «Я вижу его маленький подвиг в силе духа, победе воли над отчаянием. Бывает, жалею, что разминулась с ним во времени...»

Меня с Наташей Бухвал в 2002 году познакомил молодогвардеец Василий Левашов, с которым она встречалась, когда училась в Петербурге и, как я уже упоминала, написала о нем книгу. А мы с ним были знакомы с 1935-36 года, когда он в Краснодоне приходил к своему школьному другу - моему дяде Виктору, а я крутилась у них под ногами.

Активно мы сотрудничаем с Александром Павловичем Стасюком из Ростова-на-Дону. Он мне рассказывает о работе музея «Молодой гвардии» в школе №32, где есть много материала о молодогвардейцах Краснодона.

Знакомство с Борисом Вайсбергом дало путь к общению с новыми интересными людьми. Я рада, что благодаря этому, познакомилась с Надеждой Ильиничной Яньшиной из Новокуйбышевска и ее творчеством – прозой и стихами. Хотя мы редко переписываемся, но я жду ее писем - в них всегда есть интересная изюминка! Считаю, что ее стихи и проза достойны высоких сравнений. Мне нравится ее лирика, многие стихи кажутся настолько близкими, как будто открывают что-то и из твоей жизни тоже:

Мне казалось, что гордость
Охраняет от горя,
И раскрыться боялась,
Чтобы меньше страдать...

И еще много таких строк и стихов, которые хочется перечитывать.

Борис Семенович однажды с недовольством сказал: «Я дал рекомендацию Яньшиной для вступления в Союз писателей, но она не хочет вступать. Многие говорят, что это очень редкий случай».

Замечательный у нее венок сонетов - «Души преображень».

Испить восторга высоту -
Не значит в космос подниматься.
С восторгом можно повстречаться
И на посту. И на мосту.

Лишь не предай свою мечту,
Иначе стоило ль рождаться?
Кто за нее способен драться,
Познает жизни остроту.

Надежда Ильинична прислала мне интересное поздравление к Новому году – году Кролика.

Гороскоп от Яньшиной на 2011-й год

То ли Заяц, то ли Кролик
То ли Кошка, то ли Кот...
Кто в такой пушистой роли
Притаился у ворот?
Кто своим пытливым носом
Все обнюхает в момент?

Озадачены вопросом –
Ждать разнос иль комплимент?
Уж такой он умный, ловкий,
Мягкий вежливый зверек:
Без банальной мышеловки
Ловит вдоль и поперек.
Быстр, как Заяц. Без оплошки.
И как Кролик, плодовит.
С грацией вельможной Кошки
Быть свободным норовит.
А случись, качнутся трапы –
Спрыгнет сверху невредим,
Аккуратненько на лапы
Приземлится. ... Мы – за ним.

Через Вайсберга Яньшина познакомилась с моей луганской землячкой Ирой Иоффе, у них завязалась переписка, они стали друзьями в письмах. Однажды она мне сообщила, что Ира, описывая все свои невзгоды, связанные со здоровьем и возникшие по этому случаю грустные мысли, обратилась к ней с просьбой написать ей «Реквием». «Я тут же отозвалась, - пишет Надежда Ильинична, - и настрочила ей желаемое». А поскольку она является к тому же мастером акростиха, у нее получился реквием – акростих.

РЕКВИЕМ

*«Меня просил товарищ мой и друг, -
А другу дважды не дают просить...»*

Константин Симонов

Изъявил желанье человек
Реквием прочесть еще при жизни,
Исходя из показаний ВТЭК
На болезни, что вконец загрызли.
А надежда все равно жива,
Изворотлив и находчив разум.
Он наводит параллели разом,
Факты знает, что хранит молва.
Фиг вам, старушенция с косою, –
Есть еще аренда на постой!

Яньшина рассказала, что Ирине Реквием понравился, и она смеялась, когда его читала.

Надежда Ильинична познакомила меня с поэзией ее сына Виталия. Его стихотворение «Давай припомним молодость свою» очень подходит нам, 80-летним. Я его прочитала на юбилее своей подруги Лены Петросян и моем тоже. Вот один куплет из него:

...Давай забудем про свои года,
Про всякие болезни и болячки.
Еще хоть раз промчимся в этой скачке –
Ведь в спячке не поскачешь никуда...

Получилось так, что мои новые друзья – Борис Вайсберг, его жена Ольга, Надежда Яньшина, так же, как и Генрих Эйхлер, - друзья, с которыми я ни разу не виделась. А все общения идут только через письма, СМС-ки и телефонные разговоры. Оказывается, так тоже можно дружить. А вот Наташа Бухвал сумела приехать в Дзержинск и мы познакомились наяву.

Приезжали к нам с мамой еще в Луганск, а потом и в Дзержинск Дружинины Алена и Галина Алексеевна. Нас с ними связывает история «Молодой гвардии». Алена – историк и эта тема ей очень близка. Мы вместе были в Краснодоне на юбилеях «Молодой гвардии». Алена подвигам молодогвардейцев много посвятила стихов, некоторые я уже включала в свои книги.

Верю

Ребята, где вы? Знаю... Рядом...

Но я хочу вас осязать!

Приветствовать мужским обрядом

И крепко-накрепко обнять!

Мне нужен смех ваш громкий, звонкий.

Хочу над шуткой хохотать

Неугомонного Сережки

И вишню спелую глотать.

Хочу обнять за плечи Ваню

И передать ему привет,

Все рассказать про брата Саню –

Ведь вы в разлуке столько лет!

С Уляшей, дорогой подружкой,

Мы посекретничаем всласть.

Советом, сказанным на ушко,

Не даст в обочину упасть.

С Любашей поиграем в прятки.

Театры... Будем мы мечтать...

И ни за что со сладкой сливы

На крик не будем мы слезать.

А Витю я возьму под руку,

Пройтись по парковой тиши:

Всегда разгонит мою скуку –

И удивит, и рассмешит.
А с Васей в тягостном молчаньи
Не будем время проводить,
Исполним наше с ним желанье
О жизни вдоволь говорить.
Хочу я напоить вас чаем,
Черникой с медом угостить...
Нет, выбор в жизни не случаен –
Меня придете навестить?
Мне тяжело, когда одна я...
И пусть! Да! Знаю, что вы есть!..

Сам же Борис Семенович, всю свою жизнь отобразил в своих книгах. Каждая его книга – это кусочек из его биографии. Мне особенно интересно читать его воспоминания о Генрихе Эйхлере, а также многое, что касается его родословной и Ольги Иосифовны. Это, наверное, потому, что я сама люблю изучать свою родословную, и чужие меня тоже интересуют.

Особое место занимают его небольшие рассказы, причем, на любые темы, серьезные и не серьезные. Я представила себе это так: просто глянул в окно, увидел что-то запоминающееся и под настроение – рассказ готов. Правда, не всем это дано, значит, не так и просто. Например, эта миниатюра.

ПРОСТОЙ РЕЦЕПТ

«Что так сердце, что так сердце растревожено. Словно ветром тронуло струну. О любви немало песен сложено, я спою тебе, спою еще одну.

Эту песню помнит наше поколение. Кинофильм чудесный – «Верные друзья». Небольшое сделав изменение, попытаюсь высказаться я.

Что так сердце снова чем-то потревожено. Будто вновь затронуло струну. О работе мало песен сложено. Это скучно, но сложу и я одну.

Пели песни о монтажниках-высотниках, пели песни о геологах, врачах, о военных, о танкистах и о летчиках, о нефтяниках, радистах, моряках.

Но ни разу не встречалось о писателях, будто книжку просто написать. Не писали о редакторах, издателях.

А ведь книгу тоже нелегко издать.

Что-то сердце снова чем-то потревожено, словно стрессом треснуло его. О болезнях ничего вообще не сложено, вспоминаю – не припомню ничего

Как бы нам бы сердце наше поберечь бы. Как? Особливо старым мужикам. Ведь судьба у сердца нашего ох нелегка. Мины падают все ближе, ближе к нам...

Не влюбляться, не сердиться и не ссориться – нам рецепт дают до ужаса простой. И тогда у нас все будет ладно спориться. Станем жить мы без инфарктов лет под сто.

Да, но как же жить прикажете бесчувственно? Без любви, без ревности, без ссор. Это как-то вроде бы искусственно. Лично мне не удавалось до сих пор.

А на днях проделали мне ЭКГ. Потому завел об этом речь, что сказала кардиологиня мне: «Э-ге! Надо вам сердечко ваше поберечь»...

Я создать хочу такое сочинение, чтоб оно пошло по всей стране. Чтоб читало наше население и порою вспоминало обо мне...»

Или его «Кукарача» - казалось бы смешной рассказ, но конец – очень и очень серьезный! Посмотрите-ка:

КУКАРАЧА

Тоже тема: тараканы. Была у нас в квартире эта живность, и временами немало. Избавишься от них, они уйдут в соседнюю квартиру. Потом снова заявляются. Мигрируют они по вентиляционным каналам из квартиры в квартиру.

Опять избавились, побрызгав какой-то жидкостью. И больше они не появились. Было странно, непривычно, непонятно. Ни одного таракашки нет. Ну, совершенно ни единого!

К слову полюбопытствовал у соседей через стенку, с которыми связаны общим вентиляционным каналом. У них тоже не стало. Вообще ушли тараканы из города, сказала соседка. Она даже где-то видела об этом сообщение в печати.

Не может быть! Этого не может быть, потому что не может быть никогда. Как это, как это, чтобы тараканы ушли из города? Все до одного. Смешно. В другой город, что ли?

Потом и я сам услышал по радио об этом. Да, таки ушли! Во всем городе Екатеринбурге нету ни одного таракана. Что-то

случилось в мире плохое для них, и они ушли. То есть не в мире, а в городе. Не переселились же они на другую планету.

Вспомнилось, как живя в деревне, видел однажды такое «вселенское переселение тараканов». Я сидел на лавочке у дома, где поселился. В доме было полным-полно тараканья. Ночью было даже неприятно от их шороха. И засыпая под этот шорох, я вспомнил историю.

Хозяйка купила новую клеенку на кухонный стол. Ночью услышала из кухни какие-то странные звуки. Шорох, стуки, ругань, матерщину. Включила свет на кухне и видит: тараканы скользят по клеенке и с руганью падают на пол. На другую ночь - другие звуки, уже без ругани, даже как бы с музыкой. Опять включила свет: теперь тараканы катаются по клеенке на коньках.

Да, конечно, анекдот. Но здесь, сидя на лавочке, я видел уже реальную картину. Прямо подо мной, под лавочкой один за одним передвигается живой ручеек из тараканов. Будто кто-то их ведет. Словно крысы, которые шли за крысоловом под его дудочку.

Не поверил своим глазам! Присел и наблюдал этот исход из дома, где я проживал, видимо, в соседний дом. Было уже темновато, и я не разглядел дальше, куда они шли. Но в нашем доме их уже не было. Ни одного! Что-то им не понравилось в нашем жилище.

Сейчас вспомнилось что-то из моей молодости. Какая-то танцевальная мелодия, кажется, фокстрот. Да-да, знаменитый фокстрот 30-50-х годов. Как же он назывался? Как-то смешно. Вот - «Кукарача»! Мы фокстротили под него, не зная, что таинственное испанское слово это означает всего лишь «таракан».

Мелодия легко вспомнилась сейчас, через полвека. Я даже зашевелил ногами, вроде танцуя на месте. Но слов не помнил, кроме «кукарачи».

Ах, кукарача, ах кукарача,

(больше слов не знаю я),

Ах, кукарача, ах. Кукарача,

(это гимн тараканья).

Вспомнилось еще, что где-то у меня есть рассказец «Год Таракана». Если есть годы всякой живности, даже Крысы, то почему нет года Таракана?

Кончилась вся эта «тараканья история» весьма невесело. Официально сообщили в печати, что в связи с повышением уровня радиоактивности на Урале тараканы ушли из этого региона.

А нам-то людям-человекам куда уходить? Или степень повышения радиации, опасная для тараканов, не опасна для людей?

Вот такая кукарача, извините.

(Кстати, к этому мне вспомнились слова, что пела Клавдия Шульженко:

Я кукарача, я кукарача - Мне ли быть иной.

Я не заплачу, нет, не заплачу - Все равно ты будешь мой!)

Борис Семенович нашел хорошее средство, как бороться с хандрой. Об этом он поделился с нами в «стихопрозе» «Колебания настроения» про «Гарики» Игоря Губермана:

«Когда хандру и сплин испытываю, беру я «Гарики» и перечитываю. И настроенье повышается, пищеваренье улучшается. Давление нормализуется, в мозгах свечение образуется. Адреналинчик добавляется, и все отлично получается!

Анализы вполне приличные. Моча, простите, симпатичная. И вновь я полон оптимизма... До следующего пессимизма. Ну, а пока живу я в тонусе, как будто выдали мне бонусы. (А если тонус поднимается, то и любовью занимаются...)

И вдруг опять, ну как назло, мой оптимизм развезло! Наваливается депрессуха, все видится темно и глухо. Душа болит, болит и тело, и кажется жизнь пролетела. И дальше жизнь мне не мила. Да вроде бы и не была.

Тогда беру вновь в руки «гарики», и как лекарственные шарики глотаю Губермана строчки. И отступают заморочки, проблемы, хвори и усталость. И отступает даже старость. Я делаюсь тогда моложе, и крепче, здоровей и строже – к себе.

Ну, а к другим – добрей, и вспоминаю: как еврей я должен в мир тепло и свет нести. Другой задачи нет. И я творю, творю, творю! Я весь горю, горю, горю! И, кажется, что те качания, те настроений колебания продлятся много-много лет.

Что им конца и края нет...»

РЕКОРД ГИННЕСА

Услышала в октябре 2010 года по телевизору, что в Тель-Авиве известный шахматист, выходец из России, гроссмейстер Алик Гершон проводит сеанс одновременной игры на 523 досках. Сразу подумала, что там должен обязательно участвовать и племянник мужа Леонид Самарин. Он, как и его отец Анатолий Самарин, заядлый шахматист. Внимательно искала его в кадрах, но не увидела. Но он, все-таки, участвовал в турнире, о чем рассказал в своем письме:

«...Наконец, выбрал время сообщить подробности рекордного сеанса. Проиграл, увы, очень быстро - в 15 ходов. Однако партия продолжалась 11 часов, потому что гроссмейстеру обойти все доски, делая ход почти молниеносно – это уже почти час.

А.Гершон – Л.Самарин. 21.10.2010, начало сеанса в 11.34. До моей 117-й доски он дошел в 11.39.

(По ходу игры Леня дает замечания: «5-й ход – А солнце печет...»)

После 10-го хода: «Надо было меняться. До этого хода у меня еще было преимущество».

После 11-го хода: «Чем медленно и верно гибнуть, решил обострить. Не помогло»).

Проиграв, я всё равно остался на площади Рабина, наблюдая за игрой, до конца сеанса - до утра (тем более, что уехать было не на чем). В итоге наблюдал и за процедурой регистрации рекорда для Книги Гиннеса и вручения Алику Гершону сертификата.

А меня тут по 1 российскому каналу показали, в новостях! Когда А.Гершон закончил последнюю партию, я как раз у него за спиной оказался и аплодировал, вместе со всеми. Побив меня, А.Гершон побил и мировой рекорд. Значит, я и есть мировой рекорд???

Мероприятие проходило под лозунгом «Алия бьет (буквально «ломает») рекорды».

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО

Иногда возникает какой-то вопрос или событие, о чем тут же хочется рассказать конкретному человеку. У меня это часто бывает, когда я хочу поделиться чем-то или со школьной подругой или институтской. Но, увы! Их уже или нет на этом свете, или уехали далеко.

Вспоминаю своих и школьных и институтских подруг, и мне их часто не хватает. Сколько раз хотелось поговорить о музыке с Любой Лихомановой, поклонницей Шопена, и о современных постановках драмтеатров с Руманой Киприной, с которой мы вместе просмотрели за один 1952 год 20 разных спектаклей, в том числе, незабываемый «Сирано» с Астанговым и Казанской. С ее внуком Артемием поддерживаю связь, он «мой» художник, оформляет обложки к моим книгам. И с Люсей Суриной вспомнить родной Луганск и наш класс, где мы с нею сидели несколько лет за одной партой.

Наша дзержинская компания образовалась из нескольких семей молодых тогда специалистов в 50-х годах прошлого века. Наша дружба крепла в постоянном общении, в том числе и в походах по всему Советскому Союзу. Член флотилии «Вездеход» Влада Балакирская на этих страницах вспомнила свою счастливую молодость.

Если бы молодость знала, если бы старость могла

«Когда я училась в десятом классе, в меня влюбился симпатичный молодой человек - Коган Зяма. Мы встретились на новогоднем бале-маскараде в моей школе 31 декабря 1946 года. Я была в костюме матроса. К черному костюму папы я пришила матросский воротник и надела детскую бескозырку брата. Происходило это в г. Нежине Черниговской области, в Украине. Зяма учился в Киеве, в судостроительном техникуме, и часто приезжал в Нежин, где жили его родители. Летом 1947 года я поступила в институт в Киеве, и мы часто встречались: гуляли по Крещатику, ходили в парки, в кино.

Однажды он позвал меня на футбольный матч, а я не хотела идти, и сказала, что я ничего в футболе не понимаю, и мне неинтересно, но все-таки согласилась пойти. По дороге на стадион он купил мне водяную лилию. Когда мы вышли из стадиона, лилия оказалась измята и изорвана. Я так увлеклась игрой, что не заметила, как порвала свой любимый цветок.

Летом следующего года Зяма закончил техникум, и уехал работать по направлению в город Ярославской области. Мы были молодыми, бесшабашными и, конечно, нам хотелось быть вместе. У меня начались каникулы, и я стала проситься у родителей, чтобы

меня отпустили в Рыбинск. Родители - ни в какую. Тогда я придумала, что Зяма очень болен, у него рак, и я должна его навестить.

Мой папа был врачом, работал главврачом поликлиники, а в детстве учился в хедере и знал древнееврейский язык. Он сказал мне, маме и родителям Зямы, что рак на древнееврейском языке означает "он хочет". Всем стало очень весело, и мне тоже, но смеяться при всех я не могла и выходила в коридор, а затем заходила в комнату и плакала. Мама называла меня "артисткой". Конечно, меня никуда не отпустили: мы ведь не были женаты, а нравы тогда были строгие. Зяма приехал в Нежин в отпуск, и мы встретились.

Через год, летом 1949 г., мы решили пожениться. Я заканчивала 2-й курс института, Зяма отработал два года, а по закону должен был отработать три, и его с завода не отпускали. Он приехал в отпуск в Киев, а у меня заканчивалась сессия.

Мои родители не хотели, чтобы я рано выходила замуж, особенно папа. Они считали, что я должна раньше закончить институт, а потом выходить замуж. Я подкупила папу тем, что сдала сессию на все пятерки и пообещала оставить себе девичью, т.е. его фамилию. Так я и поступила. Мы расписались, как и хотели, в Киеве, в Нежине отпраздновали свадьбу и уехали в Рыбинск, т.к. у Зямы заканчивался отпуск.

Я училась в Киеве в химико-технологическом институте силикатной промышленности. По справочнику мы нашли, что Химико-технологический институт есть в Ярославле, и решили, что я переведусь в Ярославский институт. Зяма в Рыбинске работал на судостроительном заводе. В Ярославле был аналогичный завод того же министерства.

По дороге из Рыбинска в Нежин Зяма зашел в свое министерство и получил перевод на Ярославский завод. Мы преспокойно отдыхали под крылышком у родителей почти до самого начала учебного года. Тут начинается самое интересное и авантюрное, характеризующее нашу молодость и беспечность, ради чего я и пишу это повествование. Родителям мы сказали, что нашли жилье в Ярославле, поэтому мы приехали в Ярославль за 2 дня до начала учебного года. Сдали вещи в камеру хранения и поехали трамваем в институт. Благополучно сдали мои документы, и я была зачислена на 3-й курс. Надо было искать жилье. В институте

сказали, что у них только адреса, где могут принять одиноких студентов.

Дело было под вечер, мы были голодны и стали в очередь за хлебом. Перед нами стоял пожилой мужчина с виду похожий на еврея. Я и Зяма знали, что евреи дружелюбны и рады помочь друг другу, и решили обратиться к нему на языке идиш. Но ни я, ни Зяма этого языка не знали. Кое-как мы вспомнили, как будет на идиш: "Вы еврей?", но усомнились, правильно ли мы говорим "вы", не говорим ли мы "ты". Пока мы так обсуждали, дедушка обернулся и сказал: "Дети, не мучайтесь, скажите, что вам нужно", и мы попросили его помочь нам найти жилье.

Он повел нас к своим соседям, которые сдали нам крохотную комнатку. Я вовремя пошла учиться, а муж вышел на работу. Наша авантюра закончилась благополучно. Брак наш оказался вполне удачным. У нас сын и дочь. Сын стал инженером по эксплуатации автомобильного транспорта, а затем предпринимателем по той же специальности. Он подарил нам двух внуков, которые пошли по его стопам, и стали преемниками его фирмы. Каждый из них подарил нам по два замечательных правнука.

Дочь тоже стала инженером-механиком и работает с нашим сыном на его фирме. У нее взрослые сын и дочь, оба закончили институты, работают.

Зяма был очень хорошим семьянином, любящим мужем, заботливым отцом, хорошим работником. Он во всем помогал мне, благодаря чему я защитила кандидатскую диссертацию. 6 апреля 2003 года нас постигло большое горе: Зямы не стало. Ему еще не исполнилось 75 лет. Последние два-три года он тяжело болел. Мы прожили вместе в любви и согласии 54 года. Без него мне очень плохо. Если бы я могла его воскресить...»

Когда тяжело болела наша Ирма Лихтерова, мне хотелось ей сделать что-то хорошее, и я поместила ее рассказ об уральском походе в свою заметку для журнала «Уральский следопыт». Думала, что потом покажу ей, и может быть, она порадуется. Но, к сожалению, журнал тогда обанкротился, моя статья не вышла. Помещу хотя бы ее здесь! Хотя он и есть в моей книге «Мой Дзержинск»

Уважаемая редакция!

На днях я получила приятный подарок – журнал «Уральский следопыт» №7 за этот год – от автора статьи «Чтобы не забыли» Бориса Вайсберга. В ней говорится о моем дяде, младшем брате отца, Викторе Третьякевиче, о его роли в организации «Молодой гвардии» Краснодона и его судьбе. Он был одним из ее организаторов, был ее комиссаром. Я очень благодарна редакции журнала за публикацию этой статьи. Теперь многие на Урале, кто этого не знал раньше, узнают, кем был Виктор Третьякевич.

Еще хочу рассказать о том, что ваш журнал мне напомнил те времена, когда наша семья и наши дзержинские друзья были молоды и ходили в турпоходы в разные края. Наша дружная компания (мы ее называли «Флотилия «Вездеход») во главе с «адмиралом» Иветой Разинской и «штурманом» Виктором Лихтеровым на байдарках или пешком побывали в Карелии, на Байкале, на реках в Архангельской области, на Алтае.

Ходили и по уральским местам – по Приполярному Уралу (1967 г), по реке Сылве (1973 г), когда посетили Кунгурскую пещеру. В 1982г плавали на четырех байдарках по реке Белой.

Здесь можно привести описание одного из уральских походов по дневниковым записям члена нашей команды Ирмы Лихтеровой:

Удивительное путешествие группы морской пехоты по горам и по долам.

Приполярный Урал, лето 1967г

Состав: адмирал Ивета - она же завхоз, вице-адмирал Николаич – он же бомбардир, штурман Витя – он же кинооператор, боцман Николай – он же главный рыбак и медработник, шаманша Ирма – она же летописец, юнга Сима – она же кок.

Есть ли основания считать путешествие удивительным? Я считаю, что есть, если все пойдет как по-писаному в соответствии с планами Штурмана. А если нам встретятся неожиданности – тем более!

Вот, пожалуйста, уже! Авария на железной дороге за полсутки до нашего прибытия. Стоим на станции Иосер в поезде Москва-

Воркута. Впереди сошли с рельсов цистерны с бензином, был пожар, и там 250 метров дороги будут строить заново. Сейчас туда повезли шпалы.

Около станции Тобысь зрелище ужасное. В тайге еще дымится, и лежат 36 огромных бочек, вспученных и перекореженных.

Начало пути - станция Кожим. Приехали с восходом солнца в половине 2-го. Радуемся белой ночи, особенно Сима. Мужчины отправились узнать, как с транспортом, и уже через два часа прибежали с радостным известием: нас возьмет самолет до Пеленгичей!

К 4-м часам мы уже были на месте. Стали лагерем на дневку. На одном и том же месте пейзажи меняются каждый час в зависимости от высоты солнышка. Ягод еще нет, но будет много. Дневать здесь очень хорошо – никто не кусается.

Пошли в поселок поискать хрусталиков. Нам показали свалку обогатительной фабрики, где мы с удовольствием покопались и набили полные карманы сокровищ

Начался поход. Идем все время по прижсам, хотя тракторная дорога без конца переходит с берега на берег ручья Пеленгичей. Дошли до лагеря оленеводов, они нам дали несколько советов. Встретили отбившегося олененка, фотографировались с ним. Прошли 14 км, здорово умотались по прижсам.

Утром у нас была очень красивая голубая ванна под камнем. Идем левым берегом до ручья Караванного, а надо было бы через 1,5 км перейти на правый. Перешли его в устье, но подъем наверх хоть и небольшой, но почти отвесный. Дальше начался длинный тягун. Тут я нашла две друзы. Одна - как огромный камень, растет из-под земли. Сразу за тягуном видно Северное Лезвие, а чуть дальше – перевал Некрещеный.

Очень тяжелый день! Сразу после обеда пошли на перевал. С него видна грандиозная панорама - справа гранитная стенка, дальше очень величественно выглядит Чандер, и вершины, вершины, вершины. А за перевалом пошел бесконечный спуск, и пока мы дошли до леса, окончательно сдохли.

Поселок Северная Народа оказался в 15 минутах от нас. Так что мы вчера действительно сделали 23-25 км! Начинают попадаться спелые ягоды – голубика и княженика. Поджарили грибы, но они оказались жгучие. Их ели только Боцман и Штурман, но поскольку

с ними за ночь ничего не случилось, утром мы с Боцманом их доели. Здесь комар и мошкара уже основательные, особенно вечером.

Поднялись от ручья наверх и идем по отрогам, «траверсуем». Берегом ручья идти нельзя – болото. Идем прямо по ручью, по камням. Прошли Голубые озера, но на самом деле они серые. Вскарabкались на седлышко. А вниз...

Ох, надо бы поплакать, да нет возможности. Надо сосредоточить все внимание, все силы. И как мы оттуда сползли! Очень активно пользовались пятой точкой, и все-таки, мы с Лихтеровым по разу наверху в одном и том же месте, на льду. Зато сразу за спуском нашли отличную поляну на две палатки.

Оказывается, мы попали в долину реки Болбанью с озерами. К Народной, если и был проход, то слева от перевала по кругам между цирками. Как только это выяснилось, началось легкое волнение у экипажа. Снова шли по камням и, как сказала Сима, они сидят у нее в печенках.

К рассказу Ирмы добавлю, что впереди были еще и куропатки, и хариусы, и много морошки с голубикой.

До сих пор в наших семьях хранятся камни с Байкала, камни с Белого моря, облепленные ракушками, друзы уральского хрусталя, камни с отпечатками древних папоротников и хвощей пермского периода, которые мы нашли по берегам Сылвы.

В те годы мы заинтересовались вашим журналом и некоторые из нас его выписывали. Позже, мой сын Андрей, интересуясь фантастикой, печатаемой в «Уральском следопыте», выписывал его в 1989-90г.

Ваш журнал действительно разнообразен по темам. Особенно с большим интересом в №7 я прочла материал о памятниках Екатеринбургa, о неизвестных местах в ваших краях, познакомилась со стихами.

Пожелаю журналу «Уральский следопыт» и в дальнейшем сохранять свой высокий и интересный уровень».

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

В 1997 году вышла моя первая книга «Повесть о братьях Третьякевичах» под редакцией Бориса Вайсберга. В ней я использовала только домашний архив и вырезки из газет,

касающиеся партизанского отряда отца и судьбы его младшего брата Виктора - молодогвардейца.

Материалы собирал отец, его брат Владимир, и мой брат Витя. Когда и его не стало, я решила их труды объединить в книгу. По совету знакомого журналиста из Геническа Валерия Красюка я послала книгу в архив ЦХДМО, и получила оттуда неожиданный ответ от Иры Иоффе, с которой училась в Луганске в одной школе!

Встреча состоялась через 50 лет. Это настоящий счастливый случай, так как благодаря Ирине, которая работала в архиве, я быстрее там освоилась и с ее помощью посмотрела материалы по «Молодой гвардии», которые были к тому времени уже рассекречены.

Я смогла в следующую свою книгу «Оглядываясь на прошлое...» включить те архивные материалы, например, докладные записки различных комиссий, которые подтверждали организаторскую и руководящую роль Виктора Третьякевича в «Молодой гвардии».

Я познакомила Ирину с Вайсбергом. Она под его редакцией выпустила интересную книгу о своей родословной «И это все» о ...нас». Видно, что ее писала настоящий историк-исследователь. Я в нее с удовольствием заглядываю, чтоб вспомнить о Луганске.

В архиве я познакомилась и с Ниной Константиновной Петровой. Она родом тоже из Донбасса, ее отец стоял у истоков стахановского движения. Нина Константиновна – доктор исторических наук, ее интересуют военная тематика и, конечно, история «Молодой гвардии».

Там же я встретилась с краснодонкой Кларой Степановной Павликовой, которая в 11-летнем возрасте была в Суходольском пионерлагере, где вожатым ее отряда был наш Виктор. Ее воспоминания о нем я поместила в книгу «Мой Дзержинск».

Счастливым случаем можно назвать мое знакомство с Борисом Семеновичем. Оно произошло благодаря Эйхлеру, который нас объединяет, а также различным совпадениям. Дочь Маша знала о моем знакомстве с Генрихом Эйхлером, видела его письма. Поэтому, когда ей случайно попался альманах «Чистые пруды», и она прочла там статью Вайсберга об Эйхлере, то сразу же привезла его мне.

В статье упоминался писатель Л.Э.Разгон, который работал до войны с Эйхлером в Детгизе. Он тоже пострадал, сидел в Гулаге.

Через него я и нашла Бориса Семеновича. Он сообщил мне его екатеринбургский адрес, отметив при этом, что «Вайсберг лучший эйхлеровед в нашей стране».

Вот какой длинный путь был к нашему знакомству с Борисом Семеновичем!

А как иначе назвать тот случай, если не счастливым, когда меня, молодого специалиста, временно, до получения места в общежитии поселили жить в центральной гостинице Дзержинска? И что благодаря этому я познакомилась с будущими моими друзьями, и произошло зарождение нашей дзержинской компании. Тогда, в 1953 году, там жили – Виктор и Ирма, Руфа и Карл, Ивета, Екатерина Михайловна и Борис Петрович.

Компания постепенно разрасталась, и в походы мы ходили по 15 и более человек. Сейчас, спустя более 50 лет, нас, стариков, уже осталось мало, но наши дети, хотя и изредка, встречаются, и даже они уже живут воспоминаниями о походах, в которые ходили еще в свои детские и юные годы...

ДИАЛОГ

(август 2010г)

Внучка: - Бабушка, ты жалеешь, что скоро жизнь кончится?

Бабушка: - А я об этом не думаю, потому и не жалею.

РАЗМЫШЛЕНИЕ или вместо эпилога

Из дневника Оли Самариной.

«То, во что человек верит, всегда с ним. Если в любовь – она всегда в нём, если в Бога – Бог в сердце. В последнее время стали часто высмеивать то, во что верит человек. А в молодости он верит, что будет вечно молод, и вообще, люди часто так планируют всё, будто будут жить вечно. Люди думают, что лучшее впереди. Они уверены в своём высшем предназначении, в том, что их жизнь что-то значит, что родились они не просто так.

Всё это глупости, но это та ложь, в которую надо верить свято. Потому что это – правильно. Естественно. Верите ли вы, например, в то, что когда-нибудь умрёте? Что вас зароят на два метра под землю? Нет, вы можете иногда думать об этом, подозревать, но не верить в это полностью. Потому что если бы вы в это действительно поверили, то вы бы давно уже бросились с моста...»

Хочется к этому добавить: вот, наверное, поэтому мы и живем, и мечтаем, и трудимся. А, может быть, вернее сказано у Зои Третьякевич:

Мы не ищем примеров торжественных,
Не пробиться нам в край совершенства,
Не вкусить наслаждений божественных:
Нам дано лишь земное блаженство.

СПИСОК ФОТОГРАФИЙ

Первый раздел № 1-27 перед главой Музыка.

1. Хата Третьякевичей в Краснодоне, где часто собирались молодогвардейцы. Снимок 1960-70 г.г.
2. Я с Витей, будущим молодогвардейцем. Краснодон, 1933-34 г.
3. Комсомольский актив школы №4 им. Ворошилова. 2-й справа сидит Виктор Третьякевич, 2-ая справа стоит Надя Стасюк. г.Краснодон, 1939-40 г
4. Виктор Иосифович Третьякевич - связной партизанского отряда, комиссар «Молодой гвардии». Краснодон, 1941г.
5. Михаил Иосифович Третьякевич – комиссар партизанского отряда. Луганск, 1943 г
6. Я у могилы командира партизанского отряда Яковенко И.М. Луганск, 1987 г.
7. На могиле молодогвардейцев. Краснодон, 1987 г
8. На открытии памятника Виктору Третьякевичу на родине. Стоят: молодогвардейцы Василий Левашов, Анатолий Лопухов, Радий Юркин, брат Виктора Владимир. Сидят: мать Виктора Анна Иосифовна и первая учительница Виктора Ольга Владимировна Лящук. с.Ясенки, 1965 г
- 9.Школьники салютуют у памятника Виктору 9 мая 2006 г. с. Ясенки.
10. 20-летие «Молодой гвардии». Анна Иосифовна Третьякевич с сыновьями Владимиром и Михаилом и молодогвардейцем Василием Левашовым. Краснодон, сентябрь, 1962 г
11. Надежда Стасюк. 19 лет. Краснодон, 1942 г
- 11а. Надежда Стасюк после окончания института, 1949 г
- 11б. Надежда Стасюк, Ростов-на-Дону, 1975 г
- 11в.почетная грамота –подпись не нужна
- 11г. СШ №32 имени «Молодой гвардии», Ростов-на-Дону
12. Стасюк Александр Павлович. Ростов-на-Дону, 2006 г.

13. Основатель и многолетний руководитель музея «Молодая гвардия» в школе №32 Ростова-на-Дону А.И.Лазарева с Советом музея. 1962 г.
 14. Доска на здании средней школы №32 г. Ростова-на-Дону.
 15. Изварина Л.И. с Левашовым В.И. в день открытия музея в школе № 32, Ростов-на-Дону, 29 сентября 1962 г.
 16. Александр Макарович Литвин, директор краснодонского музея «Молодая гвардия» до 1964 г
 17. Орденская книжка Виктора Третьякевича от 13 декабря 1960 г к ордену Отечественной войны 1-ой степени
 18. Орден Отечественной войны 1 степени, которым был награжден Виктор Третьякевич Указом Президиума Верховного Совета СССР 13 декабря 1960 г.
 19. В архиве (ЦХДМО). Впереди И.Иоффе, Е. Самарина, Н.Петрова. Москва, 1999г.
 20. 65-летие «Молодой гвардии». Случайно я оказалась на первом плане. г.Краснодон, 21 сентября 2007 г.
 21. Встреча в музее «Молодой гвардии» с Антониной Титовой, подругой молодогвардейца Анатолия Ковалева. Краснодон, 2007 г.
 22. Наташа Бухвал и Клара Степановна Павликова. Москва, 2010 г.
 23. Дружинины Галина Алексеевна и Алена. Кисловодск, 2010 г.
 24. Низовцев Анатолий Алексеевич. Дзержинск, 2007 г.
 25. Обложка книги. Изд. «Вече», Москва, 2010 г
 26. Защитники Брестской крепости у Северных ворот крепости. Слева: 2-й – А. Махнач, 6-й С.Матевосян. Рядом с ним С.Смирнов. Справа: 2-й П.Гаврилов, о которых написала И.Иоффе. 1956 год
 27. «Смертью смерть поправ. Молодогвардейцы». Картина заслуженного художника РФ Б.П.Бельмасова. Москва, Центральный музей ВОВ 1941-1945 г
 - 27а. Бельмасов Б.П. Заслуженный художник РФ, член-корреспондент РАХ, 2010г
 - 27б. письмо от музея – без подписи
- 2-й раздел № 28-59
28. Мне 13 лет. С родителями. Ворошиловград, 1944 г
 29. Институтские уральские подружки. Люба, Люся, Румана. Челябинск, 1959 г.
 30. Дедушка Вася Туреев, бабушка Нюся Третьякевич, родители и я с сестрой Зиной и братом Витей. Луганск, 1950 г
 31. С Женей в Ворошиловграде. 1956 г
 32. С Андрюшей. Дзержинск, 1959 г
 33. На погрузке торфа. Справа стоят Агафонова (3), Первушина (4), Фролова (5), Самарина (6). Пос. Пыра, 1955г
 34. Наши дети – Андрюша и Маша. Дзержинск. 1966 г.

35. Пелагея Ивановна Самарина, ее сыновья Женя и Толя, и их семьи. Дзержинск, 1976 г.
36. С братом Витей и дочкой Машей во дворе своего дома. Луганск, 1974 г
37. Наш Борис Петрович. Дзержинск. 1976 г
38. Женя Самарин в лаборатории Нииполимеров, Дзержинск, 1978 г.
39. Мы с Иветой в Луганске. 1987 г.
40. Памятник К.Е. Ворошилову в Луганске и мы возле него. Слева: мама, я, Маша, тетя Ната с внуком Васей, братья Витя и Сережа и дядя Феликс. 1982 г.
41. Я с внуками Леной и Алешей. Дзержинск, 1991 г
42. Нам уже за 60. Дзержинск, 1991 г.
43. А здесь за 80. Я с Симой и Владой. Дзержинск, 2011 г.
44. Дети нашей компании на встрече Нового года у Самариных. 2 января 2011 г
45. Ольга Самарина в Серебряном Бору, 2005 г
46. Моя мама с правнуками Леной и Алешей. Дзержинск, 2007 г.
47. Племянник Миша с женой Наташей и дочкой Катей. Луганск, 2009г.
48. Встреча в Москве. Сын Андрей и дочь Маша с двоюродным племянником Юрой. 2007 г.
49. Зоя Третьякевич. Луганск, 2009 г.
50. Тройродные сестры Сонечка Чубакова и Оля Самарина. Дзержинск, 2010 г.
51. Мои внучки Лена и Оля. Дзержинск, январь 2011г
52. Мне 78 лет. С мамой и подругой Леной. Дзержинск, 2009г.
53. Борис Вайсберг с женой Ольгой. Екатеринбург, 2009 г.
54. Наташа Тихова – Менжицкая, моя напарница по слушанию классической музыки. Дзержинск, 2009 г.
55. Двоюродный брат Виктор Бадаев с женой Анной и сыном Василием. Москва, 2010 г
56. За доской Леонид Самарин, справа гроссмейстер Алик Гершон. Тель-Авив, 2010 г.
57. Память. Билет в Большой театр на оперу «Евгений Онегин». Москва, 24 марта 2001 г.
58. Святослав Рихтер и Инна Прусс в музее изобразительных искусств им. Пушкина. Москва. 1986 г.
59. Статья Н. К. Бухвал о Генрихе Эйхлере. Учительская газета, 16 января 2007 г.

3-й раздел. № 60-70

60. Мачу Пикчу.
61. Идем по леднику. Я третья слева, Женя завершающий. Красная Поляна, 1957г.

62. На привале. В центре Дима Лихтеров. Алтай. 1976 г.
63. Адмиральская лодка на Ваймуге. Коля, Ивета, Наташа, Филька. 1971 г.
64. Отдых в березовом лесу по пути в деревню Мокуево. Сима, Алла, я, Ирма, Маша, Влада. 9 мая 1974 г.
65. На Оке. Женя с Алешей. 1995 г.
66. Алеша и исландские лошади. Исландия, 2009 г.
67. Андрей перед водопадом Скагофосс. Исландия, 2008 г.
68. Алеша и пойманная им сайда. Норвегия, 2010 г.
69. Водопад Диньяндифосс. Андрей с сыном Алешей и другом Борисом Житомирским. Исландия, 2009 г.
70. Оля Самарина в Норвегии. 2010 г.